

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

3 2044 022 599 765

PSlav

481

18

1394/3

501

Научное слово

1904 г. кн. 6.

P 512v 481.18

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

дѣтъ; они были высокаго и
святоголубыми глазами; руковод
Появились въ 113 году въ
земли для поселенія. Получивъ
вѣдъ жителей и все по пути оу
тевтоны и гелъветы. Они бродя
били не разъ римлянъ, которы
грабежамъ, и уже проникли въ
бытъ, по окончаніи Югуртинск
нашествіемъ варваровъ
время, что сенатъ, на
человѣку, вышедшему
ководцемъ противъ ки
единственнаго защитн
судомъ 5 дѣтъ подъ рид
дѣйствительно, оправда
тевтоновъ (при Аввахъ

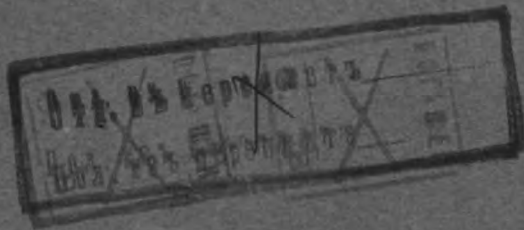
22

Книга VI.

1904 г.

Научное Слово.

Москва.

„Научное Слово“.

НОВАЯ КНИГА:

И. И. Мечниковъ.

Этюды
о
природѣ человека.

Съ портретомъ автора и 20 рисунками.

ИЗДАНИЕ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА

„Научное Слово“.

Цѣна въ папкѣ безъ пересылки 2 руб. 50 коп.

При покупкѣ въ редакціи „Научнаго Слова“ (Москва, Ваганьковскій пер., домъ Куманина) учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ пользуются скидкой въ 30%, книгопродавцы въ 20%, другія лица въ 10%, а иногородніе не платятъ за пересылку.

Книга VI.

1904 г.

032692

Научное Слово.

Саратовская
БИБЛИОТЕКА
Периодика.

Москва.

^D
P Slav 481.18 (1904, no-6)
✓

Дозволено цензурою. Москва, 24 июля 1904 г.

88434.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ П. Г. ЧЕРНЫШЕВА
Мирг. ССР им. П. Г. ЧЕРНЫШЕВА

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
15 JUN 1971

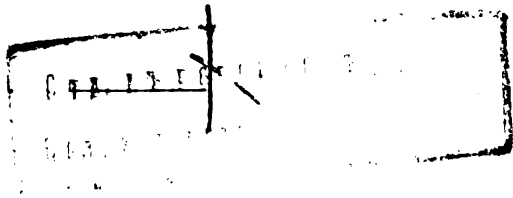
71+2

УЧО-МУ. ТМ Н. Н. КУШНЕРОВЪ в КН МОСКВА.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
I. ПАМЯТИ А. П. ЧЕХОВА.	
II. СТРАНИЦА ИЗЪ ИСТОРИИ ПОЧВОВѢДѢНІЯ. (<i>Памяти В. В. Докучаева</i>). Проф. В. И. Вернадскаго	5
III. БЫТЬ И НРАВЫ РУССКАГО ДВОРЯНСТВА ВЪ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ ХУІІІ ВѢКА. (<i>Окончаніе</i>). Прив.-доц. М. М. Богословскаго	27
IV. СПОРЪ О „BAVEL UND VIBEL“. Д. Н. Егорова	43
V. НОВЫЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ ПАМЯТНИКЪ ДРЕВНОСТИ. Прив.-доц. И. А. Кнстяковскаго	61
VI. ОЧЕРКИ ПО СРАВНИТЕЛЬНОЙ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ. (<i>Продолженіе</i>). Проф. М. М. Покровскаго	73
VII. ХРОНИКА НАУКИ, ИСКУССТВА И ЛИТЕРАТУРЫ („Биологическія основы цивилизаціи“. Прив.-доц. Р. Вейнберга.—„Комаринная теорія распространенія маляріи“. П. В. Цимлинской.—„Философскій конгрессъ“)	111
VIII. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. М. О. Гершензона	127
IX. БИБЛІОГРАФІЯ. (В. Д. Кузьминъ-Караваевъ: „Земство и деревня“. С. А. Шуманова.—Проф. Д. Я. Самоквасовъ: „Происхожденіе помѣстнаго права и общиннаго крѣпостнаго землевладѣнія“. В. Н. Сторожева.—„Иностранная критика о Горькомъ“.—Графъ Ф. де ла-Бартъ: „Бесѣды по исторіи всеобщей литературы и искусства“.—В. Гете: „Фаустъ“ въ переводѣ П. Вейнберга. Ю. А. Веселовскаго)	138
X. ОБЪЯВЛЕНІЕ.	

Антонъ Павловичъ Чеховъ

† 2 июля 1904 года.

Русское общество давно уже знало, что тяжкая болѣзнь души Чехова,—та самая болѣзнь, которая наложила свои зловѣщія тѣни на блѣдныя лица его героевъ: Учителя, Гусева, Саши. И тѣ, кто жилъ вблизи страждущаго писателя, оберегали его какъ любимое больное дитя. Но духовную близость чувствовали къ нему всѣ, и потому, когда пришла неумолимая вѣсть о его кончинѣ, всѣ ощутили утрату чего-то родного, нѣжнаго и милаго.

Онъ сперва описывалъ преимущественно то, чѣмъ жизнь смѣшна. Но глубокой натурѣ скоро открывается внутреннее сродство между смѣшнымъ и скорбнымъ, и Чеховъ, стихійно увлекаемый своей духовной глубиной, воспринялъ и воспроизвелъ жизнь въ ея печали, въ ея тоскѣ. И мѣръ, въ органическомъ сплетеніи своей нелѣпицы и своего несчастья, возсталъ передъ нами въ сумеречномъ отраженіи грустящей человѣческой души. Какъ будто рѣяли вокругъ насъ ея «безкрылыя желанія», ея горькія томленія, и плакала она тихими слезами...

Чеховъ изображалъ человѣка неудовлетвореннымъ и неудовлетворимымъ. Правда, его герои и не прилагаютъ могучихъ стараній къ тому, чтобы найти желанное удовлетвореніе; они безсильны и безвольны, и воля ихъ, «какъ подстрѣленная птица, подняться хочетъ и не можетъ». Правда, они не дѣятели жизни. Но зато они и не дѣльцы. На шумномъ торжищѣ людской корысти, среди крикливыхъ и суетливыхъ, среди разчетливыхъ и дѣловитыхъ, они оказываются лишними людьми. Но какъ премудрость міра—безумье предъ судомъ Творца, и не Марѳа, пекущаяся о многомъ, а Марія знаетъ единое на потребу,—такъ, быть можетъ, на иную, высшую оцѣнку, и эти лишніе будутъ признаны единственно нужными. Ибо души этихъ людей опажнуло вѣяніе идеала, и, «прижавшись къ праху въ сознаньи грустнаго безсилья», они тоскуютъ по высшей

красотѣ и правдѣ. И когда въ сутолокѣ повседневности они встрѣчаютъ мгновенный отблескъ вѣчнаго, какъ это было съ героемъ «Красавицъ», они испытываютъ священную грусть,—точно платоновское воспоминаніе о далекой обители чистыхъ идей.

Великая неудовлетворенность духа проникаетъ все творчество Чехова, окрашиваетъ тонкія нити его чудныхъ миниатюръ и разрѣшается въ чарующую элегію, трогаетъ нѣжною грустью. И въ лунномъ свѣтѣ этой меланхоліи, но свѣтѣ не холодномъ, жизнь принимаетъ такой задумчивый и поэтический колоритъ...

Впрочемъ, теперь, когда на кладбищѣ Дѣвичьяго монастыря ранняя могила Чехова, подъ сѣнью цвѣтущей липы, едва закрылась и еще вѣетъ надъ нею прощальный ароматъ безчисленныхъ вѣнковъ,—теперь не время дѣлать спокойный обзоръ его элегической поэзіи.

Мы еще вернемся къ ней, къ этой прекрасной страницѣ русской литературы,—а покамѣстъ низко поклонимся ушедшей тѣни ея творца! И тихимъ свѣтомъ грусти и упованія да свѣтится надъ родной землею незакатная звѣзда его имени!

Ю. А.

15 іюля 1904 года.

Страница изъ исторіи почвовѣдѣнія.

(Памяти В. В. Докучаева.)

I.

26 октября 1903 г. въ Петербургѣ послѣ страшной, мучительной болѣзни скончался бывшій профессоръ петербургскаго университета Василій Васильевичъ Докучаевъ¹⁾). Постепенно и медленно въ теченіе многихъ лѣтъ развивался у него тяжелый недугъ — психическое разстройство. Въ концѣ-концовъ въ послѣдніе годы онъ вынужденъ былъ совершенно удалиться изъ общественной и научной жизни. Въ полномъ сознаніи открытаго передъ нимъ ужаса, онъ напрасно старался, уже больной, найти спасеніе въ энергичной, широкой научной работѣ, съ трогательной силой обращался мыслью и сердцемъ къ самымъ глубокимъ тайникамъ человѣческой души, скрытымъ и неяснымъ у него въ другое время. Казалось, онъ стремился противопоставить надвигавшемуся несчастью всю силу, всю полноту своей личности. Все было напрасно. Личность его была окончательно сломлена...

Трудно представить себѣ что-нибудь болѣе трагичное, чѣмъ его судьба, для человѣка, полнаго мысли, инициативы и дѣятельности. А такимъ человѣкомъ былъ всю свою жизнь Василій Васильевичъ. Это была крупная, своеобразная фигура, рѣзко выдѣлявшаяся на фонѣ блѣдной русской общественности; и всякій, кто съ нимъ сталкивался, чувствовалъ вліяніе и сознавалъ силу его своеобразной индивидуальности. Въ исторіи естествознанія въ Россіи въ теченіе XIX в. немного найдется людей, которые могли бы быть поставлены наряду съ нимъ по вліянію, какое они оказывали на ходъ научной работы, по глубинѣ и оригинальности ихъ обобща-

¹⁾ В. В. Докучаевъ родился въ 1846 году. Первая его научная работа вышла въ свѣтъ въ 1869 году.

ющей мысли. Такъ или иначе Докучаевъ явился главой цѣлой школы русскихъ ученыхъ; вліяніе его стремленій и его идей ясно сказывается и все увеличивается далеко за предѣлами нашего отечества, и достигнутые имъ результаты, кажется мнѣ, принадлежать къ крупнымъ пріобрѣтеніямъ научнаго движенія XIX вѣка. Едва ли они до сихъ поръ правильно оцѣнены во всегда капризной и по существу очень исторически нечуткой научной средѣ.

Въ послѣдніе годы все дальше и дальше отходить въ далекое прошлое личное вліяніе его живой, своеобразной индивидуальности. Рѣдѣютъ ряды его современниковъ и даже учениковъ; на поле, имъ расчищенное, выступаютъ новые работники, которые знаютъ о его дѣятельности уже по преданію или въ схематизированной передачѣ учебниковъ, узнаютъ и понимаютъ его въ пылу и въ грохотѣ текущихъ научныхъ споровъ и вопросовъ. Многое, за что ему приходилось бороться, встрѣчаться съ непониманіемъ, выносить нападенія, вошло въ плоть и кровь ихъ научной мысли, кажется имъ яснымъ, понятнымъ и само собой разумѣющимся. Поэтому, особенно намъ, его ученикамъ, которые пережили сомнѣнія и сопровождавшую его дѣятельность борьбу, надо возстановить и оцѣнить то, что внесла эта крупная личность въ общую коллективную научную работу человѣчества. Прошло около 20 лѣтъ послѣ главныхъ его работъ, и уже многіе годы не раздавалось въ научной литературѣ его самостоятельнаго, живого голоса. Проходить цѣлый періодъ въ исторіи науки, въ который смѣняются научныя поколѣнія.

Я не стану давать полную картину его научныхъ трудовъ или рисовать очеркъ его жизни. Но мнѣ хочется здѣсь напомнить немногія крупныя стороны его творческой работы, оцѣнить ихъ на фонѣ общей эволюціи знанія, въ связи съ современнымъ пониманіемъ тѣхъ явленій, въ которыхъ онъ въ свое время явился новаторомъ.

Главная работа его мысли была направлена на изученіе почвъ, и можно сказать, что въ значительной степени въ связи съ его дѣятельностью эта отрасль знанія, до тѣхъ поръ имѣвшая въ русской ученой средѣ немногихъ представителей, получила широкое развитіе, привлекла къ себѣ многихъ энергичныхъ и талантливыхъ работниковъ.

Черезъ всѣ многочисленныя и разнообразныя работы Докучаева — надъ русскимъ ли черноземомъ или черноземомъ Сибири, почвами Поволжья или Малороссіи, сѣвера или юга Россіи — красной нитью проходятъ двѣ идеи, которыя постепенно и замѣтно входятъ въ общее научное сознаніе. Онѣ характеризуютъ всю дѣ-

ятельность как В. В., так и его учеников — выдѣляютъ въ наукѣ русскую школу почвовѣдѣнія, прямо или косвенно связанную съ научной мыслью и работой Докучаева.

Это, во-первыхъ, идея о географическомъ распредѣленіи почвъ въ связи съ ихъ генезисомъ, то-есть идея географіи почвъ, и во-вторыхъ, идея о почвѣ, какъ особомъ естественномъ тѣлѣ. Въ разъясненіи этихъ идей, въ ихъ зарожденіи и упроченіи въ поколѣніи русскихъ ученыхъ заключается главная заслуга Докучаева.

Онъ работалъ въ такой области знанія, въ наукахъ наблюдательнаго характера, гдѣ нѣтъ мѣста блестящимъ открытіямъ, которыя составляютъ гордость и силу натуралиста-экспериментатора, гдѣ нѣтъ возможности путемъ математическаго анализа или синтеза достигнуть новаго и неизвѣданнаго и раскрыть его передъ удивленными современниками. По существу вопросовъ, подлежащихъ изслѣдованію, выдающійся естествоиспытатель-наблюдатель познается по ширинѣ и глубинѣ идей, которыя онъ вноситъ въ изслѣдованіе, по тѣмъ схемамъ, какія онъ открываетъ въ запутанной и туманной области природныхъ явленій; эти идеи и схемы служатъ затѣмъ путями, по которымъ болѣе или менѣе долго, иногда многія десятилѣтія, движется мысль научныхъ поколѣній, приходитъ къ новымъ обобщеніямъ, схемамъ и къ новымъ идеямъ, разрушающимъ или углубляющимъ старыя. Нерѣдко эти идеи и эти схемы не выдѣляются рѣзко и ясно на фонѣ будничной работы ученаго, лишь постепенно проникаютъ въ труды его или его учениковъ. Выясненіе такихъ идей до извѣстной степени происходитъ тогда безсознательно, не можетъ быть сведено къ хронологическимъ датамъ, къ опредѣленнымъ изслѣдованіямъ. Наблюдается какъ бы сложная коллективная работа, въ результатѣ которой дѣйствительное вліяніе отдѣльной личности съ трудомъ можетъ быть документально выдѣлено изъ сплетенной и перепутанной общей мысли.

Если изслѣдователь почему бы то ни было не имѣлъ времени связано и цѣльно обработать свои мысли, былъ заваленъ текущими вопросами дня, его основныя идеи высказывались лишь *между прочимъ*; и хотя въ дѣйствительности онѣ являлись самымъ важнымъ и основнымъ элементомъ его дѣятельности, не онѣ бросались въ глаза современникамъ и послѣдующимъ поколѣніямъ, не онѣ отмѣчались въ научной библиографіи и литературѣ. Иногда ихъ можно понять, только окинувъ взоромъ всю совокупность его научныхъ работъ: только тогда видно, какъ эти идеи повторяются на разные лады, составляютъ основной тонъ научной мысли изслѣдователя, нигдѣ не выражаясь однако выпукло и полно, никогда не служа предметомъ самостоятельной обработки. Нерѣдко

даже, много позже, тѣ же идеи систематически и связно излагаются, какъ новыя, другими, у которыхъ онѣ незамѣтно возникли въ атмосферѣ, созданной трудами и мыслью предшественника. Поэтому въ наблюдательныхъ наукахъ особенно трудно детально выяснить генезисъ общихъ идей и общихъ задачъ изслѣдованія.

Еще труднѣе понять значеніе опредѣленной личности въ выясненіи общихъ идей тогда, когда эти идеи стали уже обиходными въ научной жизни, кажутся болѣе молодымъ поколѣніямъ совсѣмъ ясными и понятными, не требующими никакихъ объясненій, и когда въ научномъ сознаніи современниковъ не существуетъ пониманія настоящей роли ихъ духовнаго творца.

Таковы, *de facto*, тѣ двѣ идеи, которыя развиты въ трудахъ Докучаева. Въ этой области у него были предшественники, но они не были ему извѣстны. Руководящія мысли, наполнявшія научную дѣятельность Докучаева въ почвовѣдѣніи, казались его современникамъ странными и неправильными. Онъ впервые вдохнулъ жизнь въ эти идеи, самостоятельно выработалъ ихъ форму; благодаря его усиліямъ и его энергіи, онѣ уже больше не сходили съ научнаго поля, но понемногу цѣликомъ проникли въ наше научное сознаніе.

II.

Къ концу своей жизни, въ трепетной борьбѣ съ одолѣвавшимъ его недугомъ, онъ выдвинулъ такъ называемый имъ законъ *зональности*¹⁾. Онъ понималъ подъ этимъ именемъ совокупность различныхъ явленій, находящихся между собой въ связи, составляющихъ гармоническое цѣлое и вмѣстѣ подчиненныхъ опредѣленнымъ широтнымъ и высотнымъ поясамъ (зонамъ) на земномъ шарѣ. Онъ соединялъ здѣсь какъ такія явленія, зависимость которыхъ отъ этихъ факторовъ давно уже ясно сознавалась и много разъ указывалась, — данныя зоогеографіи, климатологіи, ботанической географіи, — такъ и типы и характеры почвъ.

Въ признаніи за условіями распространенія и происхожденія почвъ того же фактора, какой столь рѣзко и глубоко проявляется въ климатѣ, въ законахъ распространенія и измѣненія организмовъ, — заключается основная, оригинальная мысль Докучаева. Въ циклѣ давно узанныхъ и обработанныхъ съ этой точки зрѣнія природныхъ явленій онъ ввелъ новую область, измѣнчивость которой въ этомъ отношеніи почти совсѣмъ или даже совсѣмъ не признавалась.

¹⁾ *В. Докучаевъ*. Зап. Спб. Минерал. Общ. XXXVII. Спб. 1899. стр. 139 сл. *Его же*. Къ ученію о зонахъ природы. Спб. 1899. стр. 6 сл., 16 сл.

Конечно, при изслѣдованіи и переработкѣ давно указанныхъ правильностей онъ, благодаря этому, получалъ новыя точки зрѣнія, вносилъ новыя пониманія въ давно извѣданныя соотношенія. Но не это представляется мнѣ интереснымъ и важнымъ. Важны не измѣненія въ пониманіи природы, которыя открываются благодаря тому, что изслѣдователь вноситъ новое, до него упущенное, звено въ безконечный по существу циклъ явленій; этимъ только до извѣстной степени мѣняется представленіе о гармоничности всѣхъ явленій, окружающихъ насъ въ природѣ, пониманіе цѣлостности облекающаго насъ, на видъ столь разнообразнаго и разъединеннаго, міра явленій. Такое чувство, ярко и глубоко сказывающееся въ трудахъ всѣхъ великихъ натуралистовъ, въ трудахъ Гумбольдта, Дарвина, Уоллеса, относится скорѣе къ области пониманія природы, чѣмъ къ области научнаго ея изслѣдованія. Съ чисто научной точки зрѣнія важно другое: важно рѣзкое и смѣлое отнесеніе Докучаевымъ въ область явленій, измѣнчивыхъ съ широтой и высотой мѣстности, такихъ предметовъ, какъ почвы. Этимъ совершенно и окончательно, самымъ кореннымъ образомъ измѣнилось пониманіе задачъ, предмета, области, приѣмовъ работы почвовѣдѣнія.

Въ этой своеобразной и молодой области знанія, которая входитъ какъ нѣчто цѣлое, въ циклъ другихъ геологическихъ наукъ, былъ выдвинутъ Докучаевымъ въ 1879 году географическій факторъ¹⁾, который рѣзко и навсегда отдѣляетъ ее отъ петрографіи или динамической геологіи, съ которой она нерѣдко неразрывно связывалась. Ибо факторъ этотъ, столь же въ ней существенный, какъ и въ климатологіи, играетъ подчиненную и неважную роль во всѣхъ вопросахъ петрографіи или даже въ большинствѣ явленій динамической геологіи.

Почти сто лѣтъ назадъ Александръ фонъ-Гумбольдтъ окончательно ввелъ въ научное сознаніе значеніе изученія съ географической точки зрѣнія климата и растений. Его трудами были положены основы столь разросшихся въ наше время отраслей знанія—климатологіи и географіи растений. Въ блестящихъ *Ansichten der Natur*, въ 1804 году, Гумбольдтъ далъ цѣльныя картины взаимной связи съ географическими элементами животнаго міра, характера человѣческихъ племенъ, хода и особенностей ихъ цивилизаціи. Въ отличіе отъ ученыхъ и философовъ XVIII вѣка, непосредственнымъ продолжателемъ которыхъ онъ являлся и которые очень любили указывать на значеніе климата, какъ фактора, измѣняющаго всѣ при-

¹⁾ См. В. Докучаевъ. Картографія русскихъ почвъ. Спб. 1879, стр. 90 сл.

родныя и даже общественныя соотношенія, Гумбольдтъ подошелъ къ этимъ явленіямъ съ точнымъ мѣриломъ и съ научной критикой. Онъ точно графически отмѣчалъ на картѣ опредѣленныя числовыя данныя климатическихъ элементовъ, области распространенія растительныхъ формъ и ихъ комплексовъ. Но среди природныхъ явленій, измѣнчивыхъ съ климатомъ, глубоко связанныхъ съ широтой или высотой мѣстности, Гумбольдтъ нашелъ одинъ элементъ, отъ нихъ совершенно не зависящій,—это были горныя породы земной коры, съ которыми въ то время тѣсно и неразрывно связывались почвы. Среди чуждаго организованнаго міра, чуждыхъ растений и животныхъ Новаго Свѣта, въ совершенно новой обстановкѣ тропиковъ, указывалъ онъ, наблюдатель находить неизмѣнными все тѣ же знакомыя ему породы Стараго Свѣта, роднаго ему сѣвера, тѣ же граниты, известняки, песчаники, зеленокаменные породы ¹⁾.

Гумбольдтъ такимъ обобщеніемъ окончательно порвалъ съ древней научной традиціей, которая тянулась черезъ все XVII и XVIII столѣтія. Исходя изъ старинныхъ натурфилософскихъ мечтаній пи изъ лохо обобщенной практики алхимиковъ, давно уже въ сознаніи изслѣдователей ясно носилась мысль о значеніи широты мѣстности для образованія природныхъ минеральныхъ тѣлъ. Ибо широта мѣстности неразрывно связана съ тепловыми элементами земной коры; а вліяніе на образованіе минеральныхъ тѣлъ температуры давно бросалось въ глаза. Въ это время думали, что на холодномъ Сѣверѣ зарождаются богатыя руды желѣза, а въ горячихъ странахъ Экватора рождаются драгоцѣнные камни и металлы, въ Индіи и Бразиліи—алмазы и золото.

Различныя натурфилософскія спекуляціи изъ области доннынѣ не существующей науки—географіи минераловъ—проникають XVIII столѣтіе; съ ними считается Бюффонъ, осторожно борются Энциклопедисты. Но понемногу къ концу столѣтія, съ развитіемъ точнаго знанія, эти спекуляціи замирають. Гумбольдтъ только завершаетъ вѣковую работу мысли, совершенно исключая вліяніе географическихъ факторовъ на минералогическій и химическій составъ твердой земной коры. Однако онъ все же и здѣсь искалъ географическихъ соотношеній, но находилъ ихъ не тамъ, гдѣ мы, а видѣлъ ихъ проявленія въ тектоникѣ слоевъ, законно связанныхъ, по его мнѣнію, съ географической широтой и долготой мѣстности ²⁾. И несмотря на то, что онъ имѣлъ случай научно наблю-

1) *A. Humboldt. Essai sur la géographie des plantes. P. 1807 p. 115 сл. Ею же. Essai géognostique sur le gisement des roches dans les deux hemisphères 2 ed. P. 1826 p. 3 сл. Ею же. Kosmos. St. 1845. I. p. 9 (Cotta).*

2) *A. Humboldt. Essai géognost. P. 1826 pp. 4, 53 сл.*

дать какъ черноземы Россіи, такъ и латериты (красноземы) тропиковъ, почвы различныхъ странъ свѣта, рѣзко отличныхъ типовъ,— онъ не видѣлъ тѣхъ явленій, которыя кажутся намъ теперь столь ясными и рѣзкими и уже входятъ въ обычные учебники.

Идеи Гумбольдта объ отсутствіи зависимости твердыхъ продуктовъ нашей земной коры отъ географическихъ факторовъ по сравненію со столь рѣзко и глубоко указанными имъ измѣненіями, какимъ подвергается съ широтой и высотой мѣстности атмосфера или покрывающій землю организованный міръ, вполнѣ господствовали до самаго послѣдняго времени ¹⁾).

Трудно сказать, когда эти идеи Гумбольдта, развитыя и подтвержденныя дальнѣйшей эволюціей геологіи, встрѣтились съ первыми возраженіями. Они впервые явились одновременно въ двухъ областяхъ знанія—въ минералогіи и въ ученіи о почвахъ.

Въ минералогіи уже современники Гумбольдта обратили вниманіе на связь явленій вывѣтриванія и продуктовъ, происходящихъ отъ разложенія организмовъ, съ географическими факторами. Распредѣленіе торфа, какъ показали Гундесгагенъ, Буссенго ²⁾ и Лекере ³⁾, тѣсно связано съ условіями разложенія органическаго вещества въ зависимости отъ климата; та же связь наблюдается и при образованіи селитръ (Буссенго). Въ замѣчательныхъ работахъ Домейки географическій принципъ былъ распространенъ и на процессы вывѣтриванія и даже заполнения минеральныхъ жилъ, причемъ Домейко указывалъ на своеобразный характеръ жильныхъ выдѣленій Южной Америки по сравненію съ такими же минералами Стараго Свѣта ⁴⁾. Но, несмотря на множество аналогичныхъ наблюденій, географія минераловъ и доселѣ не получила научнаго выраженія, и факты эти не вошли въ научное сознаніе.

Совершенно другое было съ почвами. Связь процесса вывѣтриванія и разложенія органическаго вещества съ климатическими факторами здѣсь бросалась въ глаза. Уже въ первой половинѣ XIX вѣка мы находимъ у отдѣльныхъ изслѣдователей (напр., у Шпренгеля) болѣе или менѣе ясныя указанія на зависимость тѣхъ

¹⁾ Лишь иногда, не обобщая явленія, онъ, какъ точный наблюдатель, не могъ не констатировать вліянія климатическихъ факторовъ на характеръ горныхъ породъ. См. А. Humboldt. Fragments de géologie et de climatologie. П. Р. 1831 p. 497 сл.

²⁾ Для Буссенго — ср. Mayer. Die Bodenkunde. 4 Aufl. Heid. 1895 p. 66. Для Гундесгагена см. *Набокиа*. Сельск. Хов. и Лѣсов. 1902, II стр. 491.

³⁾ Замѣчательная работа Лекере по-французски вышла въ 1843 году. См. L. Lequerieux. Unters. üb. die Torfmoore. Neg. von A. v. Lengerlé. В. 1847 p. 204 сл.

⁴⁾ См. сводку его идей (высказывались въ 1840-хъ годахъ). — *Domeyko Mineralogia. Sant. 1879—1883.*

или иных почвенных типовъ отъ климата, на существованіе особыхъ вопросовъ географіи почвъ. Но эти идеи въ теченіе десятковъ лѣтъ не нашли себѣ послѣдователей, бесплодно потухли послѣ своего мимолетнаго выраженія и ничѣмъ не отразились въ научныхъ работахъ даже тѣхъ самыхъ ученыхъ, у которыхъ находятъ подходящія цитаты. Можетъ быть, наиболѣе ясно современныя воззрѣнія о связи почвъ съ географическими факторами сказались въ предположеніяхъ о происхожденіи тѣхъ или иныхъ почвенныхъ типовъ въ тѣсной связи съ генезисомъ торфа и процессами, наблюдаемыми въ болотахъ. Эти идеи появлялись въ разныхъ странахъ независимо другъ отъ друга, но затѣмъ онѣ не обобщались, и неизбѣжныя ихъ слѣдствія ускользали отъ вниманія современниковъ. Простая, какъ намъ теперь кажется, работа синтеза не была сдѣлана, и связь ихъ съ другими научными данными не была признана. Уже въ началѣ XIX вѣка нѣкоторые американскіе натуралисты, напр., Атуотеръ и Бернъ (1819—1820) высказывали мнѣніе, что черныя почвы американскихъ прерій происходятъ изъ болотъ, аналогично торфяникамъ, въ тѣсной связи съ особенностями климата. Эти идеи, ими высказанныя вскользь, были развиты въ 1850—1860 годахъ Лекере, который не только расширилъ ихъ, но и развилъ, приведя въ связь всѣ аналогичныя почвы степей умѣреннаго пояса какъ въ Старомъ, такъ и въ Новомъ Свѣтѣ. Несмотря на то, что Лекере дважды напечаталъ свою работу — она прошла незамѣченной, по крайней мѣрѣ въ этой своей части ¹⁾. Почти одновременно та же идея развивалась или высказывалась для русскаго чернозема. Намеки на нее мы находимъ уже въ концѣ XVIII вѣка у Гюльденштедта ²⁾; позже къ ней склонялся Германъ ³⁾, развивалъ Эйхвальдъ ²⁾ и особенно въ 1852 году Борисякъ ⁴⁾. Наконецъ въ 1837 году тѣ же идеи о генезисѣ черной почвы Индіи — такъ называемаго регура — были въ ясной формѣ изложены Ньюболдомъ ⁵⁾. Болѣе тщательное изученіе вопроса, вѣро-

¹⁾ Современники обратили вниманіе на работы Лекере по вопросу о причинахъ безлѣсія прерій. Этотъ вопросъ вызвалъ тогда же (въ 1865—1866 годахъ) большую литературу. Работа Лекере была сперва напечатана въ 1856 году въ *Bulletin de la Société des Sc. Nat. de Neuchatel* и развита и перепечатана въ 1865 году въ *American Journal of Science* (1865 v. 39 p. 317 сл. и vol. 40 p. 23 сл.). Работы Atwater и Bourne (въ *Amer. Journ. of Sc.* 1819—1820 v. 1—2) были мнѣ недоступны, и я знаю ихъ по указанію Lesquereux.

²⁾ В. Докучаевъ. Рус. черноз. Спб. 1883. стр. 295, 287.

³⁾ И. Германъ. Земледѣльч. Журналъ. М. 1837. № 1, стр. 48.

⁴⁾ Н. Борисякъ. О черноземѣ. Харьк. 1852. стр. 62 сл.

⁵⁾ Newbold. Proceed. R. Soc. 1838. Ср. его же *Journ. of Asiat. Soc. of Bengal*. № 154. Calc. 1844 p. 990.

ятно, укажетъ намъ другихъ забытыхъ представителей тѣхъ же взглядовъ. Для нихъ должно было быть ясно вліяніе климата, рельефа и т. п. географическихъ факторовъ на характеръ твердой покрывки земного шара; но они всѣ, кромѣ, можетъ быть, Лекере, примѣняли эту идею только для даннаго частнаго случая, не видѣли ея общаго значенія. Всѣ они дѣлали гипотезы, но не давали точныхъ, ярко выраженныхъ фактовъ и наблюдений, съ которыми неизбежно пришлось бы считаться.

Первое точное опроверженіе идей Гумбольдта,—хотя не сознанное и не высказанное, но вполне обоснованное и уже не потерявшееся въ научномъ обмѣнѣ, было, кажется мнѣ, сдѣлано въ Россіи, въ связи съ изученіемъ русскихъ почвъ и главнымъ образомъ чернозема, который въ исторіи почвовѣдѣнія сыгралъ такую же выдающуюся роль, какую имѣли лягушка въ исторіи физиологіи, кальцитъ въ кристаллографіи, бензолъ въ органической химіи.

Еще великіе русскіе путешественники Екатерининскаго времени отмѣтили на огромныхъ пространствахъ Европейской и Азіатской Россіи особую почву, рѣзко отличную по характеру растительности и по своимъ свойствамъ отъ другихъ почвъ нашей страны и Западной Европы—черноземъ. Они могли прослѣдить довольно точно ея границы, и существованіе такихъ границъ было уже въ общихъ чертахъ извѣстно къ концу XVIII столѣтія, а въ 1842 г. эти границы были впервые выражены бар. А. К. Мейендорфомъ и П. Зиновьевымъ на картѣ промышленности Европейской Россіи.

Когда въ эпоху управленія министерствомъ государственныхъ имуществъ гр. Кисилевымъ въ 1838 г. была сдѣлана, кончившаяся неудачей и вызвавшая напрасныя затраты, попытка кадастровыхъ работъ, въ связи съ ними министерствомъ по всей Россіи были произведены опросы о свойствахъ почвъ¹⁾. Эти опросы о почвахъ и послужили первымъ научнымъ матеріаломъ, неожиданно приведшимъ къ крушенію идей Гумбольдта.

Съ точки зрѣнія русской государственной практики министерство не дѣлало ничего новаго. Оно безсознательно продолжало исконные оцѣночные приемы, вызванные своеобразными естественно-историческими и территоріальными условіями нашей земледѣльческой страны. Такъ, еще въ оцѣночныхъ работахъ Московскаго государства принималось во вниманіе качество почвъ²⁾ и съ нимъ же считались при собираніи статистическихъ свѣдѣній въ Россіи—

1) Объ этихъ опросахъ и объ исторіи почвенныхъ картъ въ Россіи вообще см. В. Докучаевъ. Картографія русскихъ почвъ. Спб. 1879. *Его же*. Главные моменты въ оцѣнкѣ земель Евр. Россіи. Спб. 1886.

2) В. Докучаевъ. Гл. моменты etc. Спб. 1886, стр. 4.

ской имперіи въ XVIII вѣкѣ¹⁾). Но въ работѣ кадастра XIX вѣка эти приемы были сведены къ новой формѣ, и для ихъ улучшенія были приняты во вниманіе схемы единственнаго западно-европейскаго кадастра, въ которомъ играло роль качество почвы,—кадастра Саксоніи (1833 сл.)²⁾. Здѣсь была произведена довольно сложная попытка естественной классификаціи почвъ. Однако, въ то время какъ въ маленькомъ государствѣ, на небольшомъ участкѣ земной коры, скрылись характерныя черты цѣлаго, въ Россіи нанесеніе на карту тѣхъ же, по существу грубыхъ, данныхъ на огромномъ пространствѣ сразу выставило на видъ закономѣрность географіи почвъ.

Эта закономѣрность была уже выражена на первой почвенной картѣ Россіи, составленной на основаніи этихъ свѣдѣній К. Веселовскимъ въ 1849 г.; въ 1851 году карта была выпущена въ свѣтъ. Она не задавалась никакими научными задачами, она давала лишь удобное графическое выраженіе многочисленнымъ опроснымъ свѣдѣніямъ хозяевъ, исправленнымъ согласно съ спорадическими указаніями ученыхъ изслѣдователей³⁾. А между тѣмъ, въ дѣйствительности, она впервые дала ясныя факты, рѣзко противорѣчащія господствующимъ научнымъ взглядамъ.

На картѣ Веселовскаго ясно измѣненіе почвъ, аналогичное измѣненію климатическихъ данныхъ или распространенію другихъ естественныхъ тѣлъ въ связи съ географическими условіями. Новыя картографическія обработки все того же матеріала—коллективнаго опыта населенія, столь важной въ исторіи науки работы мысли народныхъ массъ, все рѣзче выставляли географическій характеръ почвенныхъ типовъ. Постепенно карты перерабатывались и улучшались; на нихъ наносились новыя опросныя свѣдѣнія и указанія ученыхъ.

Къ концу 1870-хъ годовъ весь матеріалъ былъ вновь переработанъ и собранъ въ колоссальномъ трудѣ В. И. Чаславскаго (1879)⁴⁾, данныя котораго, измѣненныя и исправленныя научной работой Докучаева и болѣе молодыхъ русскихъ почвовѣдовъ (Н. М. Сибирцева, Танфильева, Ферхмина и др.), легли въ концѣ-концовъ въ

1) *И. Вернадскій*. Историч. очеркъ практической статистики. М. 1855, стр. 44—45 въ сборникѣ „Въ воспоминаніе 12 января 1855 года“).

2) О саксонскомъ кадастрѣ см. *Ө. Горь-Ромашкевичъ*. Поземельный кадастръ П. Варш. 1900, стр. 273 сл., 338 сл., о его вліяніи въ Россіи ib. стр. 281. *И. Вернадскій* l. c.

3) Это была одна изъ первыхъ почвенныхъ картъ. На Западѣ чисто почвенныя (не геологически почвенныя) карты появились въ 1850—1860-хъ гг. см. *Н. Сибирцевъ* Почвовѣдніе. Вып. III. Спб. 1901, стр. 158.

4) О Чаславскомъ см. *В. Докучаевъ*. Тр. В. Эк. Общ. 1882. I. 434.

основаніе современной почвенной карты Европейской Россіи (1901)¹⁾, не имѣющей себѣ равной въ научной литературѣ по точности работы и по величинѣ захваченной въ изслѣдованіе площади.

Наиболѣе рѣзко своеобразный характеръ измѣненія почвы въ связи съ географическими факторами проявлялся на этихъ картахъ на черноземѣ. Аналогичныя черты въ условіяхъ распространенія тропическихъ и подтропическихъ почвъ, указанныя еще въ самомъ началѣ XIX вѣка Бекананомъ (въ 1807 г.)²⁾, остались совершенно неизвѣстными ученымъ и вошли въ научный обиходъ только послѣ работъ Рихтгофена и англо-индійскихъ геологовъ. Поэтому въ серединѣ XIX вѣка казалось, что приуроченность почвы къ определеннымъ мѣстностямъ, географическій характеръ ея распространенія подмѣчены были только въ одномъ этомъ случаѣ и въ одномъ мѣстѣ на земномъ шарѣ, въ предѣлахъ Европейской Россіи. При такомъ взглядѣ было возможно придавать этому случаю специальное объясненіе геологическаго характера.

И уже Мурчисонъ въ началѣ 1840-хъ годовъ пытался объяснить черноземъ въ отличіе отъ другихъ почвъ, какъ продуктъ отложенія водъ, недавно покрывавшихъ югъ Россіи. Границы этого гипотетичнаго бассейна выражались въ границѣ чернозема. Этимъ объяснялись всѣ особенности его нахождения и его свойствъ по сравненію съ другими почвами³⁾.

Въ 1866 г. въ замѣчательной работѣ Рупрехта⁴⁾ была доказана невозможность образованія чернозема, какъ воднаго остатка, была восстановлена исконная народная гипотеза его происхожденія, излагавшаяся еще въ серединѣ XVIII столѣтія Ломоносовымъ⁵⁾ и позже учеными академиками Петербургской Академіи Наукъ⁶⁾, не разъ высказываемая вскользь въ научной литературѣ XIX вѣка; это было общее мнѣніе мѣстныхъ сельскихъ хозяевъ, всегда допу-

¹⁾ В. Докучаевъ, Н. Сибирцевъ, А. Фершманъ и Г. Танфильевъ. Почвен. карта Европ. Россіи. Слб. 1900 (sic). О ней А. Фершманъ и Г. Танфильевъ. Краткій объясн. текстъ къ почв. картѣ. Слб. 1902.

²⁾ Работа Беканана была мнѣ недоступна. О ней см. Du Bois. Miner. Petrogr. Mittheil. W. 1903. XXII. p. 6. О F. Bickanan-Hamilton's (1762—1829) см. J. Britten a. G. Bowler A biograph. index of British botanists. L. 1893. p. 76. G. King. Rep. of Brit. Association 1899 (Dover). p. 906—907.

³⁾ Р. Мурчисонъ. Журн. Мин. Госуд. Им. 1843. № 3, стр. 130 сл. (по англ. въ 1842 г. въ Journ. of Agric. Soc.). Ею же. Geology of Russia. L. 1845.

⁴⁾ Ф. Рупрехтъ. Геоботаническія изслѣд. о черноземѣ. Слб. 1866, стр. 6 сл.

⁵⁾ В. Вернадскій. „О значенія трудовъ М. В. Ломоносова въ минералогіи и геологіи“ въ „Ломоносовскомъ Сборникѣ“. М. 1900, стр. 27. П. Оттопкій. Почвовѣдѣніе. 1900. № 4, стр. 327.

⁶⁾ В. Докучаевъ. Русск. черноземъ. Слб. 1883. стр. 285 сл.

скавшихъ, что черноземъ есть продуктъ гніенія наземной растительности ¹⁾).

Однако Рупрехтъ все еще не могъ объяснить рѣзкую сѣверную и южную границы чернозема, отсутствіе его внѣ тѣсной и определенной области. Онъ долженъ былъ признать для этого существованіе особыхъ геологическихъ условій: черноземъ, по его мнѣнію, представляетъ поверхностное образованіе древней суши, о которую разбивались волны сѣвернаго моря, несшія ледяныя горы-падуны въ дилювіальное время. Рѣзкая сѣверная граница его есть граница этого древняго континента и создана обычной дѣятельностью геологическихъ агентовъ. Черноземъ не могъ образоваться на югѣ Россіи, гдѣ не наблюдается для него рѣзкой границы и гдѣ онъ постепенно переходитъ въ другія почвы, покрывающія новѣйшія геологическія отложенія. Почвы юга Россіи, по мнѣнію Рупрехта, еще не успѣли накопить гумусъ и образовать черноземъ, благодаря своей молодости; для накопленія гумуса необходимы долгіе вѣка неизмѣнныхъ климатическихъ условій, благоприятныхъ развитію растительности.

III.

Такъ стоялъ вопросъ о границахъ чернозема, когда въ 1877 г. къ его рѣшенію подошелъ относительно молодой еще въ то время геологъ В. В. Докучаевъ.

Медленно и долго онъ выбивался изъ тяжелыхъ матеріальныхъ условій. Сынъ священника Сычевскаго уѣзда, Смоленской губерніи, Докучаевъ шелъ впередъ съ страшной борьбой, въ тяжелой нуждѣ, подорвавшей въ концѣ-концовъ его могучій организмъ. Научно онъ работалъ въ это время главнымъ образомъ въ области динамической геологіи и новѣйшихъ образованій. Весь укладъ его мысли находился подъ сильнымъ вліяніемъ того общественнаго интереса къ естествознанію, которое характеризуетъ 1860-е годы.

Подъ вліяніемъ этого общественнаго возбужденія, когда интересъ къ естествознанію оказалъ тѣсно связаннымъ съ этическими и общественными запросами, въ Россіи въ 1870-хъ годахъ наблюдается блестящій расцвѣтъ научной дѣятельности, почти во всѣхъ областяхъ естествознанія. Здѣсь не мѣсто и нѣтъ возможности ка-

¹⁾ Рупрехтъ (I. c.) указываетъ на Гюо въ 1840-хъ годахъ. Объ аналогичныхъ идеяхъ проф. Шмальда (1835) см. *А. Яриловъ*. Почвовѣдѣніе. V. Спб. 1903, стр. 52 сл., Германна (1836) и др. *В. Докучаевъ*. Рус. черноз. Спб. 1883, стр. 295 сл. *Борисякъ* (О черноземѣ. X. 1852, стр. 46) говоритъ объ этихъ идеяхъ, какъ объ обычномъ мнѣніи народа, и съ ними полемизируетъ. Также полемизируетъ съ аналог. идеями бар. Мейендорфа—Мурчисонъ. (*Мурчисонъ* I. c. 1843, стр. 130).

саться той научной среды, въ которой въ 1870-хъ годахъ въ Петербургѣ развивалась мысль Докучаева; но въ исторіи геологической работы людей, собравшихся въ то время въ Петербургѣ, не будутъ пройдены молчаніемъ. Достаточно вспомнить совершенно выдающіяся по самостоятельности и глубинѣ мысли работы кн. П. А. Кропоткина въ связи съ ледниковымъ періодомъ,—работы, оказавшія въ концѣ-концовъ рѣшающее вліяніе на весь ходъ мысли Докучаева въ этой области явленій и опредѣлившія его научные интересы.

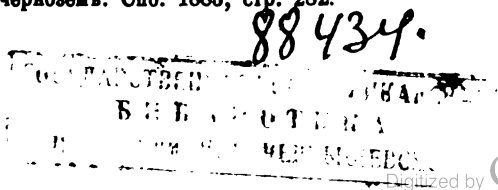
Привыкнуши къ точному и внимательному наблюденію поверхностныхъ отложений и рельефа, въ связи съ этими идеями, онъ перенесъ въ новую для него область почвъ тѣ же приемы изслѣдованія, какіе выработались у него въ многолѣтней полевой геологической работѣ надъ новѣйшими отложениями Россіи. По складу своего ума Докучаевъ былъ одаренъ совершенно исключительной пластичностью воображенія; по немногимъ деталямъ пейзажа онъ схватывалъ и рисовалъ цѣлое въ необычайно блестящей и ясной формѣ. Каждый, кто имѣлъ случай начинать свои наблюденія въ полѣ подъ его руководствомъ, несомнѣнно испытывалъ то же самое чувство удивленія, какое помню и я, когда подъ его объясненіями мертвый и молчаливый рельефъ вдругъ оживлялся и давалъ многочисленныя и ясныя указанія на генезисъ и на характеръ геологическихъ процессовъ, совершающихся и скрытыхъ въ его глубинахъ.

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Докучаевъ изрѣзалъ черноземныя области по разнымъ направленіямъ и въ результатъ этихъ работъ въ 1883 году окончательно выдвинулъ теорію сухопутнаго образованія чернозема, зарожденіе его разложеніемъ степной травянистой растительности подъ вліяніемъ нынѣ дѣйствующихъ агентовъ, среди которыхъ видное мѣсто онъ отвелъ климатическому фактору ¹⁾. Подвергнувъ черноземъ химическому разложенію, онъ впервые указалъ на измѣненіе химическаго состава этого тѣла въ тѣсной зависимости отъ тѣхъ же географическихъ факторовъ. По мѣрѣ движенія на сѣверовостокъ количество органическихъ веществъ чернозема замѣтно и правильно увеличивается, аналогично ходу климатическихъ кривыхъ, главнымъ образомъ изотеръ (изогумусовыя полосы Докучаева) ²⁾.

Всякія мѣстныя геологическія объясненія южной и сѣверной границы чернозема сами собой отпали. Констатированъ былъ прочно установленный фактъ, рѣзко противорѣчащій господствующимъ идеямъ Гумбольдта.

¹⁾ Насколько эти идеи тогда были новыми, видно, напримѣръ, изъ возраженій проф. П. Костычева. Почвы черноземной области Россіи. I. Спб. 1886, стр. 95 сл.

²⁾ В. Докучаевъ. Русск. черноземъ. Спб. 1883, стр. 282.

На распространеніи и генезисѣ твердыхъ продуктовъ земной коры можно было ясно наблюдать географическіе законы; къ ранѣе существовавшимъ областямъ географіи растений или животныхъ, климатологии, должна была быть прибавлена новая глава—географія почвъ.

Этотъ выводъ былъ сдѣланъ постепенно; но онъ тогда же былъ высказанъ ясно, вполне понимался какъ самимъ Докучаевымъ, такъ и въ томъ кружкѣ молодыхъ начинающихъ ученыхъ, которые группировались вокругъ него въ началѣ 1880-хъ годовъ.

Любопытно, что въ то же время, совершенно независимо отъ Докучаева, тѣ же идеи—въ общихъ чертахъ—высказаны были и нынѣ живымъ нѣмецкимъ ученымъ фонъ Рихтгофеномъ. Рихтгофенъ въ географіи въ извѣстной степени явился продолжателемъ Гумбольдта; подобно ему, онъ соединялъ эрудицію и точный научный анализъ съ широкимъ личнымъ наблюденіемъ природы при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ. Въ многолѣтнихъ географическихъ и геологическихъ работахъ въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ Рихтгофенъ могъ ясно убѣдиться въ чрезвычайной зависимости продуктовъ вывѣтриванія отъ климата. Наблюдая почвы разныхъ климатовъ, разныхъ широтъ и высотъ, въ концѣ-концовъ онъ пришелъ къ убѣжденію въ измѣнчивости, въ связи съ географическими элементами, верхней покрывки земной коры, въ возможности географіи почвъ, даже больше—географіи поверхностныхъ отложеній земной коры. Такія идеи болѣе или менѣе ясно высказывались имъ въ разныхъ работахъ, и наконецъ въ 1886 году въ *Führer f. d. Forschungsreisende* Рихтгофенъ далъ полный обзоръ почвъ земного шара; въ блестящихъ, полныхъ до сихъ поръ современнаго интереса, страницахъ онъ указалъ на зональный типъ ихъ распространенія и генезиса ¹⁾.

Но эти идеи Рихтгофена не сразу обратили на себя вниманіе; онѣ долго лежали въ сторонѣ отъ обычныхъ путей научнаго развитія. Лишь въ послѣдніе годы изъ нихъ исходили нѣкоторые изслѣдователи почвъ тропическихъ и подтропическихъ странъ.

Другое было съ идеями Докучаева. Онъ сумѣлъ собрать вокругъ себя живую и горячую группу молодежи, вызвать интересъ къ работамъ въ соприкасающихся областяхъ знанія, найти средства, нужныя для систематическихъ работъ въ новомъ направленіи. Эти средства—десятки тысячъ рублей—онъ нашелъ въ русскомъ обществѣ. Онъ привлекъ къ почвеннымъ работамъ вниманіе общественныхъ силъ—Вольно-Экономическаго Общества и земствъ.

¹⁾ *F. v. Richtshofen. Führer f. d. Forschungsreisende. L. 1886, p. 451 сл.*

Быстро разрослась подь его вліяніемъ русская литература почвовѣднія, появилось много отдѣльныхъ работъ, оказалось возможнымъ начать періодическія изданія, посвященныя почвамъ, сперва «Матеріалы къ познанію русскихъ почвъ», потомъ «Труды почвенной комиссіи» и наконецъ «Почвовѣдніе». Подь его руководствомъ появились спеціальныя почвенныя карты и изучены почвы Нижегородской и Полтавской губерній, подь его вліяніемъ вышла новая научная почвенная карта всей Европейской Россіи. Наконецъ, выработались зональныя географическія почвенныя классификаціи, охватившія весь земной шаръ,—въ трудахъ Докучаева и независимо отъ него тоже покойнаго теперь проф. Н. М. Сибирцева.

Нынѣ тѣ же самыя идеи, въ связи съ развитіемъ взглядовъ Рихтгофена, съ каждымъ годомъ все больше и больше захватываютъ научную литературу Запада и Америки. И въ этомъ движеніи труды почвенной школы Докучаева стоятъ на видномъ мѣстѣ, идутъ впереди научнаго движенія.

IV.

Въ тѣсной связи съ развитіемъ идей по географіи почвъ развивались и воззрѣнія Докучаева на почвы. Онъ разсматривалъ ихъ какъ естественныя тѣла, какъ особаго рода образованія, которыя могли быть поставлены, съ точки зрѣнія логическаго анализа, на ряду съ минералами, горными породами, организмами. Понятно поэтому, что отрасль знанія, занимающаяся почвами, съ удобствомъ могла быть выдѣлена въ особую науку—почвовѣдніе.

Но такая наука не сразу получила признаніе. Еще до сихъ поръ слышны скептическіе голоса, относящіе ее то къ геологіи, то къ земледѣльческой химіи, отрицающіе за почвовѣдніемъ право на самостоятельное существованіе.

Немного найдется вопросовъ логики и теоріи познанія, которые бы такъ горячо и страстно обсуждались въ средѣ точныхъ естествоиспытателей, какъ вопросы о классификаціи наукъ, о томъ, представляетъ или нѣтъ та или иная область явленій самостоятельную науку.

Эти споры не имѣютъ никакого реальнаго научнаго основанія. Историкъ научной мысли можетъ и долженъ видѣть въ нихъ только вліяніе проникновенія—иногда бессознательнаго—философскаго мышленія въ научную среду. Въ результатѣ такой философской мысли, въ тѣсной связи съ ея глубиной, съ большей или меньшей философской образованностью, возникаютъ разнообразныя классификаціи наукъ и ихъ пониманія. Нигдѣ такъ ярко не отражается

неизбѣжное проникновеніе философскихъ построений въ научное сознание, какъ въ этихъ спорахъ и въ томъ интересѣ, который возбуждается въ естествоиспытателѣ такими вопросами. Но нигдѣ мы и не наблюдаемъ такого количества шаткихъ и легкихъ какъ карточные домики построений, какъ въ такихъ экскурсіяхъ натуралистовъ въ эту чуждую имъ область, ибо рѣдко когда они въ состояніи считаться съ царящей здѣсь средой понятій, созданныхъ глубокой вѣковой работой философіи.

Наши современные науки ограничились и образовались въ научномъ сознаніи путемъ длиннаго и сложнаго историческаго процесса, носятъ на себѣ явные слѣды наслоеній разнаго характера и различныхъ историческихъ эпохъ. Границы между ними и ихъ количество не представляетъ ничего неподвижнаго — наоборотъ, они постоянно дробятся и создаются вѣчнымъ движеніемъ научнаго сознанія.

Само собой ясно, что, въ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ основныхъ посылокъ, можно дѣлать и классифицировать матеріаль точнаго знанія на множество самыхъ разнообразныхъ взаимнопротиворѣчащихъ способовъ. Какъ во всякомъ вопросѣ философскаго характера, здѣсь нѣтъ единаго, безспорнаго, общеобязательнаго рѣшенія.

Съ научной точки зрѣнія гораздо важнѣе другое отношеніе къ созидающимся научнымъ дисциплинамъ, важнѣе та своеобразная форма спеціализаціи, которая давно охватила и стала обычной въ наукахъ гуманитарнаго характера. Ею создалось совершенно иное, чѣмъ въ естествознаніи, гораздо болѣе реальное, менѣе философское, отношеніе къ понятію о наукѣ. Область знанія, по тѣмъ или инымъ причинамъ вызвавшая къ себѣ особый интересъ, требующая долгаго ознакомленія съ обширной спеціальной литературой, трудной и медленной предварительной подготовки, обладающая спеціальными своеобразными методами или приѣмами работы, выдѣляется здѣсь въ особую науку. Въ этой наукѣ создаются спеціалисты, она получаетъ особое названіе.

Въ такомъ положеніи давно находится наука о почвахъ, или какъ ее иногда называютъ, педологія. «Правильно» или «неправильно» — по заслугамъ или нѣтъ — эта область знанія обладаетъ такой огромной литературой, такимъ своеобразіемъ методовъ работы, такимъ ясно очерченнымъ полемъ изслѣдованія, что давно образовала спеціалистовъ, которые ставятъ цѣлью своей научной жизни исключительное изученіе вопросовъ, касающихся почвъ. Для точнаго изслѣдователя природы не можетъ быть и сомнѣнія, что она стала наукой, точно такъ же и на тѣхъ же реальныхъ основа-

ніяхъ, на какихъ выросли и получили право на существованіе другія болѣе старыя научныя дисциплины, благодаря привычкѣ не возбуждающія ни въ комъ никакихъ сомнѣній.

Для естественныхъ наукъ однако важно не одно только выдѣленіе новой научной дисциплины, важно признаніе этого факта въ общемъ сознаніи. Только оно даетъ необходимыя средства для созданія незамѣнимыхъ орудій научнаго прогресса, лабораторій и музеевъ. Такія учрежденія служатъ центрами, обеспечивающими непрерывно развитіе науки, создаютъ возможность научныхъ традицій и школъ. Въ исторіи каждой науки созданіе лабораторій или специальныхъ музеевъ, основаніе особыхъ ей посвященныхъ кафедръ въ университетахъ или высшихъ техническихъ школахъ является важнымъ историческимъ моментомъ, надолго опредѣляющимъ ея дальнѣйшее развитіе.

Для почвовѣдѣнія эти крупныя шаги были впервые сдѣланы у насъ въ Россіи. Заслуга эта всецѣло лежитъ на В. В. Докучаевѣ. Его усиліями и настойчивой энергичной работой была учреждена первая кафедра почвовѣдѣнія въ институтѣ сельскаго хозяйства въ Новой-Александріи и созданъ первый специальный почвенный музей при Вольно-экономическомъ обществѣ въ Петербургѣ, въ основу котораго были положены собранныя имъ коллекціи ¹⁾. Только болѣзнь не дала ему возможности развить эти первыя начинанія, расширить эту организаторскую работу. Отъ него остался лишь цѣлый полный планъ, ожидающій осуществленія.

V.

Въ основу такой организаторской работы Докучаева легла его идея о томъ, что почва есть особое естественное тѣло, которое рѣзко отличается и должно быть отдѣлено отъ горной породы, съ которой она долго смѣшивалась ²⁾.

Въ 1870-хъ годахъ такія мысли казались научною ересью. Однако онѣ не разъ и раньше высказывались въ теченіе первой половины XIX в., но быстро забывались и исчезали изъ обращенія. Среди крупныхъ предшественниковъ этихъ идей нельзя не вспомнить теперь работъ нѣмецкаго ученаго К. Шпренгеля, точ-

¹⁾ Почвенныя собранія, очень многочисленныя на западѣ, приурочены къ музеямъ геологическимъ или агрономическимъ. Среди нихъ, по научному интересу очень выдается почвенный отдѣлъ геологическаго музея въ Будапештѣ. О почвенныхъ музеяхъ, см. *А. Яриловъ*. Землевѣдѣніе. М. 1903. № 2—3, стр. 91 сл.

²⁾ *В. Докучаевъ*. Картографія русскыхъ почвъ. Спб. 1879, стр. 90 сл. и дальше во всѣхъ работахъ.

наго и самостоятельнаго ученаго, развившаго аналогичныя воззрѣнія въ 1820—1840-хъ годахъ. Въ свое время труды Шпренгеля не прошли безслѣдно, но они далеко не оказали всего должнаго вліянія на современниковъ. Больше того: послѣ развитія земледѣльческой химіи подъ вліяніемъ Либиха, однимъ изъ прямыхъ предшественниковъ котораго былъ тотъ же Шпренгель, взгляды Шпренгеля казались устарѣлыми и невѣрными, и въ ученіи о химическомъ составѣ почвъ начали почти безраздѣльно царить теоретическія и химическія схемы, выведенныя на основаніи валового химическаго анализа, далекія отъ дѣйствительности. Въ 1870-хъ годахъ самое имя Шпренгеля почти исчезло изъ научнаго обращенія ¹⁾).

Докучаевъ въ первыхъ же своихъ работахъ ясно и точно выставилъ это положеніе и неуклонно повторялъ его, болѣе или менѣе развивая, всю свою жизнь. Онъ называлъ почвой сложное тѣло, которое является результатомъ взаимодѣйствія между климатомъ, подстилающей горной породой, организованнымъ міромъ, въ ней и на ней живущимъ, рельефомъ мѣстности. Онъ указывалъ, что своеобразное тѣло, которое при этомъ получается, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть разсматриваемо какъ механически-рыхлая, измѣненная верхняя часть подстилающей почву горной породы.

Эта идея только медленно и постепенно входила въ общее сознаніе, встрѣтила множество возраженій. Какъ логическое опредѣленіе всякаго сложнаго естественнаго явленія она, конечно, не можетъ цѣликомъ его охватывать. Тѣсно связаны съ ней многія неясности и неопредѣленности. Такъ, неясно, гдѣ надо проводить нижнюю границу почвы, неясно различіе между почвами и рыхлыми продуктами нѣкоторыхъ химическихъ вывѣтриваній на земномъ шарѣ. Но такія неясности не исчезаютъ и при отнесеніи почвъ къ горнымъ породамъ: наоборотъ, онѣ увеличиваются въ числѣ, становятся болѣе рѣзкими, менѣе разрѣшимыми.

Въ то время когда эти идеи высказывались, онѣ не могли быть даже точно доказаны, ибо многія вспомогательныя научныя

¹⁾ О К. Шпренгелѣ (1787 — 1859) см. *Fraas. Gesch. d. Landwirthschaft. Prag. 1852, p. 194 сл. Его же. Gesch. d. Landbaukunde. M. 1865, p. 245 сл. Либихъ. Химія въ приложеніи къ земледѣлію, перев. Ильенкова. Спб, 1864, стр. 14. А. Кохит. J. v. Liebig. Giess. 1904, p. 154. Набожикъ. Сельск. Хов. и Лѣс. 1902. II. 258 сл. Значеніе Шпренгеля въ почвовѣдѣніи до сихъ поръ не опѣнено и работы его во многомъ выше его времени. Изъ относящихся къ данному вопросу особенно интересны прекрасныя статьи его по минералогіи почвъ въ *Erdmann's Journal f. techn. u. ökonom. Chemie* за 1828, т. II—III и его *Bodenkunde. L. 1837, p. 114 сл.* (Второе изданіе 1844 года было мнѣ недоступно.)*

понятія не были выработаны или созданы современниками. Съ тѣхъ поръ прошло больше 20 лѣтъ—большой періодъ въ исторіи естествознанія. Прошло достаточно времени для оцѣнки новыхъ идей, должно было выясниться, противорѣчатъ ли онѣ добываемымъ научнымъ выводамъ или вполнѣ имъ отвѣчаютъ.

Для рѣшенія этого вопроса особенно важно развитіе, какое получила въ послѣдніе года минералогія, отрасль знанія, занимающаяся изученіемъ химическихъ процессовъ и продуктовъ нашей планеты. Эта наука, благодаря успѣхамъ химіи и широкому развитію своеобразнаго наблюдательнаго метода, ей исключительно свойственнаго (такъ называемаго парагенетическаго), находится въ настоящее время въ періодѣ усиленнаго роста и измѣненія. Мнѣ кажется, что она представляетъ теперь достаточно данныхъ для оцѣнки педологическихъ идей Докучаева, высказанныхъ имъ еще къ концу 1870-хъ годовъ.

Для познанія почвъ необходимо тщательно и точно изучить ихъ минералогію, т.-е. узнать свойства, генезисъ и измѣненія минераловъ, ихъ составляющихъ. Эти минералы оказываются рѣзко отличными, можно сказать, совсѣмъ чуждыми тѣмъ горнымъ породамъ, съ которыми невольно консерватизмъ научной мысли соединяетъ почвы.

Въ почвовѣдѣніи послѣ блестящихъ работъ Либиха окончательно утвердилось сознаніе важности познанія химическаго состава почвъ. Значеніе неорганическихъ составныхъ частей почвъ для питанія растений, значеніе калия и фосфора, вошло въ плоть и кровь, въ сознаніе не только ученыхъ, но и практиковъ сельскихъ хозяйствъ. Оно вызвало массу разнообразныхъ химическихъ анализовъ почвъ, и только сравнивъ данныя о химическомъ составѣ ихъ, которыя были въ распоряженіи науки въ до-либиховскій періодъ, въ 1830 годахъ, когда появилась первая сводка Шпренгеля, съ тѣмъ матеріаломъ, который накопленъ многолѣтней работой изслѣдователей, можно понять колоссальную работу, произведенную въ химическихъ лабораторіяхъ.

Однако мы имѣемъ здѣсь только данныя валового анализа; всѣ разсужденія на этомъ основаніи, о химическомъ составѣ почвъ такъ же невѣрны, проблематичны и схематичны, какъ были ими наши знанія о химическихъ свойствахъ и составѣ горныхъ породъ до тѣхъ поръ, пока оказалось возможнымъ непосредственно опредѣлять въ нихъ составляющіе ихъ минералы. И можно было соединять почвы въ одно цѣлое съ горными породами только до тѣхъ поръ, пока у насъ не было никакихъ указаній на характеръ минераловъ, входящихъ въ составъ почвъ, и нельзя было сравнивать ихъ съ хорошо изученными порообразующими минералами.

Среди господствующих въ горныхъ породахъ минераловъ подавляющимъ образомъ преобладаютъ своеобразные твердые растворы — изоморфныя смѣси или ихъ комплексы. Даже въ породахъ, состоящихъ изъ рыхлыхъ продуктовъ вывѣтриванія, то-есть разрушенія породъ подъ вліяніемъ атмосферныхъ дѣятелей, составляющіе ихъ минералы находятся въ опредѣленномъ, довольно простомъ, отношеніи къ этимъ твердымъ растворамъ.

Совершенно другое представляютъ изъ себя минералы, сосредоточенные въ почвахъ. Мы находимъ здѣсь новыя минеральныя образованія, рѣдкія или неизвѣстныя въ горныхъ породахъ. Изоморфныя смѣси отходятъ на второй планъ или являются механическимъ и неважнымъ въ химіи почвъ придаткомъ. На первое мѣсто выступаютъ своеобразныя сложныя системы, тоже, можетъ быть, близкія къ твердымъ растворамъ, но совершенно иного, чѣмъ изоморфныя смѣси, характера. Въ простыхъ случаяхъ, для алюмосиликатовъ, эти тѣла очень близки къ тѣмъ твердымъ диссоціационнымъ системамъ, какими среди обычныхъ минераловъ являются цеолиты. Эти минералы почвъ едва начинаютъ быть намъ точно извѣстными, немногіе изъ нихъ мы умѣемъ выдѣлять въ свободномъ состояніи. И однако мы можемъ утверждать въ настоящее время съ полной увѣренностью, что въ составѣ почвъ, въ ихъ химіи, преобладающую роль играютъ такіе классы минеральнаго царства, которые совсѣмъ почти неизвѣстны въ составѣ и процессахъ горныхъ породъ.

Эти твердые продукты находятся въ почвѣ въ особомъ физическомъ состояніи. Они проникнуты разнообразными газами и находятся въ постоянномъ тѣснѣйшемъ обмѣнѣ съ окружающей газообразной средой. Временами они образуютъ тѣснѣйшія смѣси, легко разлагаемыя соединенія, съ водой. Они постоянно облекаются и перерабатываются живымъ организованнымъ веществомъ, тѣсно смѣшаны съ продуктами его замиранія и его жизнедѣятельности.

Въ то время какъ горная порода представляетъ пѣчто неподвижное, мало измѣнчивое въ короткій промежутокъ времени, — почва есть все время мѣняющееся тѣло, которое мы изслѣдуемъ уже въ мертвомъ, вполне чуждомъ состояніи, когда беремъ кусокъ ея въ нашу лабораторію или почвенную коллекцію.

Въ каждой почвѣ мы должны болѣе или менѣе рѣзко различать двѣ разныхъ составныхъ части: 1) инертный, мало имѣющій значенія своимъ составомъ въ химіи почвъ, скелетъ ихъ¹⁾ и 2) на-

¹⁾ Химическое значеніе „скелета“ почвъ, состоящаго верѣяко изъ соединеній крайне стойкихъ (напр., изъ SiO_2 въ формѣ кварца), обыкновенно очень велико, такъ какъ благодаря тонкой раздробленности, въ которой онъ находится, онъ могуще-

и болѣе характерную составную часть ихъ, вѣчно измѣнчивую, такъ или иначе связанную со своеобразными соединеніями углерода, можетъ быть также съ кремне-глиноземистыми комплексами. Въ скелетѣ почвъ мы нерѣдко встрѣчаемъ обычныя намъ и въ породахъ минеральныя тѣла (напр., кварцъ), но какъ только мы переходимъ къ болѣе характерной химической составной части почвъ, мы сразу вступаемъ въ новую область, совершенно чуждую и невиданную въ горныхъ породахъ земли.

Нельзя сказать, чтобы мы не имѣли въ природѣ другихъ аналогичныхъ образованій. Таковы, напр., любопытные, мало изученные комплексы, которые составляютъ дно океана,—морскую грязь—и которые такъ же мало могутъ быть названы горными породами, какъ и почвы. Тутъ тоже образуются особыя подвижныя минеральныя системы, иного, исключительно имъ свойственнаго, химическаго характера. Эти минералы существуютъ и сохраняются только до тѣхъ поръ, пока они поддерживаются въ опредѣленныхъ условіяхъ ихъ образованія, переходятъ въ новыя, чуждыя морской грязи устойчивыя формы, какъ только будутъ выведены изъ своей среды. Напрасно стали бы мы ихъ искать въ горныхъ породахъ, хотя бы тѣхъ, которыя произошли изъ морскихъ осадковъ. Въ нихъ мы находимъ лишь новыя минеральныя тѣла, образовавшіяся иными химическими реакціями, получившими мѣсто, когда прекратились условія, поддерживавшія существованіе подвижныхъ химическихъ соединеній океаническаго дна. Почва и морская грязь покрываютъ весь земной шаръ, всѣ горныя породы, но въ отличіе отъ послѣднихъ какъ въ ихъ распространеніи, такъ и въ ихъ составѣ рѣзко сказываются географическіе факторы земного шара.

VI.

Жизненность и важность идей познается только долгимъ опытомъ. Значеніе творческой работы ученаго опредѣляется временемъ. При примѣненіи этихъ строгихъ, нелицеприятныхъ мѣрилъ къ основнымъ идеямъ, регулировавшимъ научную работу В. В. Докучаева, оказывается, что онѣ находятся въ полномъ согласіи съ новыми научными вѣяніями, идутъ въ одномъ темпѣ съ научнымъ движеніемъ нашего времени. Такая судьба выпадаетъ на долю немногимъ избранникамъ среди многого множества крупныхъ и мелкихъ ученыхъ дѣятелей.

ственнымъ образомъ вліяетъ на химическія реакціи въ почвахъ, въ то же время не участвуя въ нихъ непосредственно своимъ составомъ. Здѣсь мы имѣемъ явленія, пограничныя между химическими и физическими.

Позволю себѣ въ заключеніе сказать нѣсколько словъ о личности В. В. Докучаева. Это былъ типъ, который нерѣдко выдвигался въ русской исторіи изъ народной среды. Энергичный работникъ, онъ умѣлъ *хотѣть* и умѣлъ достигать своей цѣли путемъ личнаго колоссальнаго труда и путемъ организаціи работы другихъ.

Онъ не подходилъ къ рамкамъ, выработаннымъ нашимъ обезличеннымъ обществомъ; нерѣдко его рѣзкая натура входила въ столкновеніе съ окружающей обстановкой. Какъ люди сильной воли, онъ слишкомъ подавлялъ многихъ, имѣвшихъ съ нимъ дѣло. Но хотя съ нимъ можно было во многомъ не соглашаться, многое могло въ немъ шокировать, ко многому въ немъ можно было относиться отрицательно, но одного нельзя было никогда у него отнять: умѣнія группировать вокругъ себя учениковъ, будить и возбуждать научную мысль, организовывать коллективную работу; нельзя было отрицать въ немъ постояннаго стремленія работать для общественныхъ, а не личныхъ задачъ.

Въ личныхъ отношеніяхъ онъ представлялъ во многомъ *self made man*'а, прошедшаго тяжелую школу нужды, выбившагося своимъ горбомъ и трудомъ. И онъ никогда не скрывалъ этого. Суровый, рѣзкій и требовательный, онъ былъ такимъ не только къ другимъ, но и къ себѣ. И въ то же время онъ являлся очень искреннимъ во всѣхъ своихъ начинаніяхъ; умѣлъ выслушивать правду или правильно относиться къ рѣзкимъ отзывамъ близкихъ ему людей, своихъ учениковъ. Этимъ объясняется то, что при всей властности своего характера онъ сохранялъ неразрывными близкія связи съ людьми, которые открыто и во многомъ съ нимъ не соглашались.

Послѣдніе годы его были ужасны. Незамѣтно и медленно подтачивавшая его болѣзнь давно уже не разъ, какъ мы теперь видимъ, исподволь проявлялась въ его отдѣльныхъ поступкахъ, казавшихся непонятными и необъяснимыми всѣмъ ближе его знавшимъ. Это были первые ея непонятые предвѣстники. Наконецъ, она охватила его все больше и больше, сдѣлалась явной и въ концѣ-концовъ онъ медленно замиралъ при полной потерѣ сознанія, въ мучительной, тяжелой нравственной обстановкѣ, созданной его болѣнымъ воображеніемъ.

И все же, несмотря на такую трагическую судьбу, его жизнь не прошла безслѣдно ни для науки, ни для русскаго государства и общества. И въ этомъ самомъ для него дорогомъ онъ нашель бы для себя удовлетвореніе, если бы могъ теперь охватить и оцѣнить свою жизнь.

В. И. Вернадскій.

Декабрь 1903 г.

Быть и нравы русскаго дворянства въ первой половинѣ XVIII вѣка ¹⁾.

II.

Отечественныя основы.

Нѣкоторый небольшой запасъ идей, иностранная литература и языки, европейскія формы жизни и обстановка, пожалуй, даже новыя чувства—всѣ эти блести, появившіяся на русскомъ дворянствѣ съ XVIII в., золотили только верхи класса. Въ окутанные темнотою глубокіе провинціальныя его слои проникали отъ этого блеска лишь едва замѣтно мерцающіе лучи. Эта темная масса въ первой половинѣ XVIII в. живетъ всецѣло нетронутыми родными преданіями. Впрочемъ, если присмотрѣться внимательнѣе, не трудно замѣтитъ непрочность, а нерѣдко и сомнительное качество той позолоты, которая украшала вершины. И здѣсь по большей части эта легко отдѣляемая мишура очень неполно прикрывала тѣ же родившія верхи съ низами, одинаково имъ общія невзрачныя черты. Различіе сказывалось лишь во внѣшнемъ видѣ; основа здѣсь и тамъ была одна и та же. Эта ея тождественность происходила отъ одинаковости того хозяйственнаго фундамента, на которомъ классъ держался. Мы теперь и должны познакомиться съ вліяніемъ этой хозяйственной обстановки. Прогулка по нѣсколькимъ дворянскимъ усадьбамъ первой половины XVIII в. будетъ для этой цѣли нелишней. Начнемъ съ большихъ подмосковныхъ вотчинъ.

Вотъ село Ясенево въ Московскомъ уѣздѣ, принадлежавшее Лопухинымъ и въ 1718 г. описанное на государя. Опись, сдѣланная по поводу конфискаціи, позволяетъ намъ составить себѣ представленіе о большой барской усадьбѣ въ то время. Въ селѣ ветхая деревянная церковь обь одной главѣ съ стариннаго письма

¹⁾ См. „Научное Слово“. 1904. V.

иконостасомъ. Двухъ-этажный барскій домъ, также деревянный, построенъ изъ сосноваго и еловаго лѣсу и крытъ тесомъ на четыре ската. Въ немъ, кромѣ сѣней и чулановъ, 7 комнатъ, или свѣтлицъ, изъ которыхъ двѣ въ верхнемъ и пять въ нижнемъ этажѣ. Стѣны въ нѣкоторыхъ свѣтлицахъ обтянуты выбѣленнымъ полотномъ; окна не вездѣ стеклянные, есть и слюдяныя. Меблировка состояла изъ обычныхъ лавокъ по стѣнамъ, липовыхъ и дубовыхъ столовъ, шкаповъ, дюжины простыхъ стульевъ и полдюжины витыхъ, обитыхъ кожею. Украшеніемъ стѣнъ служили иконы, но, кромѣ нихъ, опись насчитала болѣе 30 картинъ иностраннаго происхожденія («листы печатные фряжскіе»). При хоромахъ неизбѣжная мыльня. Барскій дворъ, огороженный заборомъ съ воротами, затѣйливо украшенными точеными балясами, занималъ пространство почти въ десятину. Здѣсь помѣщался особый господскій флигель изъ двухъ свѣтлицъ и пѣлый рядъ хозяйственныхъ построекъ: поварня съ двумя «приспѣшными» избами, изба приказчика, пивоварня съ необходимой для пивоваренія посудой и обстановкой, погребъ и ледникъ съ напогребицею, конюшня о 9 стойлахъ, изба для конюха, двѣ житницы. Къ главному двору примыкали еще: скотный дворъ съ сараями, хлѣвами и избами для скотниковъ и для птицъ и «остоженный» (сѣнной) дворъ съ двумя амбарами. Съ двухъ сторонъ къ забору усадьбы подходилъ громадный фруктовый садъ, расположенный на трехъ съ половиною десятинахъ, съ прудами и деревянной шатровой бесѣдкой. Опись насчитала въ немъ болѣе 1800 разнаго рода яблонь, многія сотни сливы и вишенъ. Замѣтенъ и нѣкоторый эстетическій вкусъ: въ саду разбитъ былъ небольшой цвѣтникъ, обсаженный съ четырехъ сторонъ красною смородиной.

Вотъ другая подмосковная также большого барина кн. Д. М. Голицына, извѣстнаго верховника, какъ ее застала опись, произведенная въ 1737 г. также по случаю конфискаціи. Это село Богородское на югѣ Московскаго уѣзда на рѣкѣ Пахрѣ, ранѣе принадлежавшее князьямъ Одоевскимъ. Мы совсѣмъ не найдемъ здѣсь той роскоши, которою по словамъ Щербатова стали блистать столичные дома. Небольшой старинный господскій домъ состоитъ всего изъ двухъ свѣтлицъ. Въ числѣ украшеній упомянуты образа «черкасской» работы, можетъ быть вывезенные княземъ изъ Кіева, гдѣ онъ былъ губернаторомъ, а также семь картинъ въ черныхъ рамахъ, одна изъ которыхъ изображала Полтавскую баталію, а на прочіихъ были «литеры латинскія», оставшіяся непонятными для подъячаго, производившаго опись. Деревенская усадьба еще не служитъ постояннымъ мѣстомъ житія знатнаго барина, мѣстомъ его осѣдлости. Деревня для него только источникъ ресурсовъ, питающихъ его

обширную населенную, во всемъ подобную деревенской, но уже богаче отдѣланную усадьбу въ столицѣ, гдѣ онъ живетъ постоянно.

Для болѣе близкаго знакомства съ бытомъ провинціальныхъ глубинъ класса посѣтимъ нѣсколько провинціальныхъ усадебъ. Тамъ обстановка еще проще. Псковскіе помѣщики по воспоминаніямъ Болотова въ 50-хъ годахъ жили очень зажиточно. У его зятя Неклюдова въ его благоустроенномъ имѣніи былъ хорошо отдѣланный домъ съ оштукатуренными и расписанными масляными красками стѣнами, что, очевидно, было рѣдкостью и обращало на себя вниманіе. Домъ раздѣлялся, какъ и вообще принято было тогда у псковскихъ помѣщиковъ, на двѣ половины: жилую, которую постоянно занимали хозяева, и парадную для приѣма гостей. Болѣе скромна усадьба самого автора воспоминаній. Тульское дворянство замѣтно измельчало, въ особенности благодаря семейнымъ раздѣламъ. У крупныхъ собственниковъ есть вотчины, включающія въ себя каждая село съ нѣсколькими деревнями. Но большею частью селеніе раздроблено между нѣсколькими владѣльцами, такъ что на долю каждого приходится по два, по три крестьянскихъ двора. Деревня Дворяниново на рѣчкѣ Скнигѣ, состоявшая всего изъ 16 крестьянскихъ дворовъ, принадлежала четыремъ помѣщикамъ, изъ нихъ тремъ Болотовымъ и въ числѣ этихъ послѣднихъ автору воспоминаній Андрею Тимоѣевичу. Три барскихъ усадебъ расположены были тутъ же при деревнѣ и находились неподалеку одна отъ другой, саженьяхъ въ 30—40. Въ усадьбѣ Андрея Тимоѣевича возлѣ пруда, примыкая къ фруктовому саду съ конопляникомъ, окруженный кое-какими хозяйственными постройками, стоялъ барскій домъ. Надо отогнать обычное представленіе, возникающее у насъ при этихъ послѣднихъ словахъ. Ветхій домъ этотъ былъ очень не великъ и крайне невзрачнаго вида; одноэтажный, безъ фундамента, простоявъ, можетъ быть, полстолѣтія, онъ какъ будто вросъ въ землю и непривѣтливо глядѣлъ своими крохотными оконцами со ставнями. Неуютно было и внутри его. Онъ заключалъ въ себѣ только три комнаты, но изъ этихъ трехъ одна большая зала была необитаема, потому что была холодной и не отапливалась. Она была скудно омеблирована. Вдоль тесовыхъ стѣнъ, сильно почернѣвшихъ отъ времени, тянулись скамьи, а въ переднемъ углу, украшенномъ множествомъ такихъ же почернѣвшихъ иконъ, стоялъ столъ, покрытый ковромъ. Двѣ другія меньшія комнаты были жилыми. Въ свѣтлой угольной громадная, выложенная разноцвѣтными изразцами печь распространяла тепло. На стѣнахъ такое же множество иконъ, и въ переднемъ углу висѣлъ кіотъ съ мощами, передъ которыми теплилась неугасимая лампада. Въ этой комнатѣ стояли нѣсколько

стульевъ, комодъ и кровать. Здѣсь, почти не выходя изъ нея, жила овдовѣвъ мать Болотова. Третья сообщавшаяся съ сѣнями совсѣмъ уже маленькая комната служила въ одно и то же время дѣтской, дѣвичьей и лакейской. Отъ всего въ этомъ дворянскомъ домѣ вѣяло стариной XVII вѣка, и только тетрадь геометрическихъ чертежей, появившаяся вмѣстѣ съ молодымъ хозяиномъ, была новостью среди этой старинной обстановки. Записки майора Данилова сохранили намъ описаніе усадьбы одного изъ его родственниковъ, двоюроднаго дѣда, М. О. Данилова, человѣка довольно состоятельнаго: «Усадьба, гдѣ онъ жилъ, въ селѣ Харинѣ,—пишетъ майоръ,—презрѣдная была: два сада, прудъ и кругомъ всей усадьбы рощи. Церковь въ селѣ деревянная. Хоромы у него были высокіе на омпаникахъ и снизу въ верхнія сѣни была со двора предлинная лѣстница; оную лѣстницу покрывалъ вѣтвями своими превеликій, стоящій близъ крыльца широкій и густой вязъ. Всѣ его высокіе и обширные съ виду хоромы состояли изъ двухъ жилыхъ горницъ, черезъ сѣни стоящихъ; въ одной горницѣ онъ жилъ зимою, а въ другой лѣтомъ». Домъ другого Данилова, брата предыдущаго, въ томъ же селѣ Харинѣ былъ еще того меньше; онъ состоялъ также изъ двухъ горницъ, но изъ нихъ только одна была бѣлая, т.-е. жилая, а другая, черная, служила вмѣсто кухни. Такого же вида помѣщичій домъ въ отдаленной вотчинѣ кн. Д. М. Голицына, въ селѣ Знаменскомъ Нижегородскаго уѣзда, описанномъ въ 1737 г. Въ немъ двѣ чистыя горницы, каждая по 5 оконъ, раздѣленныя между собою сѣнями: одна на жиломъ подклѣтѣ, другая на омпаникѣ. Окна въ въ обѣихъ слюдяныя, ветхія. Къ чистымъ горницамъ примыкала еще одна черная. Домъ покрытъ дранью, и вокругъ него обычныя хозяйственныя постройки: погребъ, двѣ конюшни, амбаръ, сарай, баня съ предбанникомъ, а также «земская изба» — очевидно контора имѣнія. Таковы же усадьбы въ другихъ его вотчинахъ въ Бѣжецкомъ и Галицкомъ уѣздахъ: тѣ же двѣ-три горницы на подклѣтѣ и на омпаникѣ, тѣ же сѣни между ними. Это, очевидно, общій типъ помѣщичьяго дома того времени.

Въ такихъ тѣсныхъ и невзрачныхъ разбросанныхъ въ провинціальной глуши гнѣздахъ и кутилось провинціальное дворянство въ первой половинѣ XVIII в. Впрочемъ, въ ту эпоху эти гнѣзда были довольно пусты: ихъ населеніе оттягивалось отсюда службой. «Околотокъ нашъ,—говоритъ Болотовъ, вспоминая свои дѣтскіе годы,—былъ тогда такъ пустъ, что никого изъ хорошихъ и богатыхъ сосѣдей въ близости къ намъ не было». Въ особенности пустынные были дворянскія усадьбы въ долгое царствованіе Петра. Городовой дворянинъ XVI—XVII вв. проводилъ дома по крайней мѣрѣ сво-

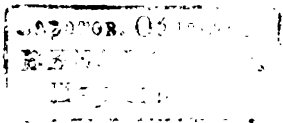
бодное время между походами. Съ возникновеніемъ постоянной арміи, которая была занята непрерывною и тяжелою войною, такіе поголовные отпуска служилыхъ людей прекратились; они замѣнены были увольненіями отдѣльныхъ лицъ въ кратковременные отпуска. Петровскому дворянину надолго приходилось разставаться съ родными полями и рощами, среди которыхъ протекло его дѣтство и о которыхъ онъ могъ хранить только смутное представленіе къ тому времени, когда, устарѣвъ и одряхлѣвъ, онъ получалъ отставку. Въ 1727 г. нѣкій бригадиръ Кропотовъ доносилъ сенату, что въ своемъ помѣстьѣ онъ не бывалъ съ 1700 года, т.-е. цѣлые 27 лѣтъ. Только послѣ Петра служебное бремя дворянина постепенно слабѣетъ. Его военная служба становится все менѣе нужной, такъ какъ рядовой контингентъ постоянной регулярной арміи пополняется посредствомъ рекрутскихъ наборовъ изъ податныхъ сословій, и дворянство пужно въ ней только для занятія офицерскихъ мѣстъ. Въ то же время введеніе подушной подати создало для дворянина новую обязанность, которая на первый планъ выдвинула его землевладѣльческое значеніе. Онъ сталъ отвѣтственнымъ передъ правительствомъ сборщикомъ подушной подати съ своихъ крестьянъ. Эта новая финансовая обязанность, перевѣсившая военную, требовала присутствія дворянина въ деревнѣ, и послѣ Петра мы видимъ цѣлый рядъ мѣръ къ облегченію и сокращенію срока дворянской службы, которыя содѣйствовали приливу дворянства въ родные углы. При Екатеринѣ I значительное число офицеровъ и солдатъ изъ дворянъ получили продолжительные отпуска для наблюденія за домашней экономіей. При Аннѣ по закону 1736 г. одинъ сынъ изъ дворянской семьи получалъ свободу отъ военной службы для занятій сельскимъ хозяйствомъ. Тогда же служба ограничена была срокомъ въ 25 лѣтъ, который при укоренившемся среди дворянъ обычаѣ записывать дѣтей на службу еще въ младенческіе годы для многихъ наступалъ очень рано. Начался отливъ дворянства въ провинцію. Но настоящимъ оживленіемъ провинція обязана болѣе позднимъ мѣрамъ: закону о дворянской вольности 1762 г., который наполнилъ провинцію дворянствомъ, и законамъ 1775 и 1785 гг., которые организовали это провинціальное дворянство въ дворянскія общества и привлекли эти общества къ участію въ мѣстной администраціи. Эта пустота провинціи въ первой половинѣ вѣка, невозможность видѣться съ людьми своего круга, жить общественными интересами не прошли безслѣдно для помѣщичьей психологіи. Онѣ убивали въ характерахъ общительность и дѣйствовали въ противоположность службѣ, развивавшей въ дворянскомъ кругу товарищескія чувства и отношенія. Одинокіе и рѣдкіе обитатели

усадебъ, свободные отъ службы, дичали, и на ряду съ чертами радушія и гостепріимства, свойственными вообще славянской натурѣ и широко распространенными въ русскомъ дворянствѣ XVIII в., складывался также особый типъ угрюмаго и нелюдимаго помѣщика, замкнувшагося въ своей усадьбѣ, никуда не выѣзжавшаго и никого къ себѣ не принимавшаго, погруженнаго исключительно въ мелкіе интересы и дразги своего крѣпостного люда и заботы о борзыхъ и гончихъ сворахъ. Выѣзжать было некуда, принимать было некого, такъ какъ сосѣдей не было на далекое разстояніе, и одиночество входило въ привычку. Мать Болотова «препровождала», по его словамъ, «въ деревнѣ жизнь совсѣмъ почти уединенную. Никто почти изъ лучшенькихъ сосѣдей къ ней и она ни къ кому не ѣзжала». Его дядя, человѣкъ скупой и завистливый, «любилъ отмѣнно жить въ уединеніи». Въ такомъ же уединеніи проводилъ дни дѣдъ другого автора мемуаровъ, майора Данилова, въ усадьбѣ котораго мы побывали. «Онъ никуда не ѣзжалъ по гостямъ,—писать о немъ Даниловъ, хорошо его помнившій въ дѣтствѣ,—да я и не слыхивалъ, чтобъ и къ нему кто изъ сосѣдей равные ему дворяне ѣзжали». Эти черты характера, порожденныя условіями окружающей обстановки, въ какой приходилось жить дворянину, окажутся настолько прочными, что не поддадутся воспитательному дѣйствию провинціальныхъ общественныхъ учрежденій Екатерины, и, передаваясь по наслѣдству къ потомкамъ, создадутъ Плюшкина первой половины XIX в. Угрюмые и нелюдимые Болотовы и Даниловы временъ Анны и Елизаветы ему сродни: вѣдь это его дѣды и прадѣды.

Безлюдная обстановка, окружавшая дворянское помѣстье извнѣ, порождала среди дворянства отдѣльные нелюдимые характеры. Тотъ строй, съ которымъ помѣщикъ встрѣчался внутри имѣнія, былъ еще обильнѣе психологическими послѣдствіями, кладя отпечатокъ не только на отдѣльныхъ особи, но и на весь классъ въ его цѣломъ. Основа этого строя—крѣпостное право, регулировавшее всѣ его подробности. За полвѣка оно сдѣлало значительные успѣхи, которымъ дали толчокъ нѣкоторыя нововведенія Петра и которымъ благопріятствовало властное положеніе дворянства, занятое имъ съ 1725 г. Рекрутскіе наборы вызвали бойкіе торговые обороты съ крѣпостными душами, создавъ спросъ на покупныхъ рекрутъ. Подушная подать втягивала въ крѣпостное право прежде свободныхъ людей, такъ какъ запись за помѣщика считалась лучшей гарантіей исправности платежа, и стерла прежнюю разницу между двумя видами крѣпостной зависимости: крестьяниномъ и холопомъ, такъ какъ тотъ и другой одинаково были обложены податью и оказа-

лись въ одинаковой зависимости отъ помѣщика. Возложивъ на помѣщика отвѣтственность за исправный платежъ подушной, государство расширило его права надъ крѣпостными, отказываясь въ его пользу отъ полиціи и юстиціи надъ населеніемъ имѣній. Крупная или средняя дворянская вотчина становится чѣмъ-то въ родѣ небольшого государства, маленькой кошей съ большого оригинала. Не даромъ законодательство Петра называетъ крѣпостныхъ помѣщика его «подданными», прибѣгая въ этомъ случаѣ къ терминологіи государственнаго права. Въ такой вотчинѣ очень дифференцированный социальный строй. Въ самомъ барскомъ домѣ многочисленный придворный штатъ прислуги; въ отдѣльныхъ дворахъ тутъ же на усадьбѣ помѣщаются дѣловые люди, завѣдующіе отдѣльными статьями помѣщичьяго хозяйства, а также все болѣе развѣтвляющійся классъ специалистовъ-ремесленниковъ, удовлетворяющихъ разныя потребности барскаго домашняго обихода. Далѣе классъ дворовыхъ, посаженныхъ на пашню, такъ называемые задворные люди, послѣ ревизіи смѣшавшіяся окончательно съ крестьянами; наконецъ, село и раскиданныя вокругъ него деревни съ крестьянскимъ населеніемъ на оброкѣ или на барщинѣ. Все это население управляется сложною администраціей, во главѣ которой стоитъ приказчикъ или главный приказчикъ съ бурмистрами, старостами и «выборными» и которая не чужда представительныхъ учрежденій въ видѣ сельскаго схода, имѣющаго иногда для своихъ собраній особую избу на господскомъ дворѣ. Въ большинствѣ случаевъ въ вотчинѣ дѣйствуетъ обычное право, но съ половины вѣка появляются довольно разнообразныя писанныя уложенія и уставы—конституціи этихъ маленькихъ государствъ. Разумѣется, высшій законъ въ имѣніи—воля барина, который не стѣсняется нарушать старинныя обычаи и имѣть же самимъ установленныя конституціи. Таковы порядки въ крупныхъ и среднихъ вотчинахъ. Мелкопомѣстные владѣльцы, насколько и въ чемъ могутъ, подражаютъ крупнымъ.

Отношенія къ сосѣдямъ возбуждали въ этихъ государствахъ вопросы внѣшней политики. Отношенія эти часто не были гладки; въ особенности благодаря отсутствію правильно установленнаго межованія,—постоянно возникали споры съ обращеніемъ къ суду, и каждая крупная усадьба непременно обладаетъ своимъ «приказнымъ чело-вѣкомъ», адвокатомъ изъ крѣпостныхъ, долговременною практикою въ хожденіи по дѣламъ пріобрѣтавшимъ юридическую опытность и знаніе законовъ, въ которомъ могъ поспорить съ подъячими. Иногда на юридическомъ поприщѣ выступалъ и самъ помѣщикъ, входившій во вкусъ въ судебныхъ дѣлахъ, доставлявшихъ ему умственную работу за неизмѣнимъ никакой другой. Князь Щербатовъ вспомо-

032692

наетъ одного изъ своихъ недалнихъ предковъ, который «хаживаль» въ судъ не только по своимъ дѣламъ, но велъ также по порученію и чужія тяжбы. Процессы тянулись безконечно и представляли на ряду съ борзой и гончей охотой наиболѣе интересную тему для разговоровъ сельскаго дворянства, помогавшую заполнять пустоту и скуку уединенной жизни. Сутяжничество дѣлалось въ иныхъ случаяхъ страстью, и появлялись большіе охотники и охотницы судиться, къ услугамъ которыхъ появлялись и мудрые юрисконсульты, разжигавшіе сутяжничество. Въ 1752 г. императрица объявила сенату, что она съ крайнимъ неудовольствіемъ слышитъ о разореніи и притѣсненіи подданныхъ отъ «ябедниковъ». Указъ привелъ и конкретный портретъ такого ябедника. То былъ нѣкій князь Никита Хованскій, отставной лейбъ-гвардіи прапорщикъ, религіозный и политическій вольнодумецъ и неуживчивый человекъ: бросилъ жену, не ходилъ подъ рядъ 12 лѣтъ на исповѣдь, называлъ высокопоставленныхъ особъ дураками и злорадствовалъ по поводу пожара въ московскомъ дворцѣ, остря, что императрицу преслѣдуютъ стихіи: изъ Петербурга ее гонитъ вода (наводненіе), а изъ Москвы — огонь. Указъ предписывалъ князю Никитѣ юридическія занятія бросить и никому по дѣламъ никакихъ совѣтовъ и наставленій не давать подъ опасеніемъ конфискаціи движимаго и недвижимаго, грозя такимъ же взыскаіемъ и его кліентамъ, которые явно или тайно стали бы обращаться къ нему за совѣтомъ. За свой атеизмъ и рѣзкій языкъ не по времени остроумный адвокатъ поплатился плетью и ссылкой сначала въ монастырь на покаяніе, а затѣмъ въ свои деревни.

Но при всей любви къ процессамъ въ дворянской средѣ болѣе стремительнымъ и горячимъ натурамъ не хватало терпѣнія выжидать окончанія тяжбъ, и они, по призванію военные люди, предпочитали рѣшать возникавшія недоразумѣнія открытымъ боемъ. Такимъ образомъ сосѣднія государства-вотчины вступали въ военныя дѣйствія другъ противъ друга, и происходили частныя войны совершенно въ средневѣковомъ духѣ. Вотъ примѣры. Въ 1742 г. богатый вяземскій помѣщикъ Грибоѣдовъ во главѣ отряда дворовыхъ съ рогатинами и дубьемъ напалъ ночью на усадьбу помѣщицы Бехтѣевой, помѣщицу выгналъ и самъ поселился въ завоеванной усадьбѣ. Въ 1754 г. трое орловскихъ помѣщиковъ, братья Львовы, все люди съ чинами: совѣтникъ, ассессоръ и корнетъ, предприняли походъ на своего сосѣда поручика Сафонова. Съ подмогою родственниковъ Львовы собрали армію изъ крестьянъ и дворовыхъ людей числомъ въ 600 человекъ. Выступленіе было торжественно. Два священника отслужили молебствіе съ водосвятиемъ,

и всё приложились къ образу; затѣмъ помѣщики произнесли напутственныя рѣчи къ войску, ободряя его и побуждая «имѣть неуступную драку» и не выдавать другъ друга. Лучшимъ крестьянамъ для большаго подъема воинственнаго духа было поднесено по чаркѣ водки, и войско двинулось въ путь. Помѣщики и приказчики ѣхали верхами, крестьяне слѣдовали въ пѣшемъ строю. Приблизившись осторожно къ крестьянамъ врага, занятымъ на сѣнокосѣ, и захвативъ ихъ врасплохъ, Львовы ударили на нихъ изъ лѣсу. Произошла кровопролитная свалка. 11 человекъ было убито, 45 тяжело ранено, 2 пропало безъ вѣсти. Въ томъ же году подмосковная вотчина генеральши Стрѣшневой село Соколово—въ войнѣ съ подмосковной вотчиной кн. Голицына, съ селомъ Яковлевскимъ. Крѣпостные первой въ количествѣ 70 человекъ, вооружившись ружьями, дубьемъ и палашами, подъ предводительствомъ старосты и одного изъ дворовыхъ напали на яковлевскихъ крестьянъ и, захвативъ въ плѣнъ 12 человекъ, привезли ихъ въ Соколово и посадили въ погреба. Въ этотъ вѣкъ женскихъ царствованій даже дамы, жены и дочери служилыхъ людей, проявляли воинственныя наклонности и обнаруживали стратегическіе таланты. Въ 1755 г. пошехонская помѣщица Побѣдинская во главѣ своихъ крѣпостныхъ сразилась съ двумя сосѣдями помѣщиками Фрязинимъ и Леонтьевымъ, которые, заключивъ, очевидно, между собою союзъ, напали на ея людей. Битва кончилась поражениемъ и даже смертью обоихъ союзниковъ. Въ иныхъ усадьбахъ изъ дворовыхъ людей формировались вооруженные, обмундированные и обученные военному дѣлу отряды для защиты отъ частыхъ тогда нападений на усадьбы разбойничьихъ шаекъ. Эти отряды пускались въ дѣло и въ междоусобныхъ войнахъ.

Построенная на крѣпостномъ правѣ, проникавшемъ весь ея внутренній складъ и отражавшемся и на внѣшнихъ отношеніяхъ, вотчина служила обстановкой, въ которой получалъ дворянинъ свое первоначальное воспитаніе. Плохая это была педагогическая обстановка, и крѣпостное право сыграло печальную роль не для одной только крестьянской психологіи. Крѣпостное отношеніе между субъектомъ права—помѣщикомъ—и его объектомъ—крѣпостнымъ человекомъ—юридически было очень измѣнчиво: чуть не каждое пятилѣтіе появлялись все новыя и новыя законы, мѣнявшіе сущность этого отношенія, которое поэтому такъ трудно уловимо для юридическаго опредѣленія. Но нравственное вліяніе крѣпостнаго права было явленіемъ очень постояннымъ и очень опредѣленнымъ. Своею юридическою тяжестью это право падало на объектъ, но нравственно оно одинаково портило обоихъ,—и объектъ и субъектъ. Оно положило

на долго бывшаго безвольнымъ орудіемъ въ чужихъ рукахъ крестьянина печать, не совсѣмъ стершуюся съ него, можетъ быть, и до сей поры. Оно принизило его личность и заставило его бросать вокругъ недовѣрчивый и боязливый взглядъ исподлобья. Оно убивало его энергію въ трудѣ и, можетъ быть, въ значительной мѣрѣ оно же вносило унылыя ноты въ пѣсню, сопровождающую часы досуга. Но столь же пагубно крѣпостное право подѣйствовало и на помѣщика.

Во-первыхъ, оно портило его характеръ тѣмъ, что не ставило его волѣ никакихъ сдержекъ. Воля, которая была закономъ для столькихъ другихъ, привыкала забывать границы, становясь необузданнымъ произволомъ. Она практиковалась надъ безправными крѣпостными и потому проявлялась надъ безсильными свободными. Въ усадьбѣ крупнаго барина состоитъ помимо дворовой челяди особый штатъ приживальщиковъ изъ дальней и бѣдной родни или изъ мелкихъ сосѣдей, служащихъ мишенями барскаго остроумія или орудіями барскихъ потѣхъ, которыя принимаютъ грубый характеръ и тотчасъ же переходятъ въ насиліе. Устами своего депутата въ екатерининской комиссіи однодворцы Тамбовской провинці горько жаловались на постоянныя обиды, которыя приходится имъ, мелкимъ людямъ, нести отъ сосѣдей дворянъ. Депутатъ горячо возсталъ противъ отмѣны тѣлеснаго наказанія для дворянъ. Безъ этихъ наказаній, говорилъ онъ, «благороднымъ отъ насилія воздержать себя по оказуемой имъ вольности впредь невозможно. Но, почтеннѣйшее собраніе, — продолжалъ депутатъ, — о другихъ губерніяхъ не отваживаюсь, а что жъ о Воронежской и Бѣлгородской, смѣло увѣрю: гдѣ бѣ какое жительство осталось безъ притѣсненія и обидъ отъ благороднаго дворянства спокойно? Подлинно нѣтъ ни одного, что и въ представленіяхъ отъ общества доказывается».

Во-вторыхъ, крѣпостное право было губительно для дворянина тѣмъ, что, давая ему въ обильномъ количествѣ даровой трудъ, оно отучало его волю отъ энергіи и постоянства. Оно доставляло ему вредный досугъ для празднаго ума, который нечѣмъ было занять и который искалъ занятія во всемъ, въ чемъ угодно, только не въ томъ, чѣмъ ему слѣдовало быть занятымъ. На службѣ дворянинъ становился все менѣе нуженъ, а сельское хозяйство, построенное на крѣпостныхъ началахъ, его интересовало только результатомъ, т.-е. количествомъ дохода, а не процессомъ, т.-е. средствами его добыванія, потому что несвободный трудъ дѣлалъ этотъ процессъ до утомительности однообразнымъ, неподатливымъ ни къ какому движенію и неспособнымъ ни на какія перемѣны и усовершенствованія. Положеніе, въ какое попадалъ дворянинъ, освобождаясь

отъ службы и не принимая активнаго участія въ сельскомъ хозяйствѣ, понижало его энергію и отучало его отъ всякой серьезной работы. Вотъ почему помѣщичій классъ вышелъ еще менѣе работоспособнымъ, чѣмъ крѣпостное крестьянство. Правда, незанятый обязательною работою свободный дворянскій умъ сверкалъ иногда удивительно яркими искрами, но отсутствіе выдержки и постоянства въ трудѣ мѣшало этимъ рѣдкимъ искрамъ собираться въ пламя, дающее постоянный, ровный, полезный и производительный свѣтъ. Дворянинъ никогда ни въ чемъ не былъ цеховымъ работникомъ, выступая иногда блестящимъ диллетантомъ. Эта психологія получить роковое значеніе для сословія, когда измѣнившіяся обстоятельства потребуютъ отъ каждаго упорнаго и тяжелаго труда среди обостренной экономической борьбы. Оно въ этой борьбѣ выступитъ наименѣе приспособленнымъ.

Крѣпостное право простирало свое вліяніе и за предѣлы помѣщичьяго класса, будучи, очевидно, центральнымъ узломъ, опредѣлявшимъ весь складъ частной, общественной и даже государственной жизни. Привычки и отношенія, выработывавшіяся въ основной хозяйственной ячейкѣ, какою была крѣпостная вотчина, отображались и на всемъ государственномъ и общественномъ строѣ, и хозяйственная основа опредѣляла въ этомъ случаѣ формы высшихъ этажей общегіи, его юридическій обликъ и его духовное содержаніе. Въ самомъ дѣлѣ, между первоначальною хозяйственною ячейкою и обширнымъ государственнымъ организмомъ можно замѣтить полное соотвѣтствіе. Если крѣпостная вотчина была маленькимъ государствомъ, то и государство съ своей стороны очень напоминало большую крѣпостную вотчину. Большихъ трудовъ и усилій стоило Петру В. отучать своихъ современниковъ отъ такого взгляда на государство и проводить новыя политическія идеи, по которымъ государь долженъ былъ являться не хозяиномъ-вотчинникомъ, а первымъ слугою общественнаго союза, преслѣдующаго цѣли общаго блага. Однако дѣйствительность жизни оказывалась сильнѣе новыхъ идей, которыми она была прикрыта и повсюду черезъ нихъ замѣтно сквозила. Соціальныи строй государства весь сверху до низу носилъ печать крѣпостнаго права, такъ какъ всѣ общественные классы были закрѣпощены. Въ учрежденіяхъ, несмотря на полное ихъ преобразование, оставалось много вотчинной старины. Самый императорскій дворъ времянь Анны и Елизаветы, устроенный по западному образцу, поражавшій блескомъ и великолѣпіемъ даже иностранцевъ, служившій проводникомъ европейскаго тона въ русское общество, былъ все таки въ сущности обширною помѣщичьей усадьбой. Обѣ названныя императрицы были типичными

русскими помѣщиками-крѣпостниками XVIII в. Одна не могла заснуть безъ того, чтобъ не выслушать на сонъ грядущій какого-нибудь страшнаго разсказа про разбойниковъ, и для этихъ повѣствованій имѣлся особый штатъ особенно болтливыхъ женщинъ, мастерицъ сочинять и разсказывать разныя исторіи; другая приводила въ отчаяніе своего повара иностранца открытымъ предпочтеніемъ къ щамъ и буженинѣ, кулебякамъ и гречневой кашѣ передъ всѣми иностранными блюдами. Свободное отъ придворныхъ церемоній и государственныхъ дѣлъ время Анна, надѣвъ просторный домашній капотъ и новязавъ голову платкомъ, любила проводить въ своей спальнѣ среди шутовъ и приживалокъ. Фрейлины ея двора, какъ простыя сѣнныя дѣвушки въ каждомъ барскомъ домѣ, сидѣли за работою въ сосѣдней со спальней комнатѣ. Соскучившись, Анна отворяла къ нимъ дверь и говорила: «Ну, дѣвки, пойте!» И онѣ пѣли до тѣхъ поръ, пока государыня не кричала: «довольно!» Провинившихся въ чемъ-нибудь и вызвавшихъ ея неудовольствіе фрейлинъ она посылала стирать бѣлье на прачечномъ дворѣ, т.-е. расправлялась съ ними такъ же, какъ поступали въ барской усадьбѣ съ дворовыми дѣвками. Частная обстановка государя все еще мало различалась при дворѣ отъ государственныхъ учрежденій. Иностранцу повару Елизаветы Фуксу былъ пожалованъ высокій чинъ бригадира, а русскій повѣренный въ дѣлахъ въ Парижѣ, ведя переговоры съ французскимъ правительствомъ, въ то же время былъ обязанъ выбирать и закупать шелковые чулки новаго фасона для государыни и отыскивать повара на службу къ Разумовскому.

Въ этой громадной вотчинѣ съ такою обширною и богато устроенною барскою усадьбою въ центрѣ дворянство занимало мѣсто, похожее на то, какое въ частной вотчинѣ занималъ особый классъ крѣпостныхъ — «дворовые люди». Недаромъ до Петра дворянство и официально титуловалось «холопами» въ своихъ обращеніяхъ къ государю. Гораздо болѣе глубоко, чѣмъ юридическая аналогія, было здѣсь нравственное сходство, и въ отношеніяхъ дворянства къ верховной власти было много навѣяннаго крѣпостнымъ правомъ. Не слѣдуетъ забывать, что дворянству сравнительно съ другими сословіями русскаго общества пришлось испытать на себѣ двойное дѣйствіе крѣпостнаго права. Другія сословія были только объектами этого права; дворянство подвергалось его воздѣйствію и въ качествѣ объекта и въ качествѣ субъекта: какъ объектъ потому, что оно было закрѣпощено обязательной службой, будучи однимъ изъ крѣпостныхъ сословій; какъ субъектъ потому, что оно было владѣльцемъ крѣпостныхъ. И вотъ въ отношенія, возникавшія изъ крѣпостной зависимости перваго рода, оно вносило много чертъ,

заимствованныхъ изъ отношеній второго рода. Свои крѣпостныя отношенія дворянство невольно строило по образцу отношеній къ нему его собственныхъ крѣпостныхъ. Произволь, направленный книзу, удивительно какъ-то умѣетъ сочетаться въ одной и той же душѣ съ раболѣпиемъ по направленію къверху, такъ что нѣтъ болѣе раболѣпнаго существа, чѣмъ деспотъ, и болѣе деспотическаго, чѣмъ рабъ.

Слишкомъ часто это слово «рабъ» фигурируетъ въ первой половинѣ XVIII в. въ официальныхъ выраженіяхъ отношеній дворянства къ верховной власти, появляясь на мѣсто только что изгнаннаго Петромъ слова «холопъ» и показывая, какъ живучи фактическія отношенія вопреки закону. Вы его встрѣтите и въ судебномъ приговорѣ и на языкѣ законодателя, дипломата и вѣннаго человѣка. Въ 1727 г. извѣстный петровскій генераль-полицеймейстеръ Девьеръ былъ присужденъ къ кнуту и ссылкѣ за то между прочимъ, что не отдавалъ «рабскаго респекта» одной изъ царевенъ— Аннѣ Петровнѣ, позволялъ себѣ сидѣть въ ея присутствіи. Въ приговорѣ противъ одного изъ видныхъ верховниковъ кн. В. Л. Долгорукаго говорилось, что онъ ссылается въ дальнія деревни «за многіе его намъ самой и къ государству нашему безсовѣстные противные поступки и что онъ, не боясь Бога и страшнаго Его суда и пренебрегая должность честнаго и вѣрнаго раба, дерзнулъ» и т. д. Въ 1740 г. былъ изданъ указъ о дворянской службѣ, въ которомъ объявлялось, что предыдущій указъ 1736 г. о 25-лѣтнемъ срокѣ этой службы касается лишь тѣхъ дворянъ, «которые впродолженіе 25 лѣтъ служили вѣрно и порядочно, какъ *отраннымъ рабамъ* и честнымъ сынамъ отечества надлежитъ, а не такихъ, которые всякими способами отъ прямой службы отбывали и время втуне проводить искали». Въ депешѣ изъ Вѣны русскій посланникъ при австрійскомъ дворѣ Ланчинскій писалъ: «*рабски разсуждая*, что въ послѣднемъ указѣ явно и повторительно предписано мнѣ выѣхать... не могъ обратить вниманія на ихъ (австрійскихъ министровъ) внушенія: не мое *рабское дѣло* въ то вступаться, чего разсмотрѣніе ваше величество сами себѣ предоставитъ изволили». Въ 1749 г. канцлеръ Бестужевъ подалъ императрицѣ докладъ по поводу столкновенія его съ воспитателемъ гр. Кирилла Разумовскаго Тепловымъ и въ этомъ докладѣ коснулся происшествія на прощальномъ обѣдѣ, данномъ англійскимъ посломъ лордомъ Гиндфордомъ. Лордъ, наливъ всѣмъ «покалы», произнесъ тостъ за здоровье государыни, при чемъ пожелалъ, «чтобъ благополучное ея императорскаго величества государствованіе болѣе лѣтъ продолжалось, нежели въ томъ покалѣ капель; то и всѣ оныя пили, а одинъ

только (церемоніймейстеръ) Веселовскій полонъ пить не хотѣлъ, но ложки съ полторы и то съ водою токмо налилъ и въ томъ упрямо предъ всѣми стоялъ, хотя канцлеръ изъ ревности къ ея величеству и изъ стыда предъ послами ему по-русски и говорилъ, что онъ долженъ сіе здравіе полнымъ покаломъ пить, какъ *отранный рабъ*, такъ и потому, что ему отъ ея императорскаго величества много милости показано пожалованіемъ его изъ малаго чина въ столь знатный». Фельдмаршалъ С. Ѳ. Апраксинъ въ донесеніи о Гросс-Егерсдорфской битвѣ, указавъ подвиги отдѣльныхъ генераловъ, дѣлалъ такое заключеніе: «словомъ сказать, всѣ в. и. в-а подданные во вѣрренной мнѣ арміи при семъ сраженіи всякій по своему званію такъ себя вели, какъ *рабскія должность* природной ихъ государынѣ требовала». Число такихъ выписокъ можно было бы умножить до безконечности.

Въ появленіи этого термина «рабъ» на мѣсто прежняго «холопъ» нельзя не видѣть даже нѣкотораго проигрыша для дворянства: въ словѣ «холопъ» какъ-то болѣе указанія на служебное отношеніе, тогда какъ въ словѣ «рабъ» болѣе указанія на безправность по отношенію къ господину. Впрочемъ, само же законодательство Петра, изгонявшее первый терминъ, косвеннымъ образомъ уполномочивало къ употребленію второго. Допуская опасные синонимы, оно къ явленію частнаго права, къ крѣпостнымъ людямъ, прилагало терминъ государственнаго права, называя ихъ помѣщичьими *подданными*. Не удивительно, что и наоборотъ, отношенія государственнаго права стали при смѣшеніи понятій облекаться терминами частнаго. Если рабы назывались подданными, то и подданные именовались рабами. И эти выраженія не были пустою словесною формою; они вполне соответствовали дѣйствительности. Трудно себѣ представить болѣе гордаго и властнаго вельможу, чѣмъ знаменитый Волинскій; на губернаторской должности онъ былъ неограниченнымъ сатрапомъ. А прочтите въ его оправдательной докладной запискѣ рассказъ о томъ, какъ его билъ Петръ Великій—это совсѣмъ тонъ двороваго человѣка, униженно повѣствующаго о баринѣ. «Его величество,—пишетъ Волинскій,—скоро съ адмиральскаго судна на свое изволилъ придти; хотя тогда и ночь была, однако жъ изволилъ прислать по меня и тутъ гнѣваясь бить тростию... Но хотя жъ и претерпѣлъ я, однако жъ не такъ, какъ мнѣ, рабу, надлежало терпѣть отъ своего государя; но изволилъ наказать меня, какъ милостивый отецъ сына, своею ручкою...» Въ числѣ наказаній на барскихъ дворахъ практиковалась между прочимъ ссылка съ барскихъ глазъ, гдѣ виновный занималъ какую-либо видную должность, въ дальнія деревни; та же ссылка въ дальнія деревни пости-

гала и придворныхъ вельможъ. Дворовый не имѣлъ своего имущества, все его добро принадлежало барину; а что было менѣе гарантировано и прочно въ XVIII в., чѣмъ дворянское имущество движимое и недвижимое, которое могло ежеминутно подвергнуться конфискаціи?

Неприглядный характеръ своихъ отношеній къ верховной власти дворянство иногда само ясно сознавало и въ удобную минуту высказывалось о нихъ втихомолку съ горькою откровенностью. Въ 1730 г. по рукамъ собравшихся въ Москвѣ дворянъ, горячо обсуждавшихъ вопросъ о перемѣнѣ государственнаго устройства, ходила анонимная записка, въ которой выражалось опасеніе, какъ бы съ установленіемъ власти верховнаго тайнаго совѣта вмѣсто одного монарха не сдѣлалось ихъ десять. «Тогда мы, шляхетство, — говорилось въ запискѣ, — совсѣмъ пропадемъ и принуждены будемъ горше прежняго *идолопоклонничать*». Но, сознавая неприглядность отношеній, дворянство не умѣло ихъ перестроить. Наиболѣе развитая и выдающаяся по знатности, служебному положенію и имуществу его часть въ томъ же 1730 г. сдѣлала попытку занять болѣе самостоятельное и почетное положеніе, обезпечивъ его участіемъ дворянскаго представительства въ видѣ особой дворянской палаты депутатовъ въ высшемъ государственномъ управленіи; но эта попытка разбилась о сопротивленіе подавлявшей числомъ и громкимъ крикомъ дворянской демократіи, предпочитавшей матеріальныя, имущественныя и служебныя льготы изъ рукъ верховной власти политической самостоятельности и почету. Чувство личной чести, присущее любой западной аристократіи, было какъ-то мало понятно русскому дворянину XVII и первой половины XVIII в. Въ верхахъ этого класса было сильно развито чувство родовой чести, которое выражалось въ мѣстничествѣ и въ силу котораго дворянинъ, не видѣвшій ничего унизительнаго въ названіи себя холопомъ, въ подписи уменьшительнымъ именемъ, въ тѣлесномъ наказаніи, чувствовалъ унизительнымъ для себя занимать мѣсто за столомъ рядомъ съ такимъ же дворяниномъ, котораго онъ считалъ однако для этого сосѣдства недостаточно знатнымъ. Но къ чувству личной чести должны были приучать дворянство уже сами монархи. Петръ вывелъ изъ употребленія уменьшительныя имена. Екатерина объяснила дворянству, что дворянство есть не спеціальныи родъ повинности, а *titre d'honneur*, т.-е. почетное наименованіе, являющееся результатомъ заслугъ государству. Это не было новостью развѣ для одного только кн. Щербатова; для большинства же вчерашнихъ крѣпостныхъ эти слова императрицы были какимъ-то свѣтомъ откровенія, и они ссылались на нихъ встати и нектати. Но, въ то время какъ такія понятія внушались съ высоты трона,

въ числѣ помѣщиковъ, съѣзжавшихся по уѣздамъ на выборы депутатовъ въ комиссію объ уложеніи, нѣкоторые подъ наказами депутатовъ, повидимому, не безъ гордости подписывались съ чиномъ придворнаго «лакея», и не имъ, конечно, было думать о самостоятельномъ и почетномъ положеніи. Такъ отличивало дворянству крѣпостное право за тѣ выгоды, которыя ему этимъ правомъ давались. Оно портило характеры лицъ и было причиной унижительнаго положенія класса. Оно представляло изъ себя старую домашнюю основу, съ которой новымъ западнымъ идеямъ пришлось вступить въ продолжительную и упорную борьбу. Эта борьба началась уже во второй половинѣ XVIII в.

М. Богословскій.

Споръ о „Babel und Bibel“.

Два года уже въ Германіи продолжается шумная, порою крик-ливая, борьба: «Babel und Bibel», или «Bibel und Babel», или «Ba-bel oder Bibel», или «Bibel oder Babel»—вотъ, смотря по точкѣ зрѣнія, лозунги этой борьбы, вотъ заглавія и резюме тѣхъ много-численныхъ статей и брошюрокъ, которыя, выходя «5-ми» и «7-ми» изданиями, наводняютъ въ настоящее время нѣмецкій книжный рынокъ, раскупаются нарасхватъ, продаются даже въ желѣзнодорожныхъ кіоскахъ. Трудно сказать, что въ настоящее время больше читается и больше волнуетъ нѣмца: «Тена или Седанъ» Бейер-лейна—мрачное и вѣское предостереженіе относительно будущаго, «Изъ жизни маленькаго гарнизона» Бильзе—страшная, полная дра-матическихъ контрастовъ, страница изъ жизни настоящаго, или не-смѣтное почти количество брошюрокъ, трактующихъ о *давно про-шедшемъ*, о минувшихъ эпохахъ, отдѣленныхъ отъ насъ *тысяче-лѣтіями*, хотя и тѣсно связанныхъ съ нами культурно.

Прошло лишь сто лѣтъ, какъ нѣмецкому учителю Гротефенду удалось съ необычайнымъ напряженіемъ ума и наблюдательности впервые дешифровать (въ 1802 г.) нѣсколько клинописныхъ именъ, а теперь рядъ «вавилонскихъ словъ» сталъ, повидимому, входить въ лексиконъ «каждаго образованнаго нѣмца»; все «обра-зованное» общество дебатируетъ, и часто «du haut en bas», рядъ труднѣйшихъ, но и заманчивыхъ до крайности проблемъ по исто-ріи и культурѣ древняго Востока. Интересъ общества къ парази-тельнымъ результатамъ раскопокъ, къ тому самому «гробокопатель-ству», «процѣживанію пустыни», къ той самой «*Keil-Schrift*», надъ которой недавно острили не меньше, чѣмъ надъ моноклемъ и та-лій прусскаго офицера и изрубленной фізіономіей и вѣчной за-долженностью нѣмецкаго бурша, — интересъ общества растетъ съ каждымъ днемъ. Такое быстрое измѣненіе отношенія, конечно, можно бы считать отраднымъ знаменіемъ времени, если теперешній

интересъ не содержалъ бы въ себѣ слишкомъ много легкомысленнаго и легковѣснаго. Самый интересъ возникъ слишкомъ внезапно, слишкомъ поспѣшно и неосторожно эксплуатируется, чтобы ему можно было прочить долгое существованіе.

Причиной и началомъ этого, можно сказать, патологическаго, интереса послужили три лекціи проф. Фридриха Делича (особенно первыя двѣ—«Babel und Bibel»), который въ популярной и чрезвычайно увлекательной формѣ ввелъ слушателей въ почти сказочный по своей колоритности и многосторонности вавилонскій міръ. Лекціи были повторены во дворцѣ, и особый интересъ императора вызвалъ даже опасеніе—не кроется ли тутъ какой-либо «новый курсъ», нѣтъ ли тутъ страшной опасности, такъ какъ (проф. Kittel) «вопросъ великой научной и практической важности связывается съ авторитетомъ императора и какъ бы предрѣшается безапелляционно». Не исчезли эти опасенія и послѣ извѣстнаго открытаго письма Вильгельма II, которое, очень ясное само по себѣ и далеко не выгодное для основныхъ положеній Делича, все же удовлетворило лишь очень немногихъ энтузіастовъ (Schwartzkopf: «Ein Kaiserwort». J. v. Gotthuss: «Kaiser und Bekenner»), констатировавшихъ нѣсколько поспѣшно «окончательное пораженіе» Делича. Достаточно было уже этихъ фактовъ, чтобы вопросъ о «Babel und Bibel», о взаимоотношеніяхъ между вавилонской культурой и еврейской, сталъ вопросомъ *моднымъ*. Но двухъ лекцій Делича было также достаточно, чтобы взволновать теологическія сферы традиціоннаго направленія (католическія, евангелическія, еврейскія), чтобы возбудить кличъ «saveant consules», говорить о «низверженіи книги книгъ», защищать то, что совсѣмъ и не нуждалось въ защитѣ; все это сдѣлало вопросъ уже *сенсационнымъ*, придавая ему специфическій отгѣнокъ опасной принципиальной борьбы, возводя его на степень важнаго общественнаго явленія.

Грянулъ бой, который и донинѣ не оконченъ. Чтобы понять и оцѣнить этотъ мучительно долгій споръ, превратившійся скоро въ рѣзкую и одностороннюю полемику, при которой основные пункты были забыты или искажены, нужно вкратцѣ указать инкриминированные пункты лекцій Делича.

Деличъ, едва ли не лучший знатокъ ассиро-вавилонскихъ древностей въ Германіи, хотѣлъ дать и далъ внушительную картину культурнаго могущества Вавилона, его громаднаго культурно-историческаго значенія (ср. С. F. Lehmann: «Babyl. Kulturmission einst und jetzt» 1903). Поразительныя астрономическія наблюденія (вавилоняне знали уже 4 луны Юпитера), установленіе календаря, введеніе точной системы мѣръ и вѣсовъ, богатая и разносторонняя

литература, удивительный размах фантазіи и практической изобрѣтательности, великая самонадѣянность людей, «сотворившихъ» свою благодарную страну, и вмѣстѣ съ тѣмъ громадная и глубокая набожность (знаменитые «нокайные псалмы»), возвышенное представленіе о мощи и любви божества, которое непрестанно учитъ и направляетъ людей во всѣхъ дѣлахъ,—все это сливается въ такую мощную картину, которая не разъ у пораженнаго наблюдателя исторгала восторженное «ex oriente lux!» («съ Востока свѣтъ!»); все это знаменуютъ такую культурную силу, предъ которой намъ, людямъ ХХ вѣка, приходится благоговѣть, тѣмъ болѣе, что мы съ нею связаны тысячью нитей.

Впрочемъ, всѣ эти факты теперь настолько установлены, что Деличъ и не ждалъ какихъ-либо возраженій. Но Деличъ пошелъ дальше: онъ привелъ цѣлый рядъ древне-вавилонскихъ сказаній о сотвореніи міра и человѣка, о лишеніи человѣка безпечальнаго житія въ райскихъ садахъ, о десяти пра-царяхъ, объ уничтоженіи человѣческаго рода, за исключеніемъ одной семьи, великимъ потомъ — сказаній, въ которыхъ, по его мнѣнію, «соотвѣтствующіе библейскіе рассказы являются въ болѣе первичномъ и непосредственномъ видѣ». Значеніе такого поразительнаго сопоставленія и совпаденія, конечно, громадно, но и здѣсь Деличъ не могъ ожидать серьезныхъ нападокъ, ибо и это, какъ мы увидимъ, было *давно извѣстно*.

Но Деличъ пошелъ еще дальше: онъ указалъ, что еврейское имя Бога въ Библии—*Jahve*— не разъ встрѣчается въ клинописи, что это имя есть названіе не только высшаго, но и единаго Бога, что «просвѣщенные умы въ Вавилонѣ давнымъ-давно уже учили, учили открыто, что *Nergal* и *Nebo*—боги луны и солнца, богъ грома *Ramman* и всѣ остальные боги сливаются во-едино въ *Мардукъ* (библейскій Меродахъ), богъ свѣта»; итакъ, великій принципъ монотеизма впервые былъ провозглашенъ въ Вавилонѣ.

Это было ново, и по поводу этого *послѣдняго* заявленія и завязался споръ, въ теченіе котораго слишкомъ усердные противники старались, кстати, умалить и уничтожить значительность и *вѣсъ* остальныхъ указаній Делича. Споръ страшно затянулся; но самая эта продолжительность, а еще болѣе безрезультатность спора въ высшей степени инструктивны; въ самомъ дѣлѣ, указанія Делича отнюдь не являются его монополей, свобода изслѣдованія и слова ничѣмъ не ограничены; очевидно, тутъ были какія-нибудь *спеціальныя* причины, затянувшія споръ, сдѣлавшія его почти безнадѣжнымъ.

И дѣйствительно, это—споръ неравныхъ силъ: съ одной сто-

роны знаніе, съ другой—глубокое, но самодовольное невѣжество, съ одной стороны факты, съ другой—слова, предвзятыя теоріи, старыя традиціи. Цѣлый рядъ уважаемыхъ принципиальныхъ *противниковъ* Делича горячо жалуется на «крайнюю неподготовленность» своихъ сторонниковъ, на ихъ «косность», на то, что ихъ оружіе архаично до смѣшного: «они сражаются алебардами и фитильными ружьями» противъ «крупновскихъ орудій Делича».

Но если нельзя ужъ побѣдить, то желателенъ по крайней мѣрѣ почетный миръ. И вотъ лучшей иллюстраціей, почему обѣ стороны не могли «примириться» (возможное «примиреніе» — вотъ идеаль и наиболѣе свѣдущихъ противниковъ Делича, и его послѣдователей), можетъ послужить *характеръ* спора.

Это — споръ не только страстный, но и странный, некрасивый: нападки личнаго характера (Деличъ получилъ и рядъ угрожающихъ писемъ!), анонимная полемика въ ультра-популярной формѣ («*Babyloniens Kultur und die Weltgeschichte*» — въ формѣ переписки двухъ друзей Е. и К.) съ полнѣйшимъ извращеніемъ фактовъ¹⁾, обвиненіе въ подтасовкѣ (проф. Kittel говоритъ о «тенденціозныхъ манипуляціяхъ Делича надъ текстами») и даже поддѣлкѣ²⁾ — вотъ что поражаетъ každого читателя этихъ мелкихъ и мельчайшихъ брошюрокъ и статей. *Характеръ* нападковъ уже ясно показываетъ, что никакого «примиренія» тутъ быть не можетъ: враждующія стороны говорятъ на разныхъ языкахъ, имѣютъ даже... разные этическіе кодексы. Понятно поэтому, что ни самъ Деличъ, ни его послѣдователи почти что не отвѣчали «противникамъ» (впрочемъ, Деличъ общается въ концѣ февраля выпустить книгу³⁾, посвященную исключительно возраженіямъ критиковъ — «*Babel und Bibel. Ein Rückblick und Ausblick*»), исключая тѣхъ, которые вносили не инсинуаціи, не апеллированіе къ добрымъ патриархальнымъ чувствамъ читателей, а серьезныя научныя возраженія. Впрочемъ, *такимъ* противниковъ, въ родѣ наставровъ Keil'a, A. Jeremias'a, профессоровъ Бекольда и Буддэ, — немного, да и то «*böse Beispiele verderben gute Sitten*», какъ говорятъ нѣмцы: въ одномъ изъ примѣчаній («*Babyl.-assyrl. Keilinschriften und ihre Bedeutung für das Alte Testament*». Anm. 74) къ публичной лекціи проф. Бекольдъ счелъ

1) Къ чести противниковъ Делича нужно сказать, что они сами постарались раскрыть не только никогнито непрошеннаго коллеги, но и грубое его невѣжество.

2) Въ одномъ католическомъ журналѣ извѣщали читателей, что въ Лондонѣ, гдѣ хранится большинство клинописныхъ памятниковъ, посылается патеръ Strassmaier для снятія копій, «дабы своевременно помѣшать поддѣлкѣ».

3) Въ данное время книга уже появилась и даетъ рядъ интереснѣйшихъ добавленій и разъясненій, которыми авторъ статьи не могъ уже воспользоваться.

нужнымъ особенно подчеркнуть тотъ фактъ, что Деличъ «дважды въ теченіе 9 лѣтъ измѣнилъ свой взглядъ на одинъ изъ коренныхъ вопросовъ ассиріологіи» (курсивъ). Обвиненіе въ двукратномъ измѣненіи *научныхъ убѣжденій* (или «убѣжденій» вообще?) какъ разъ *въ области ассиріологіи* звучитъ болѣе чѣмъ странно: въ *этой* области почти что каждый день дѣлаются и могутъ быть сдѣланы такія открытія, которыя существенно измѣняютъ прежнія данныя и радикально *должны* измѣнить и прежнія возрѣнія.

Давно ли мы знали (Исаія 20, 1) *лишь имя* Саргона, теперь же накопилось такое множество данныхъ, по которымъ возможно написать дипломатически точную и подробную монографію (Н. Winckler «Keilinschriften Sargons» I, II). Ездра I, 4, 10 упоминаетъ про какого-то царя Аснафара, теперь же мы знаемъ, что это—великій Ашурбанипаль, греческій Сарданапаль, часть (20.000 таблицъ!) безцѣнной библіотеки котораго найдена и ослѣпительно освѣщаетъ такія темныя страницы восточной исторіи, о которыхъ и не дерзали мечтать. Въ 1853 г. Layard нашелъ краткую надпись, въ которой впервые упоминалось имя царя Хаммураби (приблизительно 2.250 лѣтъ до Р. Хр.); затѣмъ данныя понемногу накопились, и 1898 г. открылъ намъ поразительно интересную переписку царя, въ которой съ удивительной выпуклостью выступаетъ величавая фигура просвѣщеннаго деспота, его попеченія о гигантскихъ оросительныхъ работахъ, о колоссальныхъ запасныхъ магазинахъ на случай голода, о мелочахъ культа и деталяхъ администраціи; а 1902 г. подарилъ міру *Законникъ Хаммураби*—величественный памятникъ древней культуры, древняго правосознанія, древнѣйшей попытки уравнительной справедливости¹⁾.

1) Нѣсколько отрывковъ уже могутъ дать представленіе и объ общемъ тонѣ Законника и о намѣреніяхъ законодателя.

Вступленіе: „Привзвали меня, благочестиваго царя Хаммураби (боги) Ану и Белъ, чтобы осуществить право въ странѣ сей, чтобы уничтожить дурныхъ и злыхъ, чтобы сильный не обижалъ слабого... Когда привзвали меня (боги), я постарался вложить право и справедливость въ уста людей, создать благоденствіе подданныхъ...“

Заключеніе: „(Вотъ) законы, дарованные Хаммураби, мудрымъ царемъ, странѣ на успокоеніе и процвѣтаніе. Я Хаммураби, царь-охранитель. Отъ людей, дарованныхъ мнѣ Беломъ, управлять которыми поручилъ мнѣ Мардукъ, не отвернулся я; не замедлилъ я уготовить имъ обитель мира; неприступныя тѣснины сдѣлалъ я доступными, свѣтомъ озарилъ я ихъ... Великіе боги привзвали меня; я—пастырь благостный, мой путь—правда („мой посохъ прямой“ въ текстѣ)... Грудью своей охраняю я жителей Шумера и Аккада (Вавилоніи)... Чтобы сильный не вредилъ слабому, чтобы охранить сиротъ и вдовъ..., чтобы тяжбы разрѣшались по правдѣ, чтобы врачевался всякій вредъ, я начерталъ на этомъ камнѣ драгоценныя слова мои... Да прійдетъ каждый угнетаемый... да прочтаетъ онъ надпись, да внемлетъ онъ драгоценнымъ словамъ моимъ. Надпись откроетъ ему дѣло его, право свое узритъ онъ,

Итакъ, сокровищница знаній безпрестанно обогащается; тамъ, гдѣ прежде господствовали лишь болѣе или менѣе вѣроятныя гипотезы, властно появляются документальныя данныя, шаткія комбинаціи смѣняются положительнымъ знаніемъ. Взгляды ассиріологовъ *должны мѣняться и часто мѣняться.*

Необычайно быстрое накопленіе данныхъ, безпримѣрное расширеніе исторической сцены производитъ и на профана неотразимое впечатлѣніе, и это впечатлѣніе сыграло немаловажную роль въ полемикѣ о «Babel und Bibel». И у большой публики, и у многихъ «критиковъ», которымъ не подъ силу оказался ускоренный темпъ новыхъ открытій, получилось впечатлѣніе, что проф. Деличъ сообщаетъ что-то совершенно *новое* и рискованное, безмѣрно увлекшись своими «открытіями».

Вопроса о новизнѣ мы уже отчасти касались и выдѣлили дѣйствительно новое; сгруппируемъ лишь нѣсколько замѣчаній по этому поводу. Вавилонское сказаніе о сотвореніи міра опубликовано (H. Smith) въ 1875 г.; вавилонская легенда о потерѣ людьми безсмертія переведена (E. Nagler; найдено 1888) въ 1893 г.; цилиндръ съ изображеніемъ древа, по бокамъ котораго сидятъ двѣ фигуры, мужская и женская, а около послѣдней—змѣя, сближенъ былъ уже въ 1875 г. (H. Smith) съ библейскимъ разсказомъ о грѣхопаденіи; сказаніе о 10 пра-царяхъ до потопа извѣстно (I. Oppert) уже съ 1877 г.; вавилонское сказаніе о потопѣ извѣстно (H. Rawlinson; перевелъ H. Smith 1876) съ 1875 г.; вавилонское представленіе о грѣхѣ можно считать установленнымъ (H. Zimmern «Babyl. Busspsalmen») съ 1885 г.; легенда о древнѣйшемъ царѣ Саргонѣ I, котораго его мать вскорѣ послѣ рожденія положила въ корзинку изъ тростника, осмоленную асфальтомъ, и пустила по рѣкѣ, гдѣ нашелъ его Акки-водоносъ, который вскормилъ и пріютилъ его, пока Иштаръ, дочь повелителя неба, не склонилась милостиво къ Саргону,—эта легенда извѣстна уже (H. Smith) съ 1872 г.; «вавилонскія заповѣди» извѣстны (A. Sayce) съ 1887 г. и т. д. Но этого мало: цѣлый рядъ интересующихъ насъ вавилонскихъ мифовъ извѣстенъ уже... *почти 2.000 лѣтъ!* Около 280 г. до Р. Хр. вавилонскій жрецъ Беросъ написалъ по-гречески сочи-

сердце его да возрадуется (и да воскликнетъ онъ): Владыка Хаммураби—отецъ подданныхъ! онъ заставилъ почитать слово Мардука, онъ возвеселилъ сердце Мардука, господина своего, онъ даровалъ подданнымъ благоденствіе навѣки, онъ умиротворилъ страну сію!—О законникѣ Хаммураби возникла уже богатая литература; лучшіе *переводы*: H. Winckler 1903 (изъ собранія популярныхъ монографій „Der Alte Orient“) и Kohler und Peiser 1904.

См. напечатанную въ этой же книгѣ „Научнаго Слова“ статью И. А. Кистяковского. Ред.

неніе о своей родинѣ, интересные отрывки котораго дошли до насъ и чрезвычайно давно уже извѣстны; новѣйшія раскопки доказали полную достовѣрность рассказовъ Бероса, къ которымъ намъ придется еще вернуться.

Итакъ, почти всѣ факты, привлекаемые Деличемъ, имѣютъ весьма почтенную давность, и полное ихъ незнаніе удивительно уже потому, что въ Германіи существуетъ (съ 1889 г.) и пользуется заслуженной извѣстностью «Клинописная Библиотека» (т. VI, о вавилонскихъ мифахъ, особенно интересенъ), дающая тексты не только въ транскрипціи, но и *въ переводѣ*.

Деличъ, такимъ образомъ, талантливо соединилъ въ своихъ лекціяхъ лишь давно извѣстное, и съ компетентной стороны (проф. С. Bezold) ему былъ сдѣланъ даже упрекъ, что популярное изложеніе старыхъ истинъ наврядъ ли уместно въ засѣданіи ученаго общества, каковымъ является «Deutsche Orientgesellschaft». Но иначе было сужденіе большой публики и цѣлаго ряда лицъ, считавшихъ себя призванными «охранить народъ отъ губельнаго вліянія Вавилона, вѣчнаго противника Истины» (F. Kaulen), отъ опаснаго ¹⁾ увлеченія «панвавилонизмомъ».

Отношеніе большой публики къ вопросу въ данномъ случаѣ не менѣе важно, чѣмъ и самая сущность вопроса; только знаніе деталей спора, его атмосферы, можетъ подготовить болѣе или менѣе объективное сужденіе; вотъ почему я позволилъ себѣ утомить вниманіе читателя краткимъ изложеніемъ *характера* спора.

Впрочемъ, приходится сдѣлать еще нѣсколько оговорокъ. Деличу дѣлали (напр., императоръ Вильгельмъ) еще и другой упрекъ: онъ не долженъ былъ выносить на судъ публики факты шаткіе, *не рѣшенные* еще наукой, являющіеся пока лишь общими гипотезами или личными его догадками. Таковымъ является, по мнѣнію большинства, его указаніе на «вавилонскій монотеизмъ, поддерживаемое главнымъ образомъ чтеніемъ и толкованіемъ имени божества («Ja-ve ilu» — «Яхвэ—богъ» какъ *собственное* имя) на трехъ глиняныхъ табличкахъ, между тѣмъ какъ *самое чтеніе* является здѣсь затруднительнымъ и спорнымъ. Возраженіе это, какъ видно, чисто научнаго характера, и, казалось бы, дилетанты и совсѣмъ не посвященные не могутъ участвовать въ «рѣшеніи» этой проблемы. На самомъ дѣлѣ получилось обратное: отъ Делича «требовали» (Jensen), чтобы онъ, «лишившій Израиль славнѣйшаго дѣла», доказалъ свое положеніе «ясно и просто». Это «ясно и просто» въ

¹⁾ С. Walter „Babel, Bibel und—Bebel. Ein religions- und geschichts-philosophischer Rückblick und Ausblick“. 1903.

труднѣйшемъ и далеко еще не ясномъ вопросѣ характерно для отношенія противниковъ Делича—у нихъ все «ясно и просто»; отсюда поспѣшные выводы, «ясныя какъ Божій день» толкованія, пестрая смѣсь чужого знанія и собственнаго незнанія, отважныя открытїя давно извѣстнаго, немотивированное отбрасываніе всего затруднительнаго. Но справедливость требуетъ указать, что такое же пагубное «ясно и просто» замѣчается и у «сторонниковъ» Делича: рискованныя утвержденія Винклера («Abraham als Babylonier, Joseph als Ägypter» 1903), остроумныя, но схоластически изощренныя комбинаціи Фальба («Babel, Bibel und Ja» 1903) дали лишь новый и не совсѣмъ невѣрный поводъ для дальнѣйшихъ нападокъ и сильно затемнили и усложняли и безъ того темный и сложный вопросъ.

А между тѣмъ въ пылу битвы совсѣмъ незамѣченнымъ осталось одно важное указаніе самого Делича (I p. 72), которое въ значительной степени лишаетъ «горечи и яда» его заявленіе о «вавилонскомъ» монотеизмѣ: «монотеистическое представленіе божества присуще было *не коренному* вавилонскому населенію, а тѣмъ позднѣе (около 2500 г.) приселившимся сѣверно-семитическимъ народамъ», вѣтвью которыхъ являются и позднѣйшіе евреи. Громадное значеніе этого незамѣченнаго заявленія станетъ яснымъ, когда намъ придется коснуться причинъ поразительнаго, хотя и не дословнаго, сходства нѣкоторыхъ вавилонскихъ сказаній и еврейской традиціи.

Обратимся теперь къ вопросу по существу, съ необходимыми однако ограниченїями. Вопросъ о Babel und Bibel имѣетъ двѣ стороны: ассириологическую или историко-культурную, гдѣ почти все ясно и извѣстно, во всякомъ случаѣ доказуемо, и теологическую—самую спорную, обставленную пока еще очень недостаточными аргументами. Обѣ столь несходныя стороны постоянно смѣшивались, вѣрнѣе существованіе *двухъ* сторонъ рѣдко кѣмъ понималось, отчего и произошли тѣ безплодныя словопренія, которымъ, кажется, не будетъ конца. Во избѣжаніе той же ошибки намъ и придется остановиться *лишь на одной* изъ этихъ сторонъ, и мы выберемъ наиболѣе достовѣрное, хотя и менѣе сенсаціонное; мы рассмотримъ вопросъ *лишь съ культурно-исторической* стороны, ограничивая притомъ свое разсмотрѣніе тремя характерными сопоставленїями.

Жрецъ Берось, по словамъ Евсевія, сообщаетъ: Было время, когда все было мракъ и вода, и въ этомъ хаосѣ самопроизвольно зарождались существа странной формы; надъ всѣми ими господствовала женщина *Thamte*, т.-е. море, по имени; и явился тутъ богъ Балъ и разсѣлъ жену ту надвое, и изъ одной половины сдѣ-

далъ землю, изъ другой—море; а существа подвластныхъ ей уничтожилъ... И увидѣлъ Бѣлъ, что земля не населена, и повелѣлъ отсѣчь одному изъ боговъ голову и смѣшавъ кровь его съ прахомъ, создалъ человѣка и звѣрей; создалъ Бѣлъ также свѣтила—солнце и луну и пять планетъ.

Такъ повѣствуетъ Беросъ, который въ качествѣ жреца долженъ былъ хорошо знать клинописныя записи родной страны. Теперь извѣстенъ намъ и *оригиналъ* его пересказа: безцѣнная библіотека Ашурбанипала сохранила на 7 таблицахъ въ почти 1000 строкахъ поэму о сотвореніи міра.

Тогда, когда вышнее небо было еще безымянно
И земля внизу не получила названья,
Когда одинъ лишь Arsu первоначальный
И Мумми-Tiamat, великая праматерь,
Смѣшивали въ-одно безбрежныя воды...
Тогда появились [первые боги].

Между этими богами и Arsu съ Tiamat возникаютъ раздоры; Arsu побѣжденъ, но Tiamat хитростью склоняетъ часть боговъ въ свою сторону и, кромѣ того, создаетъ страшное чудовище. Боги не дерзаютъ идти противъ Tiamatъ и чудовища; одинъ лишь Мардукъ соглашается на бой, но съ условіемъ, чтобъ его признали царемъ вселенной. Боги согласны:

Мардукъ, великая честь тебѣ ● между богами...
Съ этого времени слово твое пусть властвуетъ,
Возвеличь, низвергай— великіе крѣпко твое!
Пусть оружье твое побѣдитъ, врага поразитъ!
Кто жъ на тебя положится, ты пощади!
Если жъ кто изъ боговъ недоброе мыслить, ты уничтожь!

Мардукъ проявляетъ свою силу въ чудѣ: одежда по его слову то исчезаетъ, то вновь появляется. Пораженные и обрадованные боги славословятъ мощь Мардука:

Уничтоженіе и созданіе въ волѣ твоей!

и преклоняются предъ нимъ:

Мардукъ, будь намъ царемъ!

Затѣмъ боги приносятъ ему скипетръ, тронъ, но и оружіе для борьбы съ Tiamatъ. Далѣе съ эпической тщательностью разсказывается, какъ Мардукъ снаряжается на бой лукомъ и стрѣлами, мечомъ и сѣтью, какъ онъ восходитъ на свою боевую колесницу, какъ онъ встрѣчается съ Tiamatъ, какъ онъ вызываетъ ее на бой. Мардукъ пронзилъ Tiamatъ, побѣдилъ, но помиловалъ ея помощни-

ковъ; затѣмъ онъ возвращается къ тѣлу Тіаматъ и разсѣкаетъ его на двѣ части:

Изъ половины одной сводъ небесный онъ создалъ,
И задвинулъ засовы, и сторожей поставилъ,
И выпускать запретилъ небесныя воды.

Затѣмъ идетъ подробнѣйшій разсказъ о созданіи свѣтилъ съ точнымъ указаніемъ ихъ назначенія. Этимъ кончается, къ сожалѣнію, сохранившаяся часть вавилонскаго эпоса; все остальное—созданіе суши, растений, животныхъ—сохранилось лишь въ видѣ мелкихъ отрывковъ, а въ 1902 г., въ числѣ другихъ находокъ, найденъ и отрывокъ о «созданіи человѣка изъ крови и кости, чтобъ онъ населилъ землю и служилъ богамъ».

Таково вавилонское сказаніе. Ясно на первый взглядъ, какъ много сходнаго, но еще болѣе несходнаго съ библейскимъ разсказомъ. Несходно, прежде всего, представленіе о верховномъ существѣ: въ вавилонской поэмѣ и Мардукъ, и всѣ остальные боги слишкомъ антропоморфны, слишкомъ много у нихъ человѣческихъ чертъ—вплоть до безсилія и отчаянія, вытекающаго изъ этого безсилія; несходенъ также и общій характеръ сказаній: вавилонская поэма даетъ рядъ фантастическихъ, но все же простыхъ, почти наивныхъ картинъ, происхожденіе которыхъ, повидимому,—чисто-народное творчество, образное, но грубоватое, узкое и непослѣдовательное; повѣствованіе же Библии поражаетъ своею величавостью, цѣльностью, выдержанностью и точною сжатостью. Но и у евреевъ были *народныя* космогоническія сказанія, возникшія еще въ то отдаленное время, когда евреи кочевали въ Аравійской пустынѣ. Отрывки этого чисто-народнаго творчества сохранились и въ позднѣйшей литературѣ, и часто разсказу о сотвореніи вселенной предшествуетъ воспоминаніе о борьбѣ Jahve съ чудовищнымъ Левиаваномъ, Раавомъ, Дракономъ (Ездры I, 6, 52; Іова 26, 12, 13; Псаломъ 73, 13—17, 88, 10—13).

Исаія 51, 9—10:

Возстань, возстань, облекись крѣпостью, мышца Господня!
Возстань какъ въ дни древніе, въ роды давніе!
Не ты ли сразила Раава и поразила Дракона.
Не ты ли засушила море, воды великой бездны (*tehom*).

Перейдемъ ко второму сопоставленію. Въ 1888 г. около египетской деревушки Tell-el-Amarna, въ развалинахъ дворца фараона Аменофиса IV, найдено было приблизительно 300 таблицъ, относящихся большей частью къ 1500 г. до Р. Х.. Таблицы изъ Tell-el-Amarna (Н. Winckler въ V т. «Keilinschriftliche Bibliothek» даль

превосходный нѣмецкій переводъ), къ которымъ намъ еще придется возвращаться, содержатъ между прочимъ и слѣдующее любопытное вавилонское сказаніе. Адапа, сынъ бога моря Эа, счастливый и исполненный всякой мудростью, живетъ въ Eridu, святилищѣ бога Эа, у устья Евфрата и Тигра; свой досугъ онъ проводитъ на морѣ, ловя рыбу; однажды на морѣ Южный Вѣтеръ опрокинулъ его лодку, и Адапа въ отместку сломалъ Вѣтру крылья, такъ что семь дней тотъ не могъ исполнять своихъ обязанностей; объ этомъ узналъ Ану, богъ неба, и велѣлъ позвать къ себѣ Адапу; Эа получаетъ своего любимца, какъ ему держать отвѣтъ предъ Ану: «Когда ты предстанешь предъ Ану, дадутъ тебѣ пищу смерти—не ѣшь ее! воду смерти дадутъ тебѣ—не пей ее!» На небѣ Адапа такъ и поступаетъ; но ему дали пищу и питье жизни, а не смерти; своимъ отказомъ онъ лишился вѣчной жизни. «О, Адапа, почему ты не пилъ, почему не ѣлъ ты,—воскликаетъ Ану,—теперь и жить ты не будешь вѣчно! Возьмите, сведите его на землю его!»

Конечно, этотъ мифъ имѣетъ лишь очень отдаленное сходство съ рассказомъ о грѣхопадѣніи. Правда, и въ Библии упоминается про «дерево жизни», которое играетъ не меньшую роль ¹⁾, чѣмъ «дерево познанія добра и зла»; и здѣсь встрѣчается запрещеніе («не ѣшь... смертию умрешь») и столь же роковое по своимъ послѣдствіямъ противоположное толкованіе («нѣтъ, не умрете»); но весь характеръ рассказа совершенно иной—въ вавилонскомъ мифѣ нѣтъ и намека на возвышенное пониманіе отношеній человѣка къ божеству; наконецъ, вавилонскій мифъ нигдѣ не указываетъ, чтобы Адапа былъ *первымъ* человѣкомъ.

Много шума надѣлалъ также вавилонскій цилиндръ, гдѣ изображено дерево съ плодами, по бокамъ котораго сидятъ мужчина и женщина, протягивая руки къ плодамъ; около женщины видна волнообразная линія, во многомъ напоминающая змѣю. Уже въ 1875 г. Н. Smith («Chaldean account of Genesis») видѣлъ въ данной сценѣ изображеніе грѣхопадѣнія, и съ тѣхъ поръ это объясненіе повторялось множество разъ; но оно встрѣтило и серьезные возраженія: одни, указывая на рога у мужчины (рога—вавил. эмблема силы), не безъ основанія видѣли въ немъ бога, а во всей композиціи—аллегорію поученія богомъ людей, другіе указывали еще на то, что «змѣя»—просто *линія*, раздѣляющая (въ несовершенной формѣ, какъ это часто встрѣчается на вавилонскихъ ци-

¹⁾ Бытія 3,22: „И сказалъ Господь Богъ: вотъ Адамъ сталъ какъ одинъ изъ насъ, зная добро и зло; и теперь какъ бы не простеръ онъ руки своей, и не взялъ также отъ дерева жизни, и не вкусилъ, и не сталъ жить вѣчно“

линдрахъ) поверхность цилиндра на двое. Приводились и другіе аргументы, и какъ наиболѣе вѣскій тотъ, что до сихъ поръ *нѣтъ ни одного клинописнаго извѣстія*, указывающаго на существованіе у вавилонянъ аналогичнаго разсказа о грѣхонаденіи.

Перейдемъ къ третьему сопоставленію—сказанію о потопѣ, которое особенно интересно уже потому, что подобныя же сказанія извѣстны намъ не только у грековъ и римлянъ, но и у китайцевъ, индійцевъ и даже на нѣкоторыхъ островахъ Тихаго океана. Вавилонское сказаніе найдено въ 1854 г. (прочитано лишь въ 1872 г., переведено 1875) на глиняныхъ дощечкахъ той же библіотеки Ашурбанипала. Сказаніе о потопѣ является частью большой поэмы о героѣ Издубарѣ, «великомъ стрѣлкѣ и звѣроловѣ», котораго полюбила сама Астарта. Издубаръ не раздѣлялъ чувства Астарты, и разгнѣванная богиня стала преслѣдовать его и убивать его друзей, такъ что «и въ безстрашнаго страхъ смерти вселился». И отправился тогда Издубаръ искать своего предка, блаженнаго Гасисадру («*Hasis-adra*»; другое чтеніе «*Adra-hasis*»), послѣдняго изъ десяти допотопныхъ царей, чтобъ узнать отъ него, какъ и когда ему даровано было безсмертіе. Послѣ гѣлаго ряда опасностей и приключеній Издубаръ приходитъ «къ водамъ, которыя отдѣляютъ жилище блаженныхъ отъ смертныхъ», гдѣ и встрѣчаетъ Гасисадру. Разсказъ Гасисадры сводится къ слѣдующему.

Боги, особенно Бэль, рѣшили истребить человѣковъ потопленіемъ за ихъ грѣхи; но богъ Эа, «мыслитель между богами», какъ называетъ его клинопись, захотѣлъ спасти одного изъ людей—Гасисадру изъ города Шуриппака; онъ ему является во снѣ, общается рѣшеніе боговъ и даетъ совѣты.

Возстань, о мужъ изъ Шуриппака, построй корабль!
Оставь имѣніе свое, ищи лишь жизнь! ¹⁾
Брось все имущество, жизнь лишь спасай!
Возьми съ собою всякой плоти въ корабль!
Корабль же построй себѣ по точнымъ мѣрамъ!

Гасисадра построилъ надлежащій корабль съ множествомъ отдѣленій, осмолилъ его смолою внутри и снаружи, ввелъ туда всякихъ животныхъ и, наконецъ, вошелъ самъ съ семьей и родней и затворилъ дверь.

Начался потопъ. Великая темнота покрыла землю, разверзлись хляби небесныя, поднялись воды земныя. «Земля, полная блеска, превратилась въ пустыню». Началась бѣда великая, люди топили

¹⁾ Въ повѣи Гасисадры поэтому называется также „*Utnarischtim*“—„онъ нашелъ жизнь“.

другъ друга, хватаясь за послѣдній выступъ, «братъ не видѣлъ брата»; все обратилось въ море, и «трупы плавали какъ деревья». Даже на боговъ нашель ужась, и они спасаются на высшее небо, къ Ану. Шестъ дней и ночей свирѣпствовали стихіи, на седьмой наступило затишье. Открываетъ Гасисадра окно.

Преклоняетъ колѣна и съ плачемъ садится.
Горькія слезы катятся по щекамъ.

Но показывается земля; корабль останавливается на горѣ Нисирь. «Шестъ дней я ждалъ,—разсказываетъ Гасисадра,—а на седьмой

Я голубя схватилъ и выпустилъ.
И голубь мой то отлеталъ, то прилеталъ,
Но, не нашедши мѣста, возвратился.
Затѣмъ я ласточку схватилъ и выпустилъ.
То отлетала ласточка, то прилетала,
И, не нашедши мѣста, возвратилась.
Схватилъ тогда я ворона и выпустилъ.
Онъ отлетѣлъ, увидѣлъ убыль водъ,
Сѣлъ, ѣлъ, прокаркалъ, но... не возвратился».

Тогда Гасисадра выпустилъ всѣхъ, кто былъ на кораблѣ, и принесъ жертву, «сладкій запахъ которой приятенъ былъ богамъ». Даже Балъ, разгнѣванный неполнымъ уничтоженіемъ рода людскаго, смилостивился и обѣщалъ, что больше потопа не будетъ, что безбожныхъ онъ впредь будетъ карать и уничтожать «голодомъ, звѣрями дикими и язвой моровой»; обѣщаніе это Гасисадра слышитъ во снѣ. Затѣмъ Балъ спускается къ кораблю, благословляетъ Гасисадру и его жену, даруя имъ безсмертіе:

Доселѣ былъ ты, Гасисадра, смертнымъ;
Отнынѣ будешь равенъ ты богамъ!
Пусть Гасисадра впредь живетъ у устья
Великихъ водъ!

Здѣсь, въ странѣ блаженныхъ, и встрѣчаетъ Гасисадру его потомокъ, здѣсь Издубаръ и слышитъ разсказъ о потопѣ.

Сказаніе вавилонянъ о потопѣ въ главныхъ чертахъ уже давно было извѣстно изъ отрывка жреца Бероса. Беросъ расходится съ клинописнымъ эпосомъ лишь въ нѣкоторыхъ мелочахъ; онъ точнѣе опредѣляетъ размѣры корабля (5 стадій въ длину, 2—въ ширину), особенно выдвигаетъ, кромѣ Ксисутра (греческая передача имени *Hasisadra*), еще «кормчаго», нѣсколько иначе передаетъ заключительную сцену: Ксисутръ, его жена и кормчій послѣ жертвы возносятся на небо, а оставшіеся слышать голосъ, который повелѣ-

ваает имъ быть благочестивыми и возвратиться въ Вавилонъ, открывая при этомъ, что они теперь находятся въ *Арменіи*.

Какъ видно, сходство вавилонскаго разсказа съ еврейскою традиціею поразительно и не можетъ не броситься въ глаза. Поэтому теперь и удобнѣе всего поставить вопросъ, который такъ волнуетъ западное общество: какъ *объяснить* такое сходство?

Уже а ргіогі можно допустить лишь три объясненія: либо еврейскія сказанія повліяли на вавилонскія, либо, наоборотъ, вавилонскія на еврейскія, либо и тѣ и другія имѣютъ *общее* происхожденіе.

Когда неизвѣстенъ былъ клинописный разсказъ и знали лишь передачу Бероса, вопросъ рѣшался чрезвычайно просто: Берось (какъ и вавилоняне вообще) черпалъ изъ *еврейскихъ* источниковъ — ясное доказательство великой культурной миссіи маленькаго еврейскаго народа. Такое рѣшеніе сильно подкупало уже своей простотой и какъ нельзя больше гармонировало съ общепризнаннымъ упрощеннымъ представленіемъ объ исторіи Востока, какъ исторіи «библейскихъ народовъ» поскольку они соприкасались съ центральнымъ избраннымъ еврейскимъ народомъ.

Столь простое рѣшеніе вопроса о поразительномъ сходствѣ не сразу поколебалось и *послѣ* находки клинописной бібліотеки царя Ашурбанипала. Характерно, напримѣръ, отношеніе такого выдающагося историка какъ Леопольдъ фонъ Ранке. Этотъ «Altmeister der Geschichte», какъ любятъ его называть нѣмцы, человѣкъ чрезвычайно широкихъ и разностороннихъ интересовъ, не могъ не откликнуться на удивительныя данныя раскопокъ и посвятилъ этюдъ сказанію о потопѣ («Werke» В. LI). Анализируя вавилонскія, еврейскія, греческія и римскія сказанія о потопѣ, Ранке приходитъ къ выводу, что у всѣхъ этихъ народовъ возникли свои вполнѣ оригинальныя и независимыя другъ отъ друга преданія; *всѣ* сказанія въ своей первичной формѣ имѣютъ поэтому безусловно *мѣстный* колоритъ. *Универсальное* значеніе потопа впервые выступаетъ лишь у вавилонянъ и евреевъ, притомъ обѣ традиціи имѣютъ настолько много общаго, что вопросъ объ ихъ взаимоотношеніи необходимъ. Ранке и склоняется къ тому мнѣнію, что приоритетъ *еврейскаго* разсказа неоспоримъ, хотя бы уже «по общему правилу, что болѣе простое должно быть и болѣе раннимъ». Итакъ, первоначальный еврейскій разсказъ повліялъ на туземное вавилонское преданіе и измѣнилъ его; неравномѣрнымъ вліяніемъ двухъ элементовъ легко объясняются и почти дословныя совпаденія въ обоихъ разсказахъ и глубокое ихъ несходство; относительно *времени* вліянія Ранке полагаетъ, что было бы «не такъ уже абсурдно» предположеніе, что евреи въ эпоху «вавилонскаго плѣна» повліяли на своихъ побѣдителей.

Сходно съ Ранке думали и многие. Но вотъ въ 1888 г. произошли раскопки въ Tell-el-Amarna. Найдено было лишь около 300 клинописныхъ таблицъ, но значеніе этой находки громадно. Найдки эти показали, что около 1500 г. до Р. Хр. «на всей землѣ былъ одинъ языкъ и одно нарѣчіе» (Бытія 11,1), языкъ — *авилонскій*. Языкъ этотъ употреблялся не только при дипломатическихъ сношеніяхъ того времени (С. Niebuhr «Amarna-Zeit»; изъ серіи Der Alte Orient 1900), но, что неизмѣримо важнѣе, онъ дѣятельно *изучался* по памятникамъ вавилонской литературы: по крайней мѣрѣ таблица, содержащая извѣстный намъ рассказъ объ Адапѣ, испещрена массой памятныхъ помѣтокъ красными чернилами—клинопись трудно давалась египетскому ученику.

Уже это наблюденіе — широкое распространеніе вавилонскихъ легендъ, вавилонской культуры по *всему* Востоку во вторую половину второго тысячелѣтія—должно существенно измѣнить проблему. Но вотъ въ Tell-el-Amarna найдена была также таблица съ рассказомъ о *потопѣ*, написанная *около 2100 г.* до Р. Хр.; такимъ образомъ, самое время написанія опровергаетъ уже всякую возможность вліянія еврейской традиціи.

Послѣ находки въ Tell-el-Amarna тезисъ Ранке о приоритетѣ и вліяніи еврейской традиціи нельзя уже было поддерживать и, естественно, была выставлена обратная гипотеза о вліяніи *авилонскихъ* сказаній,—гипотеза, разросшаяся понемногу въ неистовую борьбу изъ-за «Babel und Bibel». Много вѣскаго было сказано въ пользу этой теоріи, а впечатлѣніе ея правоты у большой публики усиливалось еще рѣзкими, къ дѣлу не относящимися нападками «противниковъ»: заключеніе—ты сердисься, значитъ ты неправъ—напрашивалось неоднократно.

Но и эта вторая гипотеза о вліяніи Babel на Bibel далеко не безупречна. Сколько бы ни приводили примѣровъ точнаго или болѣе отдаленнаго сходства фабулы и даже текста рассказовъ, остается одно серьезное, непреодолимое затрудненіе: какъ и когда евреи могли перенять эти вавилонскія сказанія, какъ и когда они ихъ очистили не только отъ политеистическихъ, но и вообще отъ специфически вавилонскихъ элементовъ? Совершенно невѣроятна догадка, чтобы евреи переняли что-либо у вавилонянъ въ эпоху «авилонскаго плѣна»; евреи, поклонники Единого, не могли въ *это* время, когда ихъ исключительность и замкнутость вполнѣ уже сформировались, перенять что-либо у «язычниковъ» и «поработителей». Приходится поэтому отодвинуть возможную филиацію въ *очень* отдаленное время, когда сыны Израиля еще кочевали въ пустыняхъ Аравіи, приходится допустить *очень много* вѣковъ для рели-

гювшой эволюціи отъ многобожія къ монотеизму. Хронологія, хотя бы и приближительная, совершенно невозможна; мы имѣемъ теперь (послѣ Tell-el-Amarna) нѣсколько надежныхъ датъ относительно *авилонскихъ* сказаній, но относительно еврейской традиціи ихъ у насъ нѣтъ.

Въ *такомъ* видѣ вторая гипотеза приближается и почти сливается уже съ третьей: сходство вавилонскихъ и еврейскихъ сказаній объясняется не обоюднымъ заимствованіемъ, а общей зависимостью отъ одного и того же источника — пра-семитическихъ мифовъ. Подробности этой третьей, пра-семитической, теоріи, за которую высказывается теперь цѣлый рядъ ассириологовъ, къ которой, повидимому, склоняется и самъ Деличъ, не стану утомлять читателя, тѣмъ болѣе что этотъ вопросъ обставленъ пока еще слишкомъ специально и не поддается болѣе или менѣе общей, недетализированной передачѣ.

Сообщу въ заключеніе лишь о докладѣ 18 (5) іюля 1903 г. капитана Меркера въ Берлинскомъ Антропологическомъ Обществѣ, который, можно сказать, ошеломилъ всѣхъ неожиданностью, почти парадоксальностью, результатовъ. Меркеръ, въ качествѣ капитана колоніальныхъ войскъ въ нѣмецкой Восточной Африкѣ, имѣлъ возможность въ теченіе 8 лѣтъ изучать фольклоръ туземныхъ племенъ, главнымъ образомъ массаевъ, народа *семитической* расы. Въ докладѣ отъ 18 іюля онъ и сообщилъ удивительные результаты своихъ многолѣтнихъ наблюденій надъ религіозными воззрѣніями массаевъ.

Уже сравнительно давно извѣстно (Fischer «Das Massailand» 1885. Baumann «Durch Massailand zur Nilquelle» 1894), что массаи рѣзко отличаются отъ своихъ сосѣдей-фетишистовъ возвышеннымъ представленіемъ о Божествѣ. Меркеръ указываетъ, что массаи—безусловные монотеисты; ихъ богъ—Ngai—безтѣлесный духъ, вѣчный, всеильный, всезнающій, котораго можно лишь мыслить, а не изображать (всякія изображенія запрещены); отъ Ngai все зависитъ и происходитъ, все возвращается къ нему; «Божья воля», «Богъ вѣдаетъ», «Богъ-податель всякаго добра»—вотъ обычныя восклицанія массаевъ; себя массаи считаютъ избраннымъ народомъ, имъ надлежитъ покорить всѣ народы, и это свое право они выражаютъ пока въ постоянныхъ набѣгахъ на сосѣдей—«если elmeg («не знающіе Бога») не отдадутъ намъ добровольно нашъ (т.-е. свой!) скотъ, то силой приходится его брать».

Совершенно неизвѣстны зато были религіозныя преданія массаевъ, сообщаемыя Меркеромъ.—Сначала земля представляла изъ себя темную пустыню (Бытія 1,2: «земля же была безвидна и пуста»), въ ней жилъ драконъ, препятствовавшій заселенію этой

пустыни животными и людьми; Ngai убилъ дракона, кровь котораго оросила и оплодотворила пустыню; затѣмъ Ngai сотворилъ солнце, луну и звѣзды, растенія и животныхъ, а, наконецъ, и людей: мужчину—Maitumbe—свелъ онъ съ неба, женщина—Naitogab вышла изъ нѣдръ земли.

Не менѣе поразительно сказаніе массаевъ о дальнѣйшей судьбѣ первыхъ людей. Поселились они тамъ, гдѣ кровь дракона обильнѣе всего смочила землю, гдѣ возникла наиболѣе роскошная растительность; жили они безпечно, пользуясь дарами природы, и Ngai запретилъ имъ питаться плодами одного лишь дерева; змѣя обольстила жену съѣсть плодовъ, чтобы стать равными Богу ¹⁾; мужъ и жена ѣли и, испугавшись, скрылись отъ Ngai; и изгналъ ихъ Ngai изъ влачнаго мѣста и поставилъ стражемъ Звѣзду Утреннюю.

Поразительно также сказаніе о страшномъ судѣ Ngai надъ человѣчествомъ; массаи—народъ экваторіальной Африки (между 35—37° вост. долг. и отъ экв. до 5° южн. шир.)—знаютъ также о потопѣ, въ которомъ *море* играетъ важную роль. Люди совершили первое убійство, и Ngai рѣшилъ ихъ истребить, оставивъ въ живыхъ лишь одного благочестиваго Tumbainot'a и его семью. Велѣлъ Ngai построить ковчегъ и запереться въ немъ съ семьей и нѣсколькими парами различныхъ животныхъ; начался потопъ, воды уничтожили все живое на землѣ, а затѣмъ медленно спали. Въ ковчегѣ же скоро насталъ недостатокъ въ припасахъ и пришлось попытаться, нельзя ли гдѣ пристать; и послалъ Tumbainot сперва голубя, но тотъ вернулся измученнымъ, нигдѣ не отдохнувъ; чрезъ нѣсколько дней послалъ онъ коршуна-стервятника, прикрѣпивъ къ хвосту его стрѣлу; вернулся и коршунъ, но безъ стрѣлы и съ вырваннымъ перомъ, признакъ того, что онъ гдѣ-то садился причѣмъ стрѣла за что-то зацѣпилась. И понявъ Tumbainot, что воды спали и, повременивъ немного, вышелъ изъ ковчега; а Ngai далъ знаменіе—четыре радуги по всѣмъ четыремъ направленіямъ—въ знакъ того, что гнѣвъ его прошелъ.

Впрочемъ, этимъ не кончаются болѣе чѣмъ поразительныя совпаденія. Меркеръ указываетъ еще цѣлый рядъ параллелей: исторію объ обманномъ присвоеніи первородства, о косноязычномъ Magini и о Musapa, учредителѣ семидневной недѣли съ субботой, днемъ отдыха—«*esubat polon*» («хорошій день»; у вавилонянъ «*šabattu*»—«тяжелый день», т. к. никакая работа не можетъ удался), о десяти заповѣдяхъ и т. п.

Таковы результаты изслѣдованій Меркера. Естественно напра-

¹⁾ Бытія 3,4,5: И сказалъ змѣй женѣ: нѣтъ, не умрете; но знаетъ Богъ, что въ день, въ который вы вкусите ихъ, откроются глаза ваши и вы будете, какъ боги, знающіе добро и зло.

пивается вопросъ: чѣмъ объяснить такое феноменальное сходство? Нѣкоторыя указанія даетъ сама традиція массаевъ, которая повѣствуетъ, что въ «далекой странѣ», т.-е. прародинѣ массаевъ, откуда они вышли, *остались* два племени—El-Eberet и Amogoi, въ которыхъ Меркеръ видитъ «евреевъ» (отъ Евера; Бытія 10,24) и аморитянъ («Ашуги» клинописныхъ памятниковъ). Но когда произошло это переселеніе? Этотъ вопросъ рѣшается Меркеромъ нѣсколько поспѣшно и недостаточно убѣдительно: по его мнѣнію, массаи могли пройти по Египту лишь тогда, когда египтяне не были еще въ силахъ воспротивиться нашествіямъ, т.-е. . . въ седьмомъ тысячелѣтіи до Р. Хр.! Подобное рѣшеніе, конечно, неудовлетворительно, хотя бы уже потому, что оно предполагаетъ совершенно невѣроятную живучесть *устной* традиціи. Но, несмотря на рядъ такихъ же промаховъ, изслѣдованія Меркера вносятъ чрезвычайно интересный и новый матеріалъ въ спорный вопросъ, и обѣщанная имъ книга ожидается съ понятнымъ нетерпѣніемъ.

Только по выходѣ *книги* можно будетъ въ достаточной мѣрѣ оцѣнить матеріалъ Меркера, при чемъ, разумѣется, было бы желательно, чтобы оцѣнка производилась лишь специалистами, чтобы люди непривычные не затемняли и не тормозили научной работы. Впрочемъ, такое желаніе наврядъ ли оправдается; уже теперь раздаются воинственные клики противъ «die Bibel aus Afrika», и Меркеръ, предвидя разныя «простѣйшія» объясненія, заявилъ уже въ своей лекціи, что возможность всякаго вліянія на массаевъ извнѣ, «особенно со стороны позднѣйшихъ миссіонеровъ», совершенно исключена, исключена не потому только, что массаи убиваютъ всякаго чужеземца, а потому, что у массаевъ нѣтъ *никакихъ* указаній на *христіанство*; странно бы, дѣйствительно, было предположить, чтобы христіанскій миссіонеръ въ центрѣ своей проповѣди ставилъ Пятикнижіе, совершенно не знакомя вновь обращаемыхъ съ истинами Евангелія.

Итакъ, новыя открытія все болѣе и болѣе расширяютъ и углубляютъ спорный вопросъ. Что не рѣшено сегодня, быть можетъ рѣшено будетъ завтра. Великая рать науки побѣдно идетъ впередъ, и желательно только, чтобы свобода ея движенія не тормозилась назойливымъ и обременительнымъ обозомъ дилетантовъ; желательно, чтобы не было мелкой зависти и злобы при каждомъ успѣхѣ, нечистойнахъ насмѣшекъ при частичныхъ неудачахъ; желательно, чтобы каждое новое приобрѣтеніе не было встрѣчено какъ безжалостное или кощунственное уничтоженіе стараго. Времена и воззрѣнія мѣняются, и для науки не существуетъ «noli me tangere»—запретнаго.

Д. Егоровъ.

Новый законодательный памятник древности.

Древний Востокъ съ его историческимъ прошлымъ, начиная съ пятидесятихъ годовъ минувшаго столѣтія, становится предметомъ серьезныхъ научныхъ изысканій. Рядъ экспедицій подъ руководствомъ французскихъ, англійскихъ, германскихъ ученыхъ ставитъ своей задачей изслѣдованіе областей древнихъ восточныхъ культуръ: Вавилона и Ассиріи. Работы этихъ экспедицій увѣнчались чрезвычайнымъ успѣхомъ. Изъ подъ песчаныхъ холмовъ, образовавшихся на мѣстахъ когда-то цвѣтущихъ городовъ, извлечены тысячи историческихъ памятниковъ, говорящихъ своими клинообразными надписями о жизни этихъ народовъ. Наиболѣе древніе изъ найденныхъ памятниковъ относятся къ 3000 годамъ до Рождества Христова. Въ нихъ древнѣйшіе правители Вавилона рассказываютъ о своихъ военныхъ успѣхахъ, о дѣлахъ внутренняго управленія, о воздвигаемыхъ ими сооруженіяхъ, объ издаваемыхъ новыхъ законахъ. Подъ вліяніемъ этихъ открытій легендарныя свѣдѣнія объ историческихъ судьбахъ Вавилона и Ассиріи уступили мѣсто трезвымъ и сухимъ историческимъ фактамъ. Вавилонъ и Ассирія перестали быть исторической сказкой, и изслѣдованіе ихъ судебъ сдѣлалось достояніемъ исторической науки.

Но какъ бы высоко ни слѣдовало цѣнить научное значеніе тѣхъ открытій, которыя даютъ возможность возстановить картину историческаго развитія Вавилона и Ассиріи, открытія эти могутъ представлять интересъ только для лицъ, специально интересующихся судьбами древняго Востока.

Между тѣмъ среди вновь открытыхъ историческихъ памятниковъ ярко выдаются тѣ изъ нихъ, значеніе которыхъ выходитъ далеко за предѣлы узкой сферы специально вавилонской или ассирійской исторіи. Эти документы имѣютъ обще-культурное, міровое значеніе. Среди нихъ, несомнѣнно, первое мѣсто должно быть отве-

дено такому интересному открытію, какъ открытіе древняго вавилонскаго законодательства — законовъ царя Гаммураби, время созданія которыхъ относится къ 2250 г. до Р. Хр. Не только историкъ, не только юристъ, но каждый, кому не чуждъ интересъ къ историческимъ судьбамъ народовъ, долженъ съ вниманіемъ остановиться на этомъ живомъ памятникѣ старины.

I.

Законы Гаммураби ¹⁾ были извлечены на свѣтъ изъ-подъ обломковъ Акрополя города Сузь въ теченіе декабря 1901, января 1902 г. французской экспедиціей, работавшей подъ руководствомъ I. de Morgan'a. Они написаны на каменной глыбѣ, которую съ обѣихъ сторонъ покрываютъ письма. На лицевой сторонѣ находится 16 косыхъ колоннъ писменъ, на обратной сторонѣ 28. Передъ письменами находится художественный рельефъ, изображающій царя Гаммураби, стоящаго въ благоговѣйной позѣ передъ трономъ, на которомъ воссѣдаетъ Богъ Солнца, сообщающій ему свои законы. Такъ въ художественной формѣ олицетворяется божественное происхождение земныхъ законовъ.

Открытый нынѣ памятникъ стоялъ первоначально въ храмѣ Бога Солнца въ Сипшарѣ. Отсюда онъ былъ перевезенъ въ Сузы, какъ военный трофей, однимъ изъ эламитскихъ завоевателей, вѣроятно, въ XII-мъ вѣкѣ до Р. Хр. Но возможно уже въ настоящее время съ увѣренностью сказать, что законы Гаммураби существовали во многихъ копияхъ въ различныхъ городахъ Вавилонской монархіи. Найденный нынѣ памятникъ свидѣтельствуетъ о другомъ экземплярѣ, который стоялъ въ Вавилонѣ; въ самихъ Сузахъ найдены обломки второго бывшаго тамъ экземпляра. Кодексъ такимъ образомъ былъ

¹⁾ См. литературу *Délégation en Perse-Memoires, publiés sous la direction de M. I. de Morgan, délégué général.*—Tome IV: *Textes Elamites-Semite, deuxième série; par V. Scheil, Paris 1902.* Hugo Winckler „*Die Gesetze Hammurabis Königs von Babylon*“, Leipzig, 1903. Johannes Ieremias „*Moses und Hammurabi*“. 2-te Auflage Leipzig 1903, Oetli „*Das Gesetz Hammurabis und die Thora Israels*“ Leipzig, 1903; Cohn „*die Gesetze Hammurabis, Rectoratsrede, Zürich 1903*“; Friedrich Delitzsch „*Babel und Bibel*“ Leipzig 1903; F. Delitzsch „*Zweiter Vortrag über Babel und Bibel*“ Stuttgart 1903; I. Kohler und F. Peiser „*Hammurabis Gesetz, Band I, Leipzig 1904*“; Dr. dav. Heintr. Müller „*die Gesetze Hammurabis und ihr Verhältnis zur mosaischen Gesetzgebung sowie zu den XII Tafeln.*“ Въ настоящее время въ извѣстіяхъ Петербургскаго Политехническаго Института печатается русскій переводъ, выполненный проф. Гусковымъ. Этимъ трудомъ мы не могли воспользоваться, такъ какъ статья наша уже раньше была закончена.

закономъ дѣйствующимъ и при томъ доступнымъ народу, во многихъ копіяхъ говорившимъ ему о его правахъ и обязанностяхъ.

Творецъ кодекса—Гаммураби—былъ шестымъ царемъ первой вавилонской династіи, жилъ за 22—23 столѣтія до Р. Хр. и правилъ своей страной 55 лѣтъ. Это, несомнѣнно, былъ выдающійся властелинъ, который много содѣйствовалъ тогдашнему величію своего народа. Тексту законовъ онъ предпосылаетъ обширное введеніе, въ которомъ съ восточной пышностью описываетъ себя и всѣ тѣ благодѣянія, какія онъ оказалъ народу. Эта «автобіографія» заканчивается слѣдующими красивыми словами: «я Гаммураби... могущественный сынъ Синмубалита, вѣчный отпрыскъ королевской власти, могущественный король, солнце Вавилона, который пролилъ свѣтъ на страну Сумеръ и Аккадъ, владыка, который заставилъ повиноваться себѣ четыре части свѣта, любимаецъ Нинна—вотъ я.

Когда Мардукъ послалъ меня править людьми и дать странѣ правовой порядокъ, я создалъ кругомъ право и справедливость и далъ подданнымъ своимъ благоденствіе».

За введеніемъ слѣдуетъ обширный и прекрасно сохранившійся текстъ. Современнымъ изслѣдователямъ удалось установить 282 самостоятельныхъ законодательныхъ постановленія, и изъ нихъ лишь 35, начиная съ 55 по 100, оказываются утерянными. Соответствующія мѣста памятника, повидимому, умышленно было уничтожены. Предполагаютъ, что завоеватель, перевезшій этотъ трофей въ Сузы, имѣлъ въ виду на мѣстѣ удаленныхъ имъ письменъ помѣстить надпись о своемъ славномъ походѣ. Такимъ образомъ, текстъ оказывается сохранившимся почти въ неприкосновенномъ видѣ.

Законы Гаммураби не представляютъ какой-либо опредѣленной системы юридическихъ нормъ. Несомнѣнно, не о системѣ думалъ законодатель, создавая свои законы, а о наиболѣе удачной регламентаціи жизненныхъ отношеній. Но тѣмъ не менѣе работа выполнена съ соблюденіемъ строгой послѣдовательности: приступивъ къ юридическому выясненію одного жизненнаго отношенія, законодатель исчерпываетъ его исполнѣ, и лишь тогда переходитъ къ нормировкѣ новаго явленія. Въ виду этого законы отличаются извѣстной стройностью, которая легко позволяетъ приложить къ нимъ масштабъ современной юридической систематики. Нормы права государственнаго, гражданскаго, уголовнаго, нормы процесса легко обособляются въ самостоятельную группу юридическихъ явленій.

Нормы права государственнаго разработаны въ кодексѣ сравнительно бѣдно, и въ этомъ вопросѣ законы Гаммураби напоминаютъ другія древнія законодательства. Однако нѣкоторыя стороны государственнаго строя нашли свое опредѣленіе въ законѣ.

Такъ, прежде всего получилъ ясное выраженіе строго монархическій строй древняго Вавилона. Уже приведенныя нами выдержки введенія свидѣтельствуютъ о безграничной власти царя—непосредственнаго посланника Божества.

Законы бросаютъ свѣтъ и на организацію какъ управленія страны, такъ и ея военныхъ силъ. Въ основаніи этой организаціи лежатъ ленныя начала, и законъ подробно рассматриваетъ отношенія, вытекающія изъ раздачи земель на правахъ лень. Такъ, если офицеръ или солдатъ, говорятъ законы (§ 28), попадутъ въ плѣнь, сынъ же ихъ окажется способнымъ къ службѣ, то лень отца переходитъ къ сыну. Но если сынъ малолѣтенъ, то $\frac{1}{2}$ -ья часть лена дается женѣ на воспитаніе дѣтей (§ 29). Здѣсь мы встрѣчаемся съ началомъ наслѣдственности лень, а также съ явленіемъ аналогичнымъ тѣмъ раздачамъ «на прожитокъ» женамъ служилыхъ людей, изъ котораго впоследствии вырабатывается ихъ право на земельные участки. Кромѣ этихъ трехъ статей, еще одиннадцать посвящены вопросу о ленныхъ отношеніяхъ. Владѣнія ленныя признаются неотчуждаемыми, онѣ не подлежатъ даже продажѣ за долги (§ 38). «Если кто-либо купить поле, садъ или домъ... ленника... то табличка о договорѣ купли разламывается, покушчикъ теряетъ свои деньги, поле же, садъ или домъ возвращаются ихъ прежнему владѣльцу» (§ 37). Права ленныя распространяются даже на движимость, наприм., скотъ, подаренный государемъ своему подданному. Скотъ въ такомъ случаѣ признается также неотчуждаемымъ (ст. 35).

Такимъ образомъ, въ законахъ Гаммураби сохраняется еще крѣпкая связь имущества, розданныхъ въ лень, съ государствомъ. Права временныхъ владѣльцевъ, получившихъ имущества «за службу», оказываются крайне ограниченными.

Такой важный вопросъ, какъ вопросъ о сословныхъ дѣленіяхъ, не находитъ достаточнаго освѣщенія въ законахъ. По этому поводу приходится согласиться съ проф. Kohler'омъ¹⁾, который высказываетъ предположеніе, что вопросъ этотъ и не нуждался въ юридической регламентаціи, такъ какъ сословныя дѣленія, коренясь въ древнихъ обычаяхъ и будучи освѣщены народнымъ сознаніемъ, предполагались общеизвѣстными. Но если законы и не говорятъ о сословныхъ градацияхъ лицъ свободныхъ, то они подробно трактуютъ о несвободной части народонаселенія: рабахъ. На рабовъ законъ смотритъ какъ на вещь: они продаются и закладываются (§ 118, 147), нарушеніе ихъ тѣлесной неприкосновенности признается поврежденіемъ имущества и ведетъ за собою для виновнаго лишь

¹⁾ Kohler, *ibid.*, стр. 106.

обязанность уплатить вознагражденіе господину. Такъ, за поврежденіе глаза или иного члена платится половина стоимости раба (§ 199). Но законы не даютъ господину права надъ жизнью раба. Въ вопросъ жизни законы Гаммураби признають за рабомъ право человѣческой личности. Они оказываются гуманѣе, чѣмъ, наприм., законы древняго Рима, дававшіе господину неограниченное право казнить своего раба.

Несравненно полнѣе, чѣмъ вопросы государственной организаціи и государственнаго порядка, разработаны въ законахъ Гаммураби отношенія гражданской жизни. Богатство гражданско-правовыхъ нормъ этого памятника, подробная разработка многихъ отдѣльныхъ институтовъ, ясный, порой чрезвычайно тонкій юридическій анализъ выдвигаютъ законы Гаммураби на первое мѣсто среди древнихъ юридическихъ памятниковъ иныхъ народовъ. Ни древніе законы Рима—законы XII таблицъ, ни германскіе *leges barbarorum*, ни наша Русская Правда не достигли той выясненности гражданско-правовыхъ понятій, какой отличаются законы Гаммураби.

Институтъ частной собственности является окончательно развитымъ. Рядомъ съ описаннымъ уже нами зависимымъ владѣніемъ недвижимостью на правахъ ленныхъ существуетъ право полной собственности на земельные участки, какъ дворовые, такъ и полевые. «Поле, садъ и домъ, говорятъ законы, которые кто-либо купилъ и которыми владѣть, онъ можетъ дать жёнѣ или дочери или отдать за свои долги» (§ 39). Купленные вотчины такимъ образомъ находятся въ неограниченной собственности своихъ владѣльцевъ.

Движимость составляетъ предметъ широкаго гражданскаго оборота. Она пользуется полной юридической защитой, и въ законахъ ясно намѣчены основныя черты этой защиты. Такъ, если кто купилъ чужую вещь, то, несмотря на то, былъ ли онъ пріобрѣтателемъ недобросовѣстнымъ или добросовѣстнымъ, онъ обязанъ выдать вещь собственнику (§ 4). За собственникомъ однимъ словомъ признается право отыскивать свою вещь, въ чьихъ бы рукахъ она ни находилась. Это право знаменуетъ собою и развитой гражданскій оборотъ, и ясное сознаніе идей частной собственности.

Но особенно ярко разработанными являются въ законахъ Гаммураби сдѣлки гражданскаго оборота.

Купля-продажа является, повидимому, повседневной сдѣлкой гражданской жизни. Законы предусматриваютъ даже многія сложныя явленія, сопровождающія куплю-продажу. Если, наприм., у покупателя купленная имъ вещь будетъ отобрана собственникомъ, покупательъ получаетъ право требовать отъ продавца уплаченную ему за вещь цѣну. Въ этомъ опредѣленіи ясно намѣчаются основ-

ныя черты того института, который подь римскимъ именемъ *evictio* служить достояніемъ современнаго гражданскаго строя. Еще болѣе яркимъ является постановленіе законовъ, аналогичное извѣстному эдикту римскихъ эдиловъ о недостаткахъ купленной вещи. «Если проданъ рабъ или рабыня,—говорятъ законы,—и въ теченіе мѣсяца послѣ продажи проявится болѣзнь, то покупатель можетъ возвратитъ ихъ продавцу, послѣдній же обязанъ выдать полученную цѣну». Достаточно припомнить, что и римскій эдиктъ былъ созданъ эдиломъ именно по поводу торговли рабами и скотомъ, чтобы еще ярче подчеркнуть сходство самостоятельнаго творчества этихъ двухъ законодательствъ.

Полное освѣщеніе получили въ законахъ и сдѣлки комиссіонной торговли. Комиссіонеръ получаетъ деньги или товары для торговли внѣ мѣста торговыхъ операций хозяина. Если операціи комиссіонера оказываются безрезультатными, онъ обязанъ возвратитъ взятый капиталъ въ двойномъ его размѣрѣ (§ 101). Если онъ потерпитъ убытки, то обязанъ возвратитъ лишь взятый капиталъ (§ 102). Но если во время пути нападуть разбойники, отнимутъ товаръ и деньги, онъ свободенъ отъ отвѣтственности (§ 103). Въ случаѣ удачной торговли комиссіонеръ долженъ отдать хозяину полный отчетъ (§ 104). Хозяинъ же обязанъ этотъ отчетъ принять и дать въ томъ расписку комиссіонеру. Пока такой расчетной расписки хозяинъ не дастъ, онъ не имѣетъ права деньги, полученныя отъ комиссіонера, смѣшать съ своими деньгами (§ 105).

Въ этихъ постановленіяхъ закона все характерно: и наличность обширной торговли, и ея юридическая регламентація, сопровождаемая отчетами, расписками о полученіи, и наконецъ подробная разработка вопроса объ отвѣтственности комиссіонера. Оказывается, что такой тонкій юридическій принципъ, какъ свобода отъ отвѣтственности при наличности непреодолимой силы (нападеніе разбойниковъ), былъ уже ясенъ законамъ Гаммураби. Римское ученіе о *vis maior* намѣчено уже древнимъ вавилонскимъ правомъ.

Въ высшей степени подробно регламентирована въ законахъ и аренда земельныхъ участковъ. Законы устанавливають два вида аренды: аренду съ платежомъ заранѣе опредѣленной платы и аренду съ платежомъ извѣстной части добытыхъ продуктовъ (§ 46). Юридическая классификація обоихъ видовъ аренды различна. Въ первомъ случаѣ рискъ всецѣло падаетъ на арендатора; даже при полномъ отсутствіи урожая арендаторъ обязанъ уплатитъ хозяину условленную плату. Во второмъ случаѣ рискъ распределяется между арендаторомъ и хозяиномъ; въ случаѣ же полнаго неурожая арендаторъ совершенно освобождается отъ платежей.

Рядомъ съ подробной регламентаціей аренды подробно предусматрѣны и другіе виды найма: наемъ животныхъ, наемъ повозокъ, кораблей, наконецъ наемъ личныхъ услугъ. Законы приводятъ при этомъ таксы получаемыхъ вознагражденій. Такъ, плата за наемъ быка равняется 20 мѣрамъ зерна (§ 268), наемъ осла—десяти мѣрамъ (§ 269), наемъ повозокъ—40 мѣрамъ; подобными же цифрами таксирована и плата сельскохозяйственнымъ рабочимъ (§ 273), ремесленникамъ (§ 274) и т. д. Всѣ эти факты лишь подчеркиваютъ высокое развитіе хозяйственной жизни. Отдѣльное хозяйство нуждается то въ наемномъ инвентарѣ, то въ наемныхъ рабочихъ рукахъ.

Съ большою тщательностью останавливаются законы и на договорѣ поклажи. Рядъ статей подробно трактуетъ объ отношеніяхъ, вытекающихъ изъ сдачи вещей на сбереженіе. Не проходятъ молчаніемъ законы и залоговыхъ отношеній, при чемъ, повидимому, наиболѣе распространенной формой залога являлся залогъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ (§ 48). Наконецъ, даже такимъ явленіямъ, какъ вопросы рѣчного судоходства, законы посвящаютъ рядъ статей (234—240), при чемъ специальное положеніе (§ 240) трактуетъ о случаяхъ аварій. Эти факты еще разъ бросаютъ яркій свѣтъ на, повидимому, широкое развитіе торговыхъ операцій.

Но регулируя сдѣлки гражданскаго оборота съ тщательностью, свойственной развитому праву, законы Гаммураби въ вопросѣ гражданско-правовой отвѣтственности стоятъ еще на точкѣ зрѣнія древняго права. По долгамъ отвѣчаетъ сама личность должника, который вмѣстѣ съ имуществомъ и вмѣстѣ съ домочадцами—женой и дѣтьми продается за долги въ кабалу. Правда, кабала устанавливается не вѣчная: черезъ три года жена и дѣти должны быть отпущены на свободу; правда и то, что долговая кабала вавилонскаго права по своей формѣ далеко отличается отъ полного безправія личности; такъ, если сынъ должника умретъ въ кабалѣ отъ побоевъ или лишеній, то за это подвергается смертной казни сынъ кредитора (§ 116). Несмотря на эти обстоятельства, смягчающія личную отвѣтственность за долги, сама по себѣ эта отвѣтственность является наиболѣе древней формой отвѣтственности, извѣстной исторіи права, и въ этомъ пунктѣ на законахъ Гаммураби лежитъ печать старины.

Впечатлѣніе нѣкотораго несоотвѣтствія постановленія законовъ объ отвѣтственности съ другими гражданско-правовыми нормами законовъ смягчаетъ та гуманность, съ которой относятся законы къ судьбѣ должника въ годы постигающаго его стихійнаго бѣдствія. «Если, говорятъ законы, кто-либо имѣетъ процентный долгъ и непогода

опустошить его поле, уничтожить жатву, или въ виду недостатка воды хлѣбъ не взойдетъ, то въ этомъ году должникъ не платитъ кредитору часть своего урожая, онъ свободенъ на этотъ годъ отъ платежа процентовъ...» (§ 48). Приходя въ данномъ случаѣ путемъ смарки процентовъ на помощь «несчастному должнику», законы проявляютъ тѣ «соціальныя идеи», къ которымъ стремятся современные законодательства.

Но ни на одномъ отношеніи частной жизни законы Гаммураби не останавливаются съ такимъ вниманіемъ, какъ на вопросахъ семьи и семейной организаціи.

Въ основаніи вавилонской семьи лежалъ принципъ моногаміи. Однако законы знаютъ и отступленіе отъ этого принципа. Такъ, въ случаяхъ тяжкой болѣзни жены мужъ можетъ взять себѣ вторую жену, но его нравственныя обязанности по отношенію къ первой не прекращаются; мужъ обязанъ оставить ее въ своемъ домѣ и заботиться о ней въ теченіе всей ея жизни (§ 148). Если же первой женѣ тяжело будетъ примириться съ такимъ положеніемъ въ родной семьѣ, она можетъ оставить домъ мужа, и мужъ обязанъ выдать ей ея приданое (§ 149). Вторую жену можетъ взять себѣ мужъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда жена ведетъ себя непристойно и даетъ основаніе къ разводу. Въ такомъ случаѣ, взявъ себѣ вторую жену, мужъ можетъ первую удержать въ домѣ въ качествѣ служанки (§ 141). Наконецъ, бесплодіе даетъ право на жену побочную. Эта жена не получаетъ всѣхъ правъ жены полноправной и занимаетъ въ семьѣ менѣе почетное мѣсто (§ 145). Однако дѣти ея признаются дѣтьми законными—полными наслѣдниками отца (§ 137). Но первая жена можетъ лишитъ мужа правъ взять себѣ жену побочную, если дастъ ему въ сожительство рабыню (§ 141). Дѣти рабыни не приобретаютъ правъ дѣтей законныхъ, только отецъ можетъ признать ихъ таковыми (§ 170). Такимъ образомъ, библейскія сказанія объ Агари, которую Сара дала Аврааму (1 кн. Моисея гл. 16), объ Валлѣ, которую дала Іакову Рахиль (1 кн. Моисея, гл. 30), стоятъ не одиноко въ исторіи древней культуры.

Формой брака являлся договоръ, при чемъ совершенію его предшествовалъ извѣстный выкупъ, который давался отцу невѣсты (§ 138, 139). Однако выкупъ этотъ игралъ не только роль платежа за жену, но и являлся гарантіей принятой сторонами обязанности заключить бракъ. Въ виду этого, если женихъ почему-либо отъ брака впоследствии отказывался, онъ терялъ право на обратное полученіе данной суммы; если же отказывался отецъ невѣсты, онъ обязанъ былъ возратить полученный выкупъ въ двойномъ размѣрѣ (§ 159, 160). Платежъ за жену, повидимому, превратился по-

степенно въ задатокъ, обезпечивающій исполненіе состоявшагося договора.

На такое развитіе выкупа указываетъ и то имущество, которое получала жена въ приданое, такъ какъ законы ясно указываютъ, что сумма приданого была обыкновенно выше выкупной цѣны (§ 164). Приданое не поступало въ собственность мужа, а находясь лишь въ его управленіи, оставалось собственностью жены; такъ, послѣ ея смерти оно переходило къ ея дѣтямъ, а въ случаѣ ея бездѣтности возвращалось обратно ея отцу (§ 163). Такой характеръ приданого устанавливалъ имущественныя отношенія, напоминающія систему имущественныхъ отношеній, установленныхъ въ новомъ германскомъ уложеніи, какъ это указалъ уже проф. Kohler¹⁾. Бракъ велъ за собою для мужа лишь право управлять имуществомъ жены и извлекать изъ него доходы, но отнюдь не устанавливалъ его права собственности, какъ это обыкновенно имѣетъ мѣсто во всѣхъ древнихъ законодательствахъ. Характерна при этомъ и отвѣтственность супруговъ предъ кредиторами, установленная законами. Отъ отвѣтственности за предбрачные долги мужа жена освобождалась только въ тѣхъ случаяхъ, если въ брачномъ договорѣ обуславливала для себя свободу отъ отвѣтственности. Мужъ же вообще за подобные долги жены не отвѣчалъ (§ 151). По обязательствамъ же, которыя возникали въ бракѣ, отвѣчали оба супруга. Въ этихъ постановленіяхъ интересна и та внимательность, съ которой останавливаются законы на такомъ институтѣ развитого права, какъ отвѣтственность супруговъ предъ кредиторами; интересно и упоминаніе о брачномъ договорѣ, который, повидимому, могъ вліять на имущественныя отношенія супруговъ. Допустимость подобнаго договора, играющаго важную роль въ современныхъ западно-европейскихъ законодательствахъ, еще выше поднимаетъ значеніе всей системы имущественныхъ отношеній между супругами, дѣйствовавшей въ Вавилонѣ во времена Гаммураби, предъ глазами современныхъ юристовъ.

Не менѣе характерны и постановленія о разводѣ. За мужемъ признается свободное право развода, что влечетъ для него лишь серьезныя имущественныя потери (§ 137). Эти потери не угрожаютъ мужу, если жена ведетъ себя въ бракѣ непристойно. Однако право развода не исключительное право мужа: оно признается и за женой при наличности серьезныхъ поводовъ, устанавливающихъ вину мужа. Такими поводами признаются отказъ со стороны мужа отъ совмѣстной жизни, умышленное оставленіе мужемъ жены, серьезное нарушеніе мужемъ его обязанностей (§ 142). Въ этихъ

¹⁾ Ibid, стр. 119.

случаяхъ жена можетъ оставить своего мужа и получаетъ право на свое имущество.

Такимъ образомъ, семья древняго Вавилона если и далека, конечно, отъ идей равноправности, то вмѣстѣ съ тѣмъ далека и отъ того полнаго поглощенія личности жены правами мужа, какое мы находимъ хотя бы въ римскомъ бракѣ *cum manu* или въ древнемъ бракѣ иныхъ народовъ. Вавилонская семья проникнута признаніемъ не только правъ жены, но и признаніемъ за нею нравственной личности. Жена не обязана терпѣть насилій мужа, она не обязана отдавать ему въ собственность свое имущество, она не обязана оставаться въ его домѣ, если въ виду тяжкой болѣзни ея мужъ возьметъ себѣ другую женщину въ жены. Отъ такого древняго памятника, какимъ являются законы Гаммураби, трудно было ожидать такого высоко - гуманнаго отношенія къ личности женщины въ бракѣ.

Совершенно иной отпечатокъ, чѣмъ нормы гражданскаго права, носятъ въ законахъ Гаммураби нормы права уголовнаго. Въ то время какъ гражданско-правовыя положенія, какъ видѣли мы, отличаются той полнотой и яркостью, какихъ мы не находимъ ни въ одномъ изъ древнихъ законодательныхъ памятниковъ, положенія уголовно-правовыя не носятъ на себѣ какихъ-либо слѣдовъ прогрессивности или оригинальности. Карательныя нормы законовъ Вавилона вполне аналогичны карательнымъ нормамъ другихъ древнихъ законодательствъ.

Такъ, основной идеей уголовнаго права древняго Вавилона является хорошо знакомая идея таліона. Наказаніе по своей формѣ и интенсивности или вполне соответствуетъ преступленію: честь за честь (§ 127), око за око (§ 196), зубъ за зубъ (§ 200), жизнь за жизнь (§ 229), или по своей формѣ является символическимъ отраженіемъ совершеннаго дѣянія: преступной кормилицѣ отрѣзывается грудь (§ 194), непочтительному приѣмному сыну вырѣзывается языкъ (§ 192), непослушному рабу отрѣзывается ухо (§ 282). Здѣсь законы Вавилона наиболѣе близко подходят къ законамъ Моисея, съ которыми неразрывно сроднился принципъ: око за око, зубъ за зубъ.

Не оригинальна и строгость законовъ Гаммураби: смертная казнь, напримѣръ, опредѣляется въ 34 случаяхъ, при чемъ въ 13 случаяхъ назначаются различные квалифицированные виды ея: сожженіе (§ 157), потопленіе (§ 155) и даже въ одномъ случаѣ распятіе на крестѣ.

Такія строгія кары постигаютъ нарушителей религіи, жизни, здоровья, собственности, семейной чистоты и нравственности... Во

всѣхъ этихъ опредѣленіяхъ нѣтъ ничего, что способно было бы выдвинуть кодексъ Гаммураби среди другихъ памятниковъ древности.

Но въ одномъ вопросѣ уголовного права законы Гаммураби удерживаютъ принципъ, который съ трудомъ мирится съ общимъ характеромъ кодекса. Это—вполнѣ архаическій принципъ семейной отвѣтственности за преступленія главы семьи. Такъ, если въ домѣ кредитора отъ дурного обращенія умереть сынъ должника, отданный въ кабалу, то смертная казнь постигаетъ сына кредитора (§ 116); если отъ побоевъ умереть женщина преждевременными родами, то смертная казнь постигаетъ дочь виновника (§ 210); если подрядчикъ виновенъ въ неправильной постройкѣ дома и домъ обрушится и задавитъ сына хозяина, то смерть постигнетъ сына подрядчика. Этими опредѣленіями своими, въ силу которыхъ дѣти умираютъ за преступленія своихъ отцовъ, законы Гаммураби вполнѣ примыкаютъ къ идеямъ наиболѣе древнихъ законодательствъ.

Таковы вкратцѣ основныя положенія этого любопытнаго памятника древности, изданнаго за 22 $\frac{1}{2}$ столѣтія до Р. Хр.

Подводя краткій итогъ этимъ положеніямъ, необходимо указать нѣкоторыя основныя, характерныя черты памятника.

Всѣ приведенныя нами постановленія кодекса Гаммураби—нормы права. Нами не приведено ни одно опредѣленіе, которое по содержанию своему не носило бы характера нормы правовой, являлось бы велѣніемъ религіи или нормой морали. И это не результатъ какого-либо спеціальнаго подбора съ нашей стороны. Законы Гаммураби, дѣйствительно, являются кодексомъ законовъ; велѣнія религіи, какъ и правила морали, остались внѣ кодификаціи. Эта черта рѣзко выдѣляетъ законы Гаммураби изъ группы другихъ законодательствъ Востока. Законы Индіи, законы Моисея при всемъ богатствѣ скрытыхъ въ нихъ юридическихъ нормъ не являются исключительно законодательными памятниками. «Право божеское»—религія и «право человѣческое»—законъ тѣсно слились въ нихъ въ единую систему. Этого нѣтъ въ законахъ Гаммураби, и эта черта приближаетъ законы Вавилона къ юнымъ законодательствамъ Запада, гдѣ, какъ, наприм., въ законахъ XII таблицъ, имѣется полная секуляризація правовыхъ нормъ.

Характеренъ и общій тонъ содержанія памятника. Въ немъ рѣзко выдѣляется извѣстное культурное несоотвѣтствіе отдѣльныхъ законодательныхъ положеній: нормъ уголовного права и нормъ права гражданскаго. Въ то время какъ уголовное право представляетъ обычныя черты древняго права, право гражданское является сравнительно развитымъ. За око платятъ окомъ, за зубъ зубомъ, за

преступленіе отца гибнетъ сынъ или дочь,—и рядомъ процвѣтаетъ обширная комиссіонная торговля, свобода отъ отвѣтственности при наличности непреодолимой силы, детальная разработка аренды, брачные договоры, извѣстная имущественная самостоятельность жены въ бракѣ и т. д., и т. д. Это, несомнѣнно, извѣстное культурное несоотвѣтствіе, которое наводитъ на нѣкоторые размышленія.

Если вѣрно, что нормы права лишь отраженіе дѣйствительной жизни, а съ этимъ едва ли возможно спорить,—то несомнѣнно въ жизненныхъ условіяхъ Вавилона слѣдуетъ искать разгадки этому явленію. И намъ кажется, что гражданско-правовыя положенія памятника разрѣшаютъ загадку, указывая на широкое развитіе торговаго оборота. Только торговля и торговый оборотъ могли поставить передъ законодателемъ и вопросы объ отвѣтственности за недостатки проданной вещи, и вопросъ объ отвѣтственности за продажу чужой вещи, и вопросы комиссіонной торговли; только торговля могла выдвинуть вопросъ рѣчного судоходства и поставить законодателя передъ случаями аваріи.

Весьма вѣроятно, что торговый характеръ Вавилона отразился и на характерѣ семьи. Торговля неминуемо должна была повести за собою ясное представленіе объ имущественныхъ цѣнностяхъ, что легко могло отразиться и на строѣ семейныхъ отношеній. Цѣнность имущества, приносимаго въ приданое, была слишкомъ ясна—а потому она не легко отдается въ собственность мужа. Жена удерживаетъ эту цѣнность за собою и заключаетъ спеціальныи договоръ о томъ, должна ли она отвѣчать за предбрачные долги своего супруга.

Но развитая торговля, поставившая передъ жизнью и законодателемъ рядъ гражданско-правовыхъ проблемъ, не въ состояніи была переработать общихъ культурныхъ представленій и понятій. Они всецѣло отпечатались на вопросахъ уголовной кары. Вавилонъ царя Гаммураби въ вопросахъ преступленія и наказанія остался стоять на принципахъ, подобающихъ его старинѣ. Здѣсь древній Вавилонъ остался древнимъ не только по лѣтописной датѣ, но и по своему духу.

И. А. Кистяковскій.

Очерки по сравнительной исторіи литературы ¹⁾).

V.

Продолженіе романа Дидоны.

Возвращаемся послѣ этихъ длинныхъ экскурсовъ къ анализу дальнѣйшихъ перипетій романа Дидоны. Припомнимъ еще разъ, что герой романа безусловно несамостоятеленъ, героиня же въ значительной степени самостоятельна. Уже одна эта разница въ положеніи героевъ, при прочихъ благопріятныхъ условіяхъ, способна, какъ мы это знаемъ изъ наблюденій надъ проходящей передъ нашими глазами жизнью и изъ всей новой литературы, сама по себѣ создать тяжелую, трагическую катастрофу. Но въ сущности и героиня застигнута врасплохъ тѣмъ, что съ ней случилось: она только начинаетъ устраиваться на новомъ мѣстѣ, подъ впечатлѣніемъ насильственной смерти мужа и опасныхъ угрозъ со стороны и своего брата Пигмаліона, и недальновиднаго, но деспотическаго царя Ливіа Гарбы, матримоніальныя претензіи котораго она отвергла. Нисколько не помышляя о новой любви, она всецѣло занята величественными замыслами создать и устроить новое и при томъ могущественное царство. Все это еще болѣе осложняетъ дѣло, и надо отдать справедливость римскому поэту, что онъ сумѣлъ сообщить очень многостороннее и высоко-трагическое освѣщеніе неожиданному роману двухъ многострадальныхъ скитальцевъ.

Мы познакомились уже съ совѣтомъ наперсницы Дидоны, сестры ея Анны, умиловить боговъ и задержать Энея въ Кареагенѣ подъ благовиднымъ предлогомъ. Дидона дѣлаетъ то и другое, но въ общемъ она совершенно растерялась, и вотъ за дѣло принимаются заинтересованныя въ немъ богини Юнона и Венера. Ихъ

¹⁾ „Научное Слово“, 1904, V.

столкновение проникнуто тончайшимъ, не сразу бросающимся въ глаза юморомъ; но какъ бы то ни было, оно заключаетъ въ себѣ и зерно трагизма, такъ какъ за героевъ, въ различной мѣрѣ самостоятельныхъ, рѣшаютъ ихъ судьбу боги, но не они сами. Сердитая и обидчивая Юнона съ сарказмомъ обращается къ Венерѣ:

„Истинно громкую славу, трофеи обильные взяли
Ты и твой отрокъ: богами великими впредь прослывете,
Вы, что едину женщину два божества обманули“.

Все-таки Юнона коварно желаетъ мира съ Венерой и предлагаетъ ей на равныхъ правахъ владѣть общимъ народомъ (т.-е. тирійцами и троянцами) подъ условіемъ брака Энея съ Дидоной. Юнона дипломатически заявляетъ при этомъ, что она согласна на то, чтобы Дидона служила Энею и чтобы тирійцы были какъ бы ея приданнымъ въ этомъ бракѣ. Хитрая и остроумная Венера хорошо знаетъ цѣну этой дипломатіи: она, по ея словамъ, не осмѣливается спорить съ Юноной; все дѣло въ рокѣ; сама она не знаетъ, согласится ли Юпитеръ соединить троянцевъ и пунійцевъ; отъ Юноны, какъ отъ его жены, зависитъ упросить его. Прямолинейная царица боговъ увѣрена въ успѣхѣ и предлагаетъ такой планъ: на слѣдующій день Эней и Дидона собираются на охоту; она пошлетъ грозу, всѣ разбѣгутся, Эней и Дидона укроются въ пещеру, и тамъ она, какъ богиня брака, соединитъ ихъ. Венера, конечно, согласна съ этимъ проектомъ, потому что въ концѣ концовъ судьба все равно приведетъ Энея въ Италію.

Далѣе идетъ описаніе приготовленій къ охотѣ и самой охоты. Мимоходомъ слѣдуетъ отмѣтить тонко-юмористическую характеристику самихъ героевъ. Интересенъ очень юный и пылкій сынъ Энея Асканій съ его порывами отличиться на охотѣ, хорошъ и самъ Эней, котораго поэтъ уподобляетъ ни болѣе ни менѣе какъ Аполлону; но и героиня обращаетъ на себя вниманіе: одѣвшись въ драгоценные восточные наряды, она предварительно заставляетъ свою свиту ждать своего выхода: «она медлитъ въ своей спальнѣ», что заставляетъ знаменитаго толкователя Вергилія Сервія Гонората замѣтить (IV, 133): «собственно, какъ влюбленная, она должна была бы поторопиться, но природа возобладала надъ страстью; она медлила изъ желанія нравиться; ср. отзывъ Теренція (о женщинахъ): «пока онѣ собираются, пока онѣ чешутся, проходитъ цѣлый годъ».

Дѣло устраивается такъ, какъ было предположено Юноной: буря, великолѣпно описанная поэтомъ, разгоняетъ охотниковъ и сводитъ Энея и Дидону въ пещерѣ; тутъ Юнона, какъ богиня брака, благословляетъ ихъ союзъ, однако при совершенно неблагоприят-

ныхъ съ римской точки зрѣнія предзнаменованіяхъ: «запылали огни и свидѣтель союза, воздухъ священный, и взвыли на высяхъ дубравныя нимфы».

Съ этого момента начинается поворотный пунктъ трагическаго романа, что отмѣтилъ и самъ поэтъ:

„Этотъ день сталъ причиною первой и смерти и прочихъ
Бѣдъ роковыхъ; не смущаясь уже ни молвой, ни приличьемъ,
Тайной любви не желаетъ имѣть Кароагена царца;
Бракомъ зоветъ, что случилось, и этимъ вину прикрываетъ“.

Именно теперь и начинаются интереснѣйшія сцены поэмы, оставшіяся почему-то мало понятными даже для такихъ крупныхъ знатоковъ Вергилія и вообще римской поэзіи, какъ Риббекъ. Вѣдь съ этой минуты герои наши принадлежатъ общественному мнѣнію, и каково бы оно ни было, оно должно освѣтить именно тѣ условія, среди которыхъ протекаетъ дѣйствіе. Уже въ силу элементарныхъ художественныхъ требованій, примѣнимыхъ къ любому роду искусства, принципъ контраста болѣе чѣмъ умѣстенъ въ серьезномъ произведеніи. Но какъ разъ въ данномъ пунктѣ поэмы Вергилія онъ примѣненъ особенно удачно. Страстную и оригинальную героиню и ея фатальнаго героя не могутъ понять окружающіе. Наперсница героини, ея родная сестра Анна, не понимаетъ ея съ самаго начала, не понимаетъ и подъ конецъ трагедіи: Дидона мучится при отъѣздѣ Энея и хочетъ покончить съ собой; несмотря на всѣ ея терзанія, Анна довольно безучастна и пассивна; ей кажется, что дѣло обойдется такъ же, какъ и по смерти Сихея, т.-е. что время исцѣлитъ эти страданія. Особенно своеобразное освѣщеніе получаетъ поведеніе Дидоны въ устахъ общественнаго мнѣнія, олицетворенной молвы, которая изображена въ видѣ чудовища, съ одинаковымъ удовольствіемъ разглашающаго были и небылицы (173 сл.). Молва представляетъ дѣло въ такомъ видѣ: въ Ливію прибылъ троянецъ Эней, и прекрасная Дидона сочла для себя достойнымъ сочетаться съ нимъ брачными узами; теперь они, увлекшись сладострастіемъ, забыли о своихъ царствахъ и проводятъ всю зиму въ нѣгѣ. У гетулійскаго царя Іарбы, до котораго доходитъ эта молва, представленіе о любви Дидоны къ Энею принимаетъ еще болѣе далекій отъ дѣйствительности характеръ: Эней обращается изъ знаменитаго героя въ изнѣженнаго выходца съ востока, въ новаго Париса съ женоподобной свитой, въ фригійскомъ головномъ уборѣ, подвязывающемся на подбородкѣ, и съ намаженными волосами (215 сл.). Для Іарбы этотъ романъ тѣмъ болѣе страненъ, что оба героя въ его глазахъ ни болѣе ни менѣе какъ бродяги:

Эней—завѣдомый скиталецъ, Дидона также не имѣетъ надежнаго пристанища; она долго скиталась въ странѣ Іарбы, наконецъ купила землю, на которой построила ничтожный городъ и получила отъ Іарбы для обработки участокъ плохой земли на морскомъ берегу; и вотъ такая женщина отвергаетъ бракъ съ нимъ, Іарбой, и беретъ себѣ изнѣженнаго искателя приключеній не только въ мужья, но и въ повелителя!

VI.

Экскурсъ о „Молвѣ“ и царѣ Іарбѣ. Вергилій и Гомеръ. Эпикуреизмъ героевъ Вергилія. Лукрецій. Отношеніе къ нему Вергилія. Вопросъ о законченности 4-й пѣсни Энеиды.

Оба эпизода о Молвѣ и о царѣ Іарбѣ заслуживаютъ особаго вниманія по тѣмъ литературно-критическимъ и методическимъ вопросамъ, которые они вызываютъ. Вотъ подробная характеристика Молвы (IV, 173—190):

„Тотчасъ же мчится Молва сквозь великіе Ливіи грады:
Эта Молва, что быстрѣ всего, что есть злого на свѣтѣ,
Крѣпнеть движеньемъ и силы свои на ходу умножаетъ;
Малой и робкой родившись, ужъ скоро подъ небо стремится,
Землю пятой попираетъ, а голову въ тучахъ скрываетъ...
Чудище страшное, тѣломъ огромное; сколько на тѣлѣ
Перевъ у ней, столько жъ глазъ есть подъ ними и (слушать-то
дивно)

Столько же есть языковъ, столько жъ усть и ушей напряженныхъ.
Ночью летаетъ во мракѣ межъ небомъ и темной землею,
Крыльями свищетъ и сладкой дремотой очей не смыкаетъ;
Днемъ, какъ на стражѣ, сидитъ на вершинѣ палаты огромной
Или съ возвышенной башни смущаетъ великіе грады.
Столько жъ защитница возней и лжи, сколько вѣстница правды,
Радуясь въ сердцѣ, равно о небывшемъ и бывшемъ гласила“.

Эта характеристика Молвы, вѣроятно послужившая образцомъ для «Клеветы» Бомарше въ «Севильскомъ Цирюльникѣ», построена на Гомеровскомъ образѣ Эриды (Распри),—ср. Иліаду IV, 439:

„Всѣхъ ихъ Арей побуждалъ, а данайцевъ богиня Афина,
Ужасъ и Страхъ и въ желаньяхъ своихъ ненасытная Распря,—
Распря, которая въ міръ чуть замѣтной приходитъ, а вскорѣ
Грозно идетъ по землѣ, головой въ небеса упираясь.
Это она среди войска взаимную сѣяла ярость,
Черезъ толпу проходя и стenanья мужей умножая“. (Пер. Минскаго.)

Итакъ, мы снова встрѣтили у Вергилія явное заимствованіе изъ Гомера. Можно ли, въ виду заимствованія сюжетовъ и образовъ, ставить вопросъ объ отсутствіи оригинальности у подражателя? Мнѣ кажется, — нѣтъ, если заимствованный и художественно обработанный мотивъ является у подражателя въ своеобразномъ освѣщеніи и въ своеобразной обстановкѣ. Мольеръ очень много подражалъ древнимъ комикамъ и своимъ романскимъ предшественникамъ; онъ и не скрывалъ этого (ср. его изреченіе: *Je prends mon bien partout ou je le trouve*), но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ самобытенъ и въ общей композиціи своихъ пьесъ и въ ихъ деталяхъ, а критика источниковъ его пьесъ могла бы обнаружить лишь величайшую виртуозность французскаго комика. Возьмемъ, на примѣръ, Шекспира, источники котораго болѣе или менѣе извѣстны. При сличеніи съ ними его пьесъ мы видимъ, какъ онъ въ разсказѣ своего источника умѣетъ подмѣтить истинно драматическія черты и затѣмъ развить ихъ тамъ, гдѣ онъ въ источникѣ лишь слабо намѣченъ, и т. д.

Теперь обратимся къ еще болѣе интересному эпизоду о царѣ Іарбѣ. Мы видимъ, что царь этотъ, при всемъ своемъ божественномъ происхожденіи, человѣкъ недалекій: вѣдь онъ уступилъ Дидонѣ самую цѣнную часть страны — морское побережье съ бухтой, наивно считая эту землю плохой на томъ основаніи, что она неплодородна и неудобна для обработки. Да и уступилъ онъ ее не менѣе наивно, поддавшись на хитрое предложеніе продать земли столько, сколько покроетъ воловья шкура, которую Дидона разрѣзала на тонкіе ремешки (I, 366). Во всякомъ случаѣ однако этотъ царь гораздо живѣе и картиннѣе, чѣмъ у Овидія (Фасты III, 545—555): «уже успѣла прекрасная Дидона загорѣться пламенной страстью къ Энею, уже успѣла она сгорѣть на кострѣ, сложенномъ ею для своей смерти. Немедленно нападаютъ нумидійцы на беззащитное царство, и Мавръ завладѣваетъ взятымъ домомъ. Помня при этомъ, какъ онъ былъ отвергнутъ Дидоной, Іарба восклицаетъ: «вотъ, наконецъ, я и владѣю брачной спальней Элиссы (Дидоны), я, которому она столько разъ отказывала!» Восклипаніе не совсѣмъ ясное; даже и въ лучшемъ случаѣ, если это сарказмъ отчаянія, оно очень не умно и нисколько не обрисовываетъ героя.

Очень характерна молитва Іарбы. Сыпъ Юпитера-Аммона, царь очень богомоленъ. Въ своемъ царствѣ онъ построилъ въ честь Юпитера сто храмовъ и поставилъ сто алтарей съ неугасимымъ огнемъ, съ постоянными и обильными жертвоприношеніями; въ данный моментъ онъ, поднявъ кверху руки передъ жертвенниками и

изображеніями боговъ, обращается къ Юпитеру съ саркастической молитвой: «Видишь ли ты это? Или, можетъ быть, родитель, мы понапрасну боимся тебя, когда ты мечешь перуны, и напрасно нашу душу ужасаютъ молніи въ облакахъ, сверкающія совершенно случайно, а также раскаты грома, ударяющіе попусту?.. Пришелецъ завладѣлъ тѣмъ, что отнялъ у насъ,—должно быть потому, что мы приносимъ дары въ твои храмы и поддерживаемъ неосновательную славу твоего могущества!» Т.-е. богомольный Іарба грозить Юпитеру ни болѣе ни менѣе какъ тѣмъ, что перейдетъ въ эпикурейцы! Но, какъ мы увидимъ, это слишкомъ своеобразный *épiscuipien malgré lui!*

Смыслъ эпикурейскаго ученія, гениальнымъ послѣдователемъ котораго явился въ Римѣ поэтъ Лукрецій съ его поэмой *De natura rerum*, состоитъ въ слѣдующемъ. Цѣль человѣческой жизни—благо. Оно заключается въ безмятежности и спокойствіи души (но у Эпикура это—утонченный эгоизмъ). Этому мѣшаетъ однако страхъ людей передъ смертью, передъ загробною жизнью и передъ гнѣвомъ боговъ, карающихъ преступника. Избавленію отъ этого страха способствуетъ рациональное изученіе природы. Эпикуръ усваиваетъ себѣ материалистическія теоріи атомистовъ, въ силу которыхъ міровая жизнь есть сложный механический процессъ сдѣленія и разрѣшенія микроскопическихъ недѣлимыхъ элементовъ—атомовъ. Душа такъ же, какъ и тѣло, состоитъ изъ атомовъ и потому при смерти погибаетъ вмѣстѣ съ нимъ; слѣдовательно, смерть не страшна, и загробной жизни скорѣе всего нѣтъ. Боги существуютъ, но это идеальные безмятежные эпикурейцы, которые совершенно не вмѣшиваются въ человѣческую жизнь. Громъ, молнія и тому подобныя явленія, въ которыхъ люди, словно дѣти, пугающіяся въ темнотѣ, склонны видѣть выраженіе воли разгнѣванныхъ боговъ-карателей, отъ боговъ не зависятъ, а представляютъ собою также механическіе процессы. Инсинуація Іарбы—это, по моему мнѣнію, краткій конспектъ эпикурейской теоріи, изложенной у Лукреція въ VI книгѣ, о механическомъ происхожденіи грома и молніи, независимо отъ Юпитера. Въ рѣчи Іарбы, кстати сказать, попадаетъ лукреціевскій глаголъ *terrificare*.

Съ другой стороны, богомольныя дѣйствія Іарбы діаметрально противоположны предписаніямъ эпикурейской доктрины. Развитие человѣчества, по словамъ Лукреція въ его знаменитомъ отрывкѣ о ростѣ культуры въ концѣ 5-й книги, привело его къ ложной религіи. Вслѣдствіе ложнаго страха передъ грозными явленіями природы, которыхъ люди объяснить не умѣли, они создали себѣ своеобразное убѣжище—они все это приписали богамъ и сдѣлали

ихъ своевольными владыками и управителями міра! «О несчастный человѣчскій родъ, приписавшій все это богамъ и присвокупившій къ ихъ волѣ тяжкій гнѣвъ и раздражительность! Сколько стenanій они (люди) создали этимъ себѣ самимъ, сколько ударовъ намъ, сколько слезъ нашимъ потомкамъ!» Взирая на безконечное множество свѣтилъ на небесномъ сводѣ и на ихъ движеніе, люди склонны допускать, что существуетъ какое-то безграничное могущество боговъ, приводящее эти свѣтила въ разнообразное движеніе. У кого только паничeskій страхъ не сковываетъ членовъ, когда сотрясается земля, обоженная ужаснымъ ударомъ молніи, и раскаты грома пробѣгаютъ по великому небу? Не дрожать ли передъ этимъ народы и племена? И своевольные тиранны (тираннъ въ представленіи древнихъ обыкновенно—безбожникъ) не хватаются ли за изображенія боговъ, будучи поражены страхомъ? Не приспѣло ли время наказанія и расплаты за какія-либо безобразныя дѣянія и своевольныя слова?» «Но,—говоритъ Лукрецій (1197),— не въ томъ состоитъ благочестіе, что человѣкъ часто на глазахъ у всѣхъ, покрывъ голову, вертится передъ камнемъ и подходитъ ко всѣмъ жертвенникамъ, падаетъ на землю, простираетъ руки къ капищамъ боговъ, обагрываетъ алтари обильною кровью четвероногихъ, даетъ обѣтъ за обѣтомъ,—нѣтъ, скорѣе въ способности созерцать все со спокойствіемъ мысли».

Здѣсь какъ разъ предвосхищена характеристика ординарнаго благочестія, которое обнаруживаетъ и самъ Іарба. Но противорѣчіе самому себѣ въ моментъ сильнѣйшаго возбужденія—это очень тонкое психологическое наблюденіе. И такъ, Іарба оказывается невольнымъ эпикурейцемъ. Нѣкоторый эпикуреизмъ сквозитъ и въ первой рѣчи Анны, въ ея заявленіи, что праху, пеплу похороненныхъ покойниковъ нѣтъ дѣла до живыхъ людей, нѣтъ надобности предъявлять къ живымъ людямъ обязательства. Впослѣдствіи увидимъ проявленіе случайнаго эпикуреизма и у самой Дидоны.

И такъ, возникъ вопросъ объ отношеніи Вергилія къ Лукрецію. Еще древніе критики установили сильную зависимость Вергилія отъ Лукреція по языку и по стилю. Но и ученіе Лукреція не прошло для Вергилія безслѣдно, хотя, конечно, благочестивый поэтъ не могъ его раздѣлять. Въ подражаніе Гомеровскому пиру у царя феаковъ Алкиноя съ баяномъ Демодокъ (8-я пѣснь Одиссеи), Вергилій выводитъ на пиру Дидоны (въ концѣ 1-й книги) баяна Іопаса; но въ то время, какъ жизнерадостный іоніецъ Демодокъ воспѣваетъ юмористическое приключеніе Ареса и Афродиты, Іопасъ поетъ о природѣ:

„Онъ воспѣваетъ блужданье луны и затменіе солнца,
Молвить, откуда и родъ человѣковъ и звѣри взялися,
Дождь и огонь и Арктуръ и Гіады и оба Тріона;
Что такъ спѣшать океаномъ увлажиться зимнія солнца,
Чѣмъ замедляется позднее лѣтнихъ ночей появленье“.

Явленія природы еще шире интересуютъ Вергилія въ его поэмѣ о земледѣліи (*Georgica*), и здѣсь встрѣчается одинъ очень важный намекъ на Лукреція, въ которомъ Вергилій восхищался главнымъ образомъ его глубокимъ убѣжденіемъ въ силѣ науки, какъ средства разсвѣять человѣческіе предрасудки, дѣлающіе жизнь человѣка несчастной (II, 490): «Счастливъ тотъ, кто смогъ постигнуть причины жизни природы и всѣ страхи и неумолимую судьбу и шумъ жаднаго Ахеронта поспралъ своей пятою». «Но,—прибавляетъ благочестивый поэтъ,—счастливъ и тотъ, кто позналъ сельскія божества».

Третій вопросъ, связанный съ эпизодомъ о Іарбѣ, еще сложнее. Довольно странно замѣчаніе Риббека (II, 66), что появленіе Іарбы можно найти ненужнымъ и мѣшающимъ дѣйствию. «Нужна ли дѣйствительно была жалоба царственнаго сына Аммона, чтобы обратить вниманіе Юпитера на медлительность Энея? Вѣдь этотъ отвергнутый женихъ безъ слѣда исчезаетъ со сцены послѣ своего хвастливаго богослуженія и своей хвастливой молитвы? Но, можетъ быть, намѣреніемъ поэта было въ этомъ лицѣ, которое дано было ему преданіемъ, открыть выходъ къ будущему. По крайней мѣрѣ, можно было догадаться, кому достался оставленный городъ Дидоны, такъ что онъ былъ обезпеченъ отъ гибели».

Нѣсколько рискованно и другое утвержденіе Риббека (стр. 56), что 4-я пѣснь представляла сама въ себѣ закругленный рассказъ. Хотя намъ извѣстно, что Вергилій, работавшій надъ Энеидой 11 лѣтъ и первоначально набросавшій ее въ прозѣ, прочелъ Августу до окончанія своего труда 2-ю, 4-ю и 6-ю пѣсни, но мы не знаемъ, сопровождалъ ли онъ это чтеніе предварительнымъ поясненіемъ относительно общей композиціи. Во всякомъ случаѣ 4-я пѣснь не совсѣмъ законченное цѣлое безъ 1-й.

Оба положенія Риббека неосторожны, а первое о нендобности эпизодическаго героя, появляющагося въ одной сценѣ и затѣмъ исчезающаго, страдаетъ излишнимъ глубокомысліемъ. Какъ бы то ни было, Іарба, какъ соперникъ Энея, лишь освѣщаетъ романъ, иначе романъ этотъ происходилъ бы внѣ пространства, внѣ перспективы. А перспектива это такое условіе, котораго держится всякій крупный писатель.

Обратимъ, напр., вниманіе на то, какъ много сдѣлалъ Шекспиръ для оцѣнки героическаго шага Дездемоны. Этого шага никто не понимаетъ, кромѣ, пожалуй, мудраго дожа. Въ глазахъ Яго, который, впрочемъ, относится къ дѣлу крайне тенденціозно, ея страсть къ Отелло нелѣпа и смѣшна: «припомни,—говоритъ онъ Родриго (актъ 2, сц. 11), съ какой пылкостью она прежде любила мавра—и единственно за его хвастовство и фантастическіе рассказы. Такъ неужели она будетъ всегда любить его за болтовню?» Въ другихъ сценахъ онъ объясняетъ романъ простымъ сладострастіемъ съ той и другой стороны ¹⁾. Грубъ и насмѣшливъ его отзывъ о Дездемонѣ уже въ началѣ драмы, когда онъ съ Родриго явился къ Брабанціо, чтобы извѣстить послѣдняго о побѣгѣ дочери: «мы пришли сюда, чтобы оказать вамъ услугу, а вы принимаете насъ за мошенниковъ. Вѣрно вамъ хочется, чтобы ваша дочь сошлась съ варварійскимъ жеребцомъ, чтобы ваши внуки ржали подлѣ васъ, чтобы рысаки были вашими двоюродными братьями, а иноходцы—племянниками». Самъ Брабанціо, растерявшись отъ неожиданности, считаетъ увлеченіе Дездемоны противоестественнымъ и склоненъ подозрѣвать, что дѣло не обошлось безъ колдовства: «Да нѣтъ ли въ самомъ дѣлѣ чаръ такихъ, которыми влекутся въ заблужденіе и молодость и дѣвственность? Родриго, ты не читалъ ли гдѣ-нибудь о томъ?»—«Читалъ, синьоръ», отвѣчаетъ Родриго, отъ котораго, впрочемъ, и трудно ждать путнаго отвѣта. Въ этомъ предположеніи Брабанціо укрѣпляется окончательно и не только бросаетъ его въ лицо Отелло при встрѣчѣ съ нимъ на улицѣ, но и настойчиво высказываетъ его въ совѣтѣ дожа. Хотя дожъ, человѣкъ разумный и хладнокровный, требуетъ опредѣленныхъ доказательствъ вмѣсто фантастическихъ догадокъ, но общее изумленіе все-таки не улеглось; по крайней мѣрѣ 1-й сенаторъ все еще допускаетъ возможность колдовства:

„Ну, говорите же, Отелло!
То правда ли, что къ средствамъ запрещеннымъ,
Насильственнымъ прибѣгли вы затѣмъ,
Чтобъ подчинить себѣ и отравить
Дѣвицы юной чувства? Или въ этомъ

¹⁾ Любопытно, что то же говорятъ у Вергилія „Молва“ о Дидонѣ и Энеѣ (IV 194: *turpi cupidine carnos*). Конечно, нѣтъ никакихъ основаній заключать отсюда о реминисценціи у Шекспира изъ Вергилія. Но для общаго хода нашего разсужденія это сходство не лишено интереса. Повторяемъ, что разобранныя выше сцены изъ Вергилія важны и понятны съ точки зрѣнія общей художественной перспективы, но не съ точки зрѣнія постороннихъ соображеній о неумности эпизодическихъ лицъ, о выходѣ къ будущему и т. п.

Успѣли вы посредствомъ убѣжденій
И тѣхъ рѣчей, которыя влекутъ
Къ одной душѣ другую?»

Нельзя настаивать на полной законченности 4-ой пѣсни Энеиды. Многое останется въ ней неяснымъ, если опустить 1-ую книгу, въ которой изображены страданія обоихъ героевъ и настоящая потребность Энея въ состраданіи, въ участіи къ нему, а съ другой стороны, — величайшая сострадательность героини. Важенъ для пониманія романа и самый рассказъ о гибели Трои и о собственныхъ злоключеніяхъ Энея (пѣсни 2-я и 3-я), такъ какъ онъ усилилъ въ героинѣ ея вообще глубокія симпатіи ко всему экстраординарному и къ человѣческимъ страданіямъ.

Далѣе, можно ли, напримѣръ, считать законченной 2-ую половину «Наканунѣ» Тургенева, начиная со встрѣчи Елены съ Инсаровымъ или съ ея прелестнаго дневника? Можно ли считать законченнымъ письмо Татьяны къ Онѣгину? Отдѣльныя частности безусловно непонятны внѣ связи со всѣмъ ходомъ этихъ романовъ. Знаменитые стихи: «я здѣсь одна, никто меня не понимаетъ», — сами по себѣ могутъ казаться лишенными реального содержанія, обычной при влюбленности фразой. Но въ общемъ ходѣ романа они очень интересны и совершенно реальны: Татьяна жила одинокой мечтательной жизнью, углубившись въ чтеніе сантиментальныхъ романовъ. Она «въ семьѣ своей родной казалась дѣвочкой чужой». Отецъ опустился, попалъ подъ башмакъ своей жены, мать Татьяны занялась исключительно домашнимъ хозяйствомъ; окружающее общество въ родѣ гостей на балу Лариныхъ, по отсутствію какихъ бы то ни было просвѣщенныхъ интересовъ, остается для героини также чуждымъ.

Почти то же говорить и Елена въ своемъ дневникѣ: «я одна, все одна, со всѣмъ моимъ добромъ, со всѣмъ моимъ зломъ». Какъ реально это замѣчаніе на общемъ фонѣ романа! Припомнимъ ея компаньонку, веселую и пустую нѣмочку Зою, къ которой Елена относится свысока, ея поклонниковъ — ученаго, но слишкомъ пассивнаго Берсенева (типичный № 2-ой), талантливаго, но не глубокаго Шубина, котораго, по словамъ Елены, его собственное раскаяніе и слезы только забавляютъ, далѣе Курнатовскаго, характернаго и самодовольнаго бюрократа; припомнимъ, наконецъ, ея мать, женщину очень слабонервную, и отца, который самъ заявляетъ, что «Елены Николаевны онъ не понимаетъ, что для нея онъ недостаточно возвышенъ» и т. д.

VII.

Р а з в я з к а.

Возвращаемся къ роману въ Энеидѣ Вергилія. Дѣйствіе здѣсь идетъ *crescendo*, въ видѣ сценъ, усиливающихъ одна другую. Молва разноситъ преувеличенную вѣсть о связи Дидоны и Энея. Раздраженный и обиженный царь Іарба, до котораго она доходитъ, еще болѣе преувеличиваетъ дѣло въ своей молитвѣ къ Юпитеру. Юпитеръ внялъ этой молитвѣ и посылаетъ Меркурія къ Энею. Это изложено въ нѣсколькихъ сценахъ, приближающихъ дѣйствіе къ трагической развязкѣ, хотя при этомъ, по моему мнѣнію, построение этихъ сценъ не лишено нѣкотораго тонкаго и живого юмора (что опять-таки слѣдуетъ поставить въ заслугу многостороннему поэту). Юпитеръ обратилъ вниманіе на возлюбленныхъ, забывшихъ о своей лучшей славѣ, т.-е. о провиденціальной героической роли, которую они до сихъ поръ выполняли. Ему жаль Энея, котораго не такимъ изнѣженнымъ представляла ему мать Энея Венера. Его дѣло создать въ Италіи великое царство троянцевъ и весь міръ подчинить своей власти. Если онъ забылъ о себѣ и о своей славѣ, такъ зачѣмъ онъ забылъ о сынѣ, которому предназначена та же слава основанія міроваго царства? Съ какими надеждами онъ живетъ среди враждебнаго народа, почему онъ не думаетъ о своемъ италійскомъ потомствѣ и Лавинійскихъ поляхъ? Всѣ эти болѣе или менѣе спокойныя размышленія Юпитеръ сразу заканчиваетъ властнымъ и категорическимъ приказомъ, который Меркурій обязанъ сообщить Энею: Эней долженъ отплыть, вотъ сущность приказа, «это и должно быть вѣстью отъ насъ» (218—23). Далѣе идетъ традиціонное описаніе наряда и функцій Меркурія. Богъ летитъ въ Африку, пролетаетъ мимо снѣжнаго Атласа, очень картинно изображеннаго поэтомъ (изображеніе это слишкомъ подробно, но введено, вѣроятно, по ассоціаціи идей, такъ какъ Атласъ былъ дѣдомъ Меркурія) и внезапно является передъ Энеемъ. Эней, оказывается, успѣлъ уже обжиться и натурализоваться въ Кароагенѣ: онъ одѣтъ въ дорогой фригійскій нарядъ—подарокъ богатой Дидоны—и находится въ разгарѣ строительной дѣятельности, воздвигаая новыя зданія въ Кароагенѣ. Богъ тотчасъ нападаетъ на него врасплохъ и сообщаетъ ему приказъ Юпитера въ еще болѣе категорической формѣ (265—276): «Какъ! это ты закладываешь основаніе высокаго Кароагена и выстраиваешь прекрасный городъ? О рабъ женщины, увы, ты забываешь о своемъ царствѣ и о своихъ дѣлахъ! Самъ повелитель боговъ, приводящій въ движеніе и небо и землю своей могуще-

ственной волей, посылает меня къ тебѣ съ свѣтлаго Олимпа. Онъ самъ повелѣваетъ принести тебѣ по воздуху слѣдующій приказъ: «Что ты задумываешь, на что надѣешься ты, праздно проводя время въ Ливійской странѣ? Если на тебя самого не дѣйствуетъ слава такихъ дѣяній и если ты самъ не предпринимаешь никакого труда для своей славы, то обрати вниманіе на подрастающаго Асканія, на надежды, возлагаемыя на твоего наслѣдника Іула, которому предназначены Италійское царство и Римская земля». Богъ скрылся съ тою же быстротою, съ какою и появился, не давъ Энею возможности опомниться и отвѣтить.

Положеніе Энея становится нелѣпымъ. Въ первый моментъ онъ боится и боговъ и Дидоны и, наконецъ, останавливается на мысли непременно бѣжать (ст. 279—295):

„Умъ потерялъ тутъ Эней, онѣмѣвъ передъ дивнымъ видѣньемъ, Дымомъ поднялись власа и пресѣкъ отъ ужаса голосъ. Въ страхѣ бѣжать поспѣшаетъ и сладкія страны оставить, Вѣстью такой отъ боговъ и такимъ повелѣньемъ подавленъ. Горе! Но что жъ онъ начнетъ и къ царицѣ безумной съ какою Лестью приступить теперь и съ чего разговоръ онъ завяжетъ? Мысли крылатыя онъ то сюда, то туда направляетъ, Въ разныя стороны мчитъ ихъ и все до конца испытуетъ. Въ долгихъ сомнѣньяхъ средство одно онъ за лучшее принялъ: Тотчасъ Мнесеея зоветъ и Сергеста съ могучимъ Серестомъ; Флотъ снаряжать имъ велитъ и людей собирать на поморье, Втайнѣ оружье готовить, причины внезапной тревоги Знать про себя; между тѣмъ онъ, покажѣтъ Дидона, Правды не зная, разрыва любви не страшится толикой, Съ ней говорить попытается, выбравъ удобное время, Выбравъ надежные способы. Съ радостью славные мужи Слушаютъ рѣчи сія и спѣшно приказъ исполняютъ“.

Нѣкоторыя подробности этой сцены, по моему, очень важны для пониманія дальнѣйшихъ сценъ. Въ первый моментъ Эней не знаетъ, какъ приступить къ Дидонѣ (ст. 283—4 и 293—5), но мало-по-малу роли мѣняются: передъ самымъ отъѣздомъ своимъ Эней становится совершенно неумолимымъ, и Дидона принуждена подумать о томъ, когда и какъ можно склонить его хоть на незначительныя уступки (см. ст. 422—423, почти буквально совпадающія со ст. 293—295).

Подвигаемся дальше. Эней спѣшитъ уѣхать тайкомъ, не протрившись съ царицей, но, зная все-таки, какъ она разстроена и разгнѣвана слухами о его сборахъ; онъ все это время избѣгаетъ ея, такъ что она сама его ловить. Ей тяжело разочароваться въ Энея и, сдерживая себя, она обращается къ нему съ просьбой не спѣшить съ отъѣздомъ и войти въ ея положеніе (ст. 305): какъ

онъ могъ скрывать такое вѣроломное рѣшеніе? неужели его не удерживаютъ ни взаимная любовь, ни клятвенныя обѣщанія, данныя имъ нѣкогда, ни неизбѣжность смерти для Дидоны? Сама погода не благопріятствуетъ отъѣзду; если бы даже цѣла была Троя, то и въ нее не могъ бы онъ ѣхать; а теперь онъ стремится въ какія-то невѣдомыя страны. Да и отъ кого онъ отдѣливается? Отъ Дидоны, которая сдѣлала для него все, что могла, и пожертвовала всѣмъ, что имѣла,—и женской честью, и добрымъ именемъ, и положеніемъ: вѣдь теперь ей грозитъ и разрушеніе города, и плѣнъ у гетула Іарбы, котораго она презираетъ!

Патетически начавъ свою рѣчь, Дидона очень мягко оканчиваетъ ее выраженіемъ горячей любви къ человѣку, въ которомъ ей не хочется разочаровываться: она примирилась бы съ отъѣздомъ Энея и даже съ положеніемъ плѣнницы, если бы послѣ Энея у нея остался отъ него маленькій сынъ, похожій на него, который игралъ бы на ея дворѣ и утѣшалъ бы ее своими забавами ¹⁾.

Принимая во вниманіе романтической характеръ героини, которой еще до пріѣзда Энея пришлось не мало страдать, и тѣ обстоятельства, при которыхъ она произноситъ эту рѣчь, трудно придумать что-либо болѣе трогательное и человѣчное.

Что же отвѣчалъ Эней (ст. 333)? Ея услугъ, которыя она умѣетъ такъ подробно перечислять, онъ не отрицаетъ, и ему никогда не будетъ досадно вспомнить Дидону. Онъ не думаетъ бѣжать тайкомъ—напрасно она это воображаетъ; онъ никогда не претендовалъ на то, что ихъ связь есть бракъ, да и не для этой связи онъ попалъ въ Ливію. Если бы онъ не зависѣлъ отъ судьбы и самъ могъ распоряжаться своими дѣйствіями, то вмѣсто путешествія въ Ливію онъ позаботился бы о возстановленіи родной Трои. Но и Аполлонъ и ликійскій оракуль приказали ему ѣхать въ Италію. Почему бы и не принять Италію за отечество? Дидону, финикіянку, привлекаетъ же городъ, построенный въ Ливіи. Зачѣмъ же она завидуетъ поселенію троянцевъ въ Италіи: вѣдь и троянцы имѣютъ право искать себѣ царства на чужой землѣ. Кромѣ того, ему напоминаютъ о себѣ призракъ Анхиза и обязанности по отношенію къ Асканію, котораго онъ рискуетъ лишитъ завѣщаннаго ему судьбой царства. Наконецъ, онъ только что передъ этимъ получилъ отъ Юпитера черезъ Меркурія прямой приказъ уѣзжать изъ Ливіи. Поэтому лучше не тревожить ни его, ни себя этими жалобами.

¹⁾ Ср. Heinze 417: Didos erste Rede an den scheidenden Aeneas zerfällt in zwei Teile: Vorwürfe (indignatio) (IV 305—313), Bitten (miseratio) (314—330).

Ясно, по крайней мѣрѣ для современнаго человѣка, что это— черствая казуистика, и при томъ въ высшей степени оскорбительная. Дидона выслушала его рѣчь съ страшнымъ гнѣвомъ и презрѣніемъ ¹⁾, молча мѣряя его глазами съ ногъ до головы. Ея отвѣтъ полонъ гнѣвнаго и презрительнаго сарказма: теперь для нея очевидно, что онъ не божественнаго происхожденія. Гдѣ его хваленая pietas, если онъ не заплакалъ при видѣ слезъ женщины, его любящей? Онъ— лжецъ; нищого, выброшеннаго на ея берегъ, она не только приняла, но и сдѣлала соучастникомъ въ управленіи; она спасла его флотъ и спасла его товарищей отъ вѣрной смерти; долгое время онъ пользовался привилегированнымъ положеніемъ, и вдругъ сразу выдумалъ столько препятствій: тутъ и ликійскій оракулъ, и Аполлонъ, и посланный Юпитеромъ Меркурій, точно забота объ этомъ беспокоитъ безмятежныхъ боговъ (эпикуреизм!), точно богамъ только и дѣла, что его судьба. Ясно, что онъ— простой искатель приключеній, котораго и опровергать не стоитъ: пусть себѣ ѣдетъ въ Италію и ищетъ царства по волнамъ! Она только увѣрена, что за свое вѣроломство онъ понесетъ тяжелое наказаніе, и слухъ о его несчастьяхъ дойдетъ до нея въ глубину преисподней...

Эней разстроены рѣчью Дидоны, но, повинувшись приказу боговъ, заставляетъ троянцевъ ускорить приготовленія къ отплытію. Весь берегъ наполнился людьми, и работа закипѣла.

Это зрѣлище особенно невыносимо для Дидоны. «О, чрезмѣрная любовь!—воскликаетъ поэтъ:—къ чему только ты не принуж-

¹⁾ Любопытно то, что и въ аду (VI пѣснь) Эней слезно оправдывается передъ Дидоной почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, въ какихъ составленъ данный его отвѣтъ, такъ оскорбившій Дидону: „Несчастливая Дидона! Значить, справедлива дошедшая до меня вѣсть, что ты мечомъ покончила съ собой? Значить, я былъ причиною твоей смерти (нѣсколько удивительное замѣчаніе, такъ какъ и сама Дидона говорила Энею, что покончатъ съ собою, и Меркурій далъ ему объ этомъ знать передъ его отъѣздомъ)? Звѣздами клянусь я, клянусь вышними богами и всѣми клятвами, которыя дѣйствительны подъ землей!

Брегъ твой, царица, не собственной волей тогда покидалъ я.
Вышнихъ велѣнья, что нынѣ идти заставляютъ сквозь тѣни,
Сквозь заустѣлыя, дикія страны и сумракъ глубокій,
Гнали въ ту пору меня, да притомъ и не могъ я повѣрить,
Бѣгствомъ своимъ чтобъ толковое горе тебѣ причинитъ я.
Шагъ удержи, на себя наглядѣться очамъ не препятствуй.
Что ты спѣшишь? Вѣдь послѣднее это свиданье межъ нами“.

На всѣ его слезы тѣнь отвѣтила враждебнымъ и презрительнымъ молчаніемъ и удалилась въ тѣнистую рощу къ первому своему мужу Сихею, который дѣйствительно платилъ ей взаимной любовью.

даешь смертное сердце!» «Снова приходится Дидонѣ унижаться до слезъ, снова пытаться упросить героя и подчинить гордость любви». Въ отчаяніи она проситъ Анну быть посредницей между Энеемъ и ею:

„Анна! иди и съ мольбой горделивому недругу молви:
 Вмѣстѣ съ Данаями родъ истребить иліонскій въ Авлидѣ
 Я не клялась и къ Пергаму суда вѣдь не я посылала;
 Тѣни и пепла Анхисовыхъ я не смущала въ могилѣ.
 Что же вѣщаній моихъ не приемлетъ онъ въ лютыя уши?
 Что жъ онъ торопится? Пусть на прощанье послѣднюю просьбу
 Выполнить онъ: пусть дождется вѣтровъ и удобнаго бѣгства!
 Я не молю ужъ теперь о союзѣ нарушенномъ онымъ,
 Иль чтобъ прекрасный онъ Латій для насъ и державу покинулъ;
 Жалкой отерочки прошу: пусть страсти отдыхъ и время
 Дастъ онъ, чтобъ свыклась съ печалью душа и судьбамъ уступила,
 Только объ этомъ молю, надъ сестрой злополучною сжался;
 Если исполнишь мольбу, заплачу при кончинѣ сторицей“.

Отрывокъ замѣчательнъ и въ психологическомъ, и въ историко-литературномъ отношеніи. Поэтъ представляетъ здѣсь моментъ острой борьбы между страстью и чувствомъ собственнаго достоинства. Это очень важная черта. Въ концѣ-концовъ послѣ бесплодныхъ попытокъ удержать Энея Дидона лишаетъ себя жизни съ возвышенною мыслью, именно—о своемъ достоинствѣ, что, какъ мы увидимъ въ свое время, дѣлаетъ сцену ея самоубійства особенно патетической.

Далѣе, въ отдѣльныхъ штрихахъ развивающагося дѣйствія замѣтенъ любопытный шагъ впередъ. Въ первомъ обращеніи къ Энею, какъ оно ни патетично, Дидона называетъ Энея еще *hospes*, гостемъ (ст. 333: «на кого покидаешь меня обреченную на смерть, гость? Такъ какъ отъ супруга только это имя осталось для меня»). Теперь Эней при этой случайной *миролюбивой* попыткѣ оскорбленной Дидоны—уже высокомѣрный «врагъ» (*hostis*, ст. 424).

Наконецъ, этотъ монологъ имѣлъ длинную литературную исторію: ему подражаетъ Овидій въ прощальной рѣчи Цирцеи къ Одиссею (*Rem. Am.* 273), въ письмѣ Филлиды къ Демофоонту, Дидоны къ Энею. Авторъ *Bellum Punicum* поэтъ Силій Италикъ (25—101 г. по Р. Х.) идетъ еще дальше: у него нѣчто подобное произноситъ Марція, жена знаменитаго Регула, передъ отправленіемъ его на вѣрную смерть въ Кареагенъ, хотя обстановка совсѣмъ другая, такъ какъ Цирцея, Филлида и Дидона обращались къ героямъ, имъ измѣнившимъ. У Марціи тѣ же аргументы (VI, 503): «не я вѣдь посылала въ сраженіе амиклейскаго вождя (Ксантиппа, который и побѣдилъ Регула), и не мною наложена цѣпь на твою шею. Зачѣмъ же ты бѣжишь отъ меня, несчастной, къ пунійцамъ?» (Психологія

слишкомъ искусственная!). Флотъ подвигается впередъ, и Марція въ гнѣвѣ и отчаяніи восклицаетъ (ст. 516): «Вотъ тотъ, который хвалится, что онъ соблюдаетъ вѣрность Ливіи, ея ужаснымъ народомъ и врагу отечества! Вѣроломный, гдѣ теперь союзъ со мной, гдѣ обѣщанная супружеская вѣрность?»

Попытка Дидоны склонить Энея не удалась, и дѣло идетъ теперь къ катастрофѣ (что поэтъ отмѣтилъ и внѣшней формой изложенія—ст. 450: *tum vero...*). Дидона уже *молитъ* о смерти, и все, что происходитъ съ ней или вокругъ нея, о смерти ей и напоминаетъ: на ея глазахъ капли жертвеннаго вина обращаются въ сгустки крови; вечеромъ ей чудится зовущій къ себѣ голосъ ея мужа Сихея изъ часовни, построенной въ его честь; филинъ, птица зловѣщая, издаетъ протяжные траурные звуки; Дидонѣ приходятъ на память и ужасныя предсказанія жрецовъ; наконецъ, она видитъ тяжелые сны, какъ ее преслѣдуетъ Эней, какъ она остается одинокой и идетъ все время длиннымъ путемъ безъ сопровожденія и ищетъ тирійцевъ, покинувъ страну. Однимъ словомъ, все обращается въ *memento mori!* Это—превосходный въ психологическомъ отношеніи эпизодъ, и современный читатель нашелъ бы только, что не зачѣмъ сравнивать это состояніе Дидоны и ея *idée fixe* о смерти съ мученіями Пенеея, гонимаго вакханками, и Ореста, преслѣдуемаго фуріями.

Итакъ, Дидона не можетъ справиться со своей острой тоской, не можетъ отдѣлаться отъ своей *idée fixe* и потому *твердо рѣшила* умереть. Надо только замаскировать это самоубійство, и она обдумываетъ время и способъ для его совершенія. Дидона пытается принять радостное выраженіе лица и, скрывая свое намѣреніе, проситъ сестру поздравить ее съ открытіемъ средства противъ несчастной любви: она рѣшилась обратиться къ знаменитой волшебницѣ¹⁾ изъ рода Массиловъ, и хотя сама знаетъ, что прибѣгать къ магіи грѣшно, однако проситъ Анну о содѣйствіи:

„Сдѣлай во внутреннемъ дома притворѣ подъ сводомъ небеснымъ
Тайный костеръ, и оружіе мужа, что въ спальнѣ покинулъ
Тотъ беззаконникъ, и ризы злодѣя, и самое ложе,
Гибель мою, ты поставь на кострѣ: о супругъ ужасномъ
Всякую память хочу истребить, да и жрица велѣла“.

¹⁾ Объ этой волшебницѣ и ея отличіи отъ колдуній александрійской элегіи (напр., у Тибулла и Овидія) см. Heinze, 137.

Тонкій психологъ Вергилій отмѣчаетъ при этомъ, что Дидонѣ не удалось выдержать напускной радости: она вдругъ замолкла почти на серединѣ рѣчи, и лицо ея сразу поблѣднѣло. Не менѣе тонко и замѣчаніе объ Аннѣ: послѣдняя и повѣрить не могла тому, что сестра этимъ небывалымъ жертвоприношеніемъ хочетъ прикрыть свое самоубійство, ей и въ голову не приходитъ возможность такого безумнаго намѣренія, и она не боится чего-либо болѣе тяжелаго, чѣмъ было при смерти Сихея. Какъ Анна вѣрна самой себѣ! Припомнимъ разсужденіе въ первомъ монологѣ: «пока ты находилась еще подъ впечатлѣніемъ смерти Сихея и была разстроена, тебѣ не могли нравиться женихи; но теперь тебѣ пора успокоиться...»

Во внутренней открытой части дома воздвигается костеръ, царица украшаетъ его вѣнками и траурными листьями кипариса, *хорошо зная, что съ ней будетъ*. Начинается мрачное обращеніе къ подземнымъ богамъ. Дидона на босу ногу и въ распоясанной одеждѣ призываетъ передъ смертью въ свидѣтели боговъ и небесныя свѣтила, обращая мольбы и къ такимъ божествамъ («если только они существуютъ»), которыя заботятся о влюбленныхъ, но не нашедшихъ себѣ полнаго отвѣта на свою любовь.

Далѣе идетъ поразительный по красотѣ и психологическому замыслу эпизодъ. Наступаетъ ночь. Все мирно засыпаетъ, — только Дидона не спитъ и не можетъ справиться съ *хаосомъ разнообразныхъ острыхъ чувствъ*, среди которыхъ преобладаетъ чувство *оскорбленнаго достоинства, сарказмъ и желаніе мести*:

„Полночь была, и тѣла утомленныя сладкій вкушали
Сонъ на землѣ; успокоились рощи и ярое море
Въ пору, какъ вышею катятся неба тропкою свѣтила,
Всякое поле молчить; и стада, и блестящія ¹⁾ птицы...
Только одна финикіянка сердца отъ скорби ни разу
Сномъ разрѣшить не могла; не вкусили ни грудь, ни зѣницы
Нѣги ночной: удвоится скорбь и, возставши, бушуетъ
Съ новою силой любовь, и приливъ закипаетъ свирѣпый.
Мыслямъ своимъ предается она и съ собой разсуждаетъ:
„Что же мнѣ дѣлать теперь? Иль осмѣянной къ прежнимъ вер-
нуться
Тѣмъ женихамъ и у дикихъ номадовъ вымалывать брака,
Коиъ союзъ столько разъ былъ пунійской царицею презрѣтъ?
Или, быть можетъ, за флотомъ пойду иліонскимъ и тевкрамъ
Стану рабой? Вѣдь пріятно имъ будетъ, спасеннымъ Дидоной;
Помнать, конечно, они съ благодарностью прежнюю службу!
Только допустить ли кто и на гордыя примутъ ли лодки

1) Точнѣе „разноцвѣтныя“.

Имъ ненавистную? Или, безумная, ты не довольно
 Знаешь и чувствуешь Лаомедонтова рода коварство?
 Что-жь, одинокой ли мнѣ за веселымъ бѣжать ополченьемъ,
 Или тирійцевъ собравъ и своимъ окружившись народомъ,
 Гнаться во слѣдъ, и людей, что съ трудомъ оторвались отъ Тира,
 Въ море опять выгонять, чтобы съ бурями снова боролись!
 Лучше умри по заслугамъ, желѣзомъ цѣлясь отъ кручины.
 Ты, нашихъ слезъ не стерпѣвшая, ты этимъ горемъ безумной
 Душу, сестра, отягчила, свирѣпому недругу выдавъ!
 Вѣрность нарушена, въ коей клялась я Сихееву праху!“

Въ только что процитированной сценѣ подчеркнемъ проскользнувшее желаніе мести и коллизію разнородныхъ чувствъ у Дидоны. Эти моменты отражаются и въ дальнѣйшемъ эпизодѣ, который такимъ образомъ отлично связанъ съ предыдущимъ. Эней, приготовившись къ отплытію, спитъ на кормѣ. Во снѣ появляется ему Меркурій и торопитъ съ отъѣздомъ: *«женщина существо непостоянное и измѣнчивое; царица уже стала помышлять о мщеніи, и если флотъ Энея останется въ гавани до зари, то его могутъ поджечь тирійцы»*. Проснувшись, Эней тотчасъ же приказываетъ обрубить якорные канаты и уплываетъ со своимъ флотомъ.

Слѣдующій эпизодъ — самый замѣчательный по силѣ трагизма. Увидавъ на разсвѣтѣ, что троянскій флотъ уплылъ, Дидона проклиная Энея и троянцевъ, зоветъ гибель на всѣхъ ихъ потомковъ, предсказываетъ рожденіе Ганнибала, будущаго заклятаго врага римлянъ:

„Съ башни высокой царца, какъ первый разсвѣтъ заблѣлся,
 Флотъ увидала, бѣгущій въ моряхъ на вѣтрилахъ надутыхъ,
 Берегъ узрѣла пустой, безъ гребцовъ замолчавшую пристань;
 Трижды, четырежды дланью прекрасную грудь поразила,
 Вырвала русыя косы: „великій Юпитеръ! уйдетъ онъ!
 Царству и власти моей поругается дерзкій бродяга!
 Какъ! и еще не взялись за оружье и городомъ цѣлымъ
 Вслѣдъ не погнались? изъ пристани въ море людей не помчали?
 Пламя несите скорѣе! беритесь за стрѣлы, за весла!
 Что я сказала и гдѣ я? Какимъ увлекаюсь безумствомъ?
 О, ты Дидона несчастная! нынѣ ли видишь коварство!
 Раньше бь смотрѣла, какъ царство сулила!
 Развѣ, схвативши его, не могла изрубить и по волнамъ
 Трупъ разметать? не могла и людей и Асканія сына
 Острымъ желѣзомъ убить и отцу предложить вмѣсто пищи...
 Вы же, тирійцы, и племя его и грядущихъ потомковъ
 Вѣчной преслѣдуйте злобой и нашимъ костямъ воздавайте
 Почестъ сію. Пусть не будетъ межъ васъ ни любви, ни союза;
 Нѣкій отмститель изъ нашего праха пускай зародится,
 Родъ иліонскихъ мужей чтобъ губилъ и огнемъ и желѣзомъ“.

Но это—последнее напряженіе нервовъ. Теперь остается только покончить съ собой, и Дидона удаляетъ отъ себя въ послѣдній моментъ всѣхъ, кто могъ бы ей помѣшать. Обращаясь къ находившейся при ней старой кормилицѣ ея покойнаго мужа, она проситъ ее сходить за Анной и попроситъ Анну омыться для жертвоприношенія и привести жертвенный скотъ; да и самой кормилицѣ Дидона предлагаетъ надѣть на голову повязку, требуемую религіознымъ культомъ. Оба эти предложенія, какъ отчасти замѣтилъ еще старый критикъ Неупе, врядъ ли имѣютъ какой-либо другой смыслъ, кромѣ того, что Дидона старается выиграть нѣсколько мгновеній для того, чтобы покончить съ собой безъ свидѣтелей¹⁾. Мимоходомъ отмѣтимъ, что здѣсь въ очень немногихъ словахъ поэтъ далъ милую жанровую сцену. Неизвѣстная до сихъ поръ кормилица, разумѣется, сочувствуетъ горю Дидоны и ея, въ сущности притворному, желанію отдѣлаться отъ несчастной любви, и потому она, по тонкому замѣчанію поэта, «старалась ускорить свои старческіе шаги» (ст. 641).

Теперь идетъ знаменитая и, главное, чуждая излишнихъ эффектовъ сцена самоубійства. Съ трепетомъ, съ налитыми кровью глазами, съ багровыми пятнами на дрожащихъ щекахъ, съ блѣдностью на лицѣ въ виду предстоящей смерти Дидона бѣжитъ внутрь дома, порывисто всходитъ на костеръ и вынимаетъ изъ ноженъ троянскій мечъ — «даръ, который не для этой цѣли былъ принятъ ею отъ

¹⁾ Вообще, мотивъ самоубійства великолѣпно задуманъ и разработанъ Вергиліемъ, и для окончательнаго разъясненія данныхъ двухъ небольшихъ сценъ, можетъ быть, небезполезнымъ будетъ навести справки въ подлинный текстъ поэта. Эти справки показали бы намъ, какъ отлично задумано поэтомъ драматическое движеніе дѣйствія. Въ первой бурной сценѣ съ Энеемъ Дидона лишь намекаетъ на предстоящую ей смерть (ст. 308: *nes toritura tenet crudeli funere Dido?* Ст. 323: *cui me moribundam deseris hospes?*). Слѣдующая гнѣвная рѣчь ея въ отвѣтъ на оправданія Энея также заключаетъ лишь глухой намекъ на смерть, при чемъ и здѣсь еще нѣтъ ясно выраженной мысли о самоубійствѣ (ст. 385: *cum frigida mors anima seduxerit artus, omnibus umbra locis adero*. Ст. 386: *haec Manis veniet mihi fama sub imos*). Далѣе Дидона пытается склонить Энея на отсрочку отъѣзда, „чтобы не умирать понапрасну, не испытавъ всѣхъ средствъ“ (ст. 415): здѣсь мысль о самоубійствѣ уже ясна. Послѣ этой попытки, Дидона терроризована своими роковыми несчастіями (ст. 450: *exterrita fatis*) и молитъ о смерти (*orat mortem*, — м. б. скорѣе: „призываетъ съ мольбой богию смерть“), „ей противно смотрѣть на небесный сводъ“. О предъзнаменованіяхъ у поэта сказано, что они усладили въ Дидонѣ желаніе исполнить свое намѣреніе — покончить съ жизнью (ст. 452: *quo magis inceptum peragat lucemque relinquat*), при чемъ о томъ, что она видѣла, она не говоритъ никому, даже сестрѣ. Наконецъ, горе совершенно сломило ее (ст. 474: *evicta dolore*), и ея намѣреніе умереть обратилось уже въ твердое рѣшеніе (*decrevit mori*, ст. 475).

Энея» (какъ мы видимъ, поэтъ не придаетъ этому мечу преувеличеннаго значенія—это случайное и при данныхъ обстоятельствахъ единственное оружіе, которое могло остаться при Дидонѣ, не будучи убрано окружающими). Тутъ, утомленная всѣми предшествующими страданіями, Дидона, насколько я понимаю рассказъ Вергилія, стихаетъ¹⁾ (см. 648). «Увидавъ троянскую одежду Энея и знакомое ложе, она лишь немного замедлила отъ плача и воспоминаній, а затѣмъ легла на этотъ одръ и сказала послѣднее слово». Вотъ эти послѣднія слова въ высшей степени характерны въ психологическомъ отношеніи. У Дидоны осталась лишь тихая грусть о томъ, что напоминаетъ ей объ Энеѣ. Передъ ней возстаетъ ея прежняя, полная величаваго достоинства²⁾ жизнь и дѣятельность. Она сознаетъ, что жизнь эта прошла не попусту. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ послѣдній моментъ ей безразлично, мститъ ли Энею: *страстнаго* озлобленія противъ него уже нѣтъ; она просто жалѣетъ о пріѣздѣ троянцевъ, помѣшавшемъ ея великому счастью, и только думаетъ, что ея смерть будетъ дурнымъ предзнаменованіемъ для Энея (ст. 651—662):

„Душу примите сію и отъ горестей освободите!
 Въ мірѣ жила и судьбами назначенный путь совершила;
 Нынѣ великою тѣнью пойду въ преисподнія страны.
 Градъ знаменитый поставила, стѣны свои созерцала,
 Мужа отмстила, отъ лютаго брата возмездье взяла я.
 Звали бѣ блаженной, о слишкомъ блаженной меня, если бѣ только
 Нашего берега воввѣкъ не касались ладьи дарданійцевъ...
 Смолкла и, къ ложу прильнувъ: „умереть безъ отмщенья —
 Что же? умереть!“ говорить. „Да, вотъ этою самою смертью!
 Пламя мое отъ далекихъ пучинъ пусть же видитъ жестокій
 Дардановъ князь и предвѣстіе смерти съ собой пусть уноситъ!“

Конецъ пѣсни состоитъ изъ двухъ небольшихъ сценъ: отчаянія Анны и тирійцевъ и посланки Юноной Ириды для избавленія самоубійцы Дидоны отъ мучительной предсмертной агоніи.

¹⁾ Къ моему удовольствію, Heinze такого же мнѣнія объ этой сценѣ (133): „im Anblick der stummen Zeugen ihres kurzen Glücks findet sie die erhabene Ruhe des Verzichts...“

²⁾ Эта мысль о своемъ достоинствѣ у умирающей Дидоны прекрасно схвачена Петранкой въ Trionfo della Castità:

io dico, Dido che *studio di onestade* a morte spinse.

Замѣчаніе это тѣмъ болѣе цѣнно, что предшественникъ Петрарки Данте, этотъ великій почитатель Вергилія, смотрѣлъ нѣсколько односторонне на романъ Дидоны, находя въ немъ всего два момента — самоубійство Дидоны отъ любви и нарушеніе ея вѣрности праху Сихея (Infern. V 30: l'altra è colei che s'anchise amogosa e gippe fede al cener di Sicheo).

VIII.

Вергилій и Овидій. Эпизодъ о мечѣ.

Мы закончили характеристику интересной и величественной героини Вергилія. Къ ея образу неоднократно обращались подражатели Вергилія, но какъ они его искажали! Вслѣдъ за чтеніемъ Вергилія прямо досадно читать эти искаженія; однако же знакомство съ ними, съ научной точки зрѣнія, и необходимо и поучительно, такъ какъ оно вводитъ насъ въ общіе вопросы о перемѣнѣ вкусовъ и направленій въ римской литературѣ.

Однимъ изъ самыхъ раннихъ подражателей Вергилія былъ Овидій, и анализъ ихъ взаимоотношенія придется связать съ краткой характеристикой Овидія. Этотъ блестящій поэтъ отличался какимъ-то безграничнымъ, иногда пошловатымъ, иногда софистическимъ юморомъ; далѣе онъ былъ рабомъ ученаго и вычурнаго александрійскаго направленія, онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣрнымъ ученикомъ риторической школы съ ея шаблонными и искусственными софистическими и діалектическими фокусами, далекими отъ реалистическаго и болѣе здороваго краснорѣчія предыдущей эпохи; наконецъ, Овидій жилъ въ періодъ начинающагося нравственнаго упадка римскаго столичнаго общества. Овидій въ сущности понималъ кое-что въ построеніи Энеиды; между прочимъ онъ подмѣтилъ романтичность Дидоны: она говоритъ у него въ письмѣ къ Энею, «что, едва разслыжавъ его имя, она поторопилась отдать ему царство» (Her. VII, 90). Далѣе, Овидій способенъ понять и обстановку самоубійства, излагая только ее съ риторическими прикрасами (Metam. XIV, 79): «Дидонѣ очень трудно было перенести разрывъ съ Энеемъ, и она на кострѣ, сооруженномъ подъ предлогомъ жертвоприношенія, пала на мечъ, и будучи *обманута* (Энеемъ), *обманула* всѣхъ».

Но вообще Вергиліевская композиція чужда Овидію. Его забавляютъ, наприимѣръ, такія риторическія соображенія, что въ одинъ изъ моментовъ своей жизни Дидона *загорѣлась* (arserat... arserat) страстью къ Энею, въ другой она *сгорѣла* на кострѣ. Въ Arg Amatoria, III, 41, Овидій уже съ явною игривостью разсуждаетъ о томъ, что Дидона и ей подобныя героини погибли отъ неумѣнія любить, т.-е., проще сказать, отъ незнанія рецептовъ и наставленій его Artis Amatoriae. «Если бъ Филлида захотѣла взять меня въ учителя,—шутитъ онъ въ Remedia Amor., 55,—то была бы жива, и Дидона не увидала бы передъ смертью уходящихъ дарданскихъ кораблей... Дай мнѣ Федру, и у нея пройдетъ ея постыдная лю-

бовъ, дай мнѣ Париса, и Елена останется у Менелая, и Пергамъ не падеть отъ руки Данайцевъ». Такія чисто риторическія соображенія сближаютъ Овидія съ поздними толкователями Вергилія, напр., съ Авзоніемъ (IV в. по Р. Х.), эпиграмма котораго гласитъ: «Несчастливая Дидона, которой не посчастливилось ни за однимъ мужемъ: одинъ погибаетъ—ты бѣжишь, другой бѣжить—ты погибашь» (*hoc pereunte fugis, hoc fugiente peris*). Ср. французскую эпиграмму, приписываемую Корнелю:

„Didon, tes deux époux ont fait tous tes malheurs;
Le premier meurt—tu fuis, le second fuit—tu meurs“.

Эта наклонность къ риторикѣ заставила Овидія, между прочимъ, совершенно исказить эпизодъ о мечѣ, который, какъ мы видѣли, онъ способенъ былъ правильно понять.

Но этотъ мечъ, надо сказать, многимъ комментаторамъ Вергилія не давалъ покоя. Старые западно-европейскіе ученые задавали себѣ вопросъ: зачѣмъ Дидонѣ - женщинѣ понадобился мечъ? Они больше понимали то, что Эней, приглашенный впервые Дидоной на пиръ, подарилъ ей драгоценнѣйшіе троянскіе наряды, уцѣлѣвшіе отъ грома Трои. Надо однако имѣть въ виду одну мелкую подробность: именно къ моменту появленія Меркурія передъ Энеемъ послѣдній былъ не только одѣтъ въ тирійское платье, но также имѣлъ при себѣ мечъ съ драгоценными ножнами, подарокъ Дидоны; значить, по замыслу поэта выходитъ, что герой и героиня обмѣнялись мечами¹⁾. Но, главное, эти толкователи Вергилія упустили изъ виду то, что Дидона вѣдь не *tüchtige Hausfrau* нѣмецкаго геллертера, но чрезвычайно сильная, самостоятельная женщина, сумѣвшая еще въ Тирѣ привлечь на свою сторону цѣлую партію противниковъ тиранна Пигмаліона, снарядить флотъ, отплыть съ своими сторонниками въ невѣдомую страну, основать тамъ царство, утвердить въ немъ порядокъ и, что интересно, принять мѣры къ оборонѣ новой столицы отъ сосѣдей. Мечъ, какъ даръ отъ знаменитаго героя, не простая случайность у сильной царицы, живущей на военномъ положеніи. Не даромъ она, выслушавши рассказъ Энея, изумляется—въ бесѣдѣ съ своей сестрой—его военнымъ подвигамъ, тѣмъ великимъ войнамъ, въ которыхъ онъ участвовалъ.

Но римскіе подражатели и толкователи Овидія смотрѣли на дѣло съ другой точки зрѣнія. Силій Италикъ, какъ мы увидимъ ниже, видѣлъ въ этомъ мечѣ «залогъ любви» — выраженіе нѣсколько туманное, но, кажется, въ концѣ-концовъ правильное.

¹⁾ Ср. теперь Heinze, 139, прим. 2.

Овидій же подходилъ къ дѣлу, какъ я могу почти опредѣленно доказать, съ риторической и криминалистической точекъ зрѣнія. Его Дидона (ср. также Филлиду) изготавляетъ для себя слѣдующую эпитафію: «Эней далъ и причину смерти и мечъ, но погибла Дидона сама отъ своей руки». Это—реторическая градація съ криминалистическимъ отгѣнкомъ: Эней былъ *причиной* смерти Дидоны, онъ же оставилъ *средство* къ выполненію смерти, но выполнила ее Дидона *сама*. Конечно, кое-какія замѣчанія самого Вергилія способны дать поводъ къ такой комбинаціи, но въ общемъ она, разумѣется, до чудовищности нелѣпа. Съ научной точки зрѣнія важно однако именно то, что это, повидимому, не случайная нелѣпость.

Въ текстѣ Вергилія Дидона, собираясь покончить съ собой и желая замаскировать это намѣреніе отъ своей сестры, говоритъ (IV, 494—498), что она желаетъ уничтожить все, напоминающее ей объ Энеѣ, между прочимъ и оружіе, оставленное въ ея спальнѣ этимъ безбожникомъ (*impius*). Но, конечно, изъ Вергиліевскаго текста отнюдь не вытекаетъ, что безбожіе Энея состояло именно въ оставленіи меча у Дидоны.

Вѣдь *impius*—противоположно *pius*, а *pius*, по римскимъ воззрѣніямъ, былъ человѣкъ, свято исполнявшій свои нравственныя обязательства по отношенію къ религіи, къ родителямъ и роднымъ и къ отечеству и вообще ко всему тому, что могло считаться священнымъ, напр., къ клятвѣ и т. д. Между прочимъ *impius* можетъ быть, уже съ этихъ точекъ зрѣнія, синонимомъ *perfidus* (вѣроломный), *ingratus* (неблагодарный), *immemor* (непомнящій о благодареніи) ¹⁾.

Сопоставляя всѣ жалобы Дидоны Вергилія, мы и видимъ, что главные признаки *impietas* Энея въ ея глазахъ—это вѣроломство, клятвопреступничество и неблагодарность ²⁾.

Вообще, это—нормальное выраженіе глубокаго разочарованія въ существѣ, когда-то любимомъ, но измѣнившемъ любви съ ея священными клятвами и обязательствами. Въ этомъ отношеніи Вергилій соприкасается съ своимъ талантливымъ предшественникомъ Катулломъ, который, какъ извѣстно, съ чрезвычайной искренностью изображалъ подобное чувство разочарованія. Катулль, разочаровав-

¹⁾ Ср. Tibull. III, 4, 57 и 59 (*impia: nec fidum*), III, 6, 38 (*impia facta ingrati viri*), Ovid. Trist. V, 4, 43 (*memoremque piūque*), Ex. Pont. IV, 1, 7 и 9 (*gratus: impius*).

²⁾ Въ призывѣ къ *pietas* (IV, 316) она заклинаетъ Энея ихъ бракомъ и тѣмъ добромъ, которое она ему сдѣлала. Эней и троянцы, въ моментъ разочарованія, представляются ей *periuri*, *immemores* и, слѣдовательно, *imprii*, напр., IV, 539: *et bene apud memores veteris stat gratia facti*, 595: *nunc te facta impia tangunt...* и пр.

пись въ Лесбіи (Клодіи), которую онъ, впрочемъ, незаслуженно идеализировалъ, въ очень трогательномъ 76 стихотвореніи молить боговъ избавить его отъ трагической любви во имя его *pietas*, а *pietas* эта состоитъ въ томъ, что онъ никогда не нарушалъ священной *fides* (честности, честнаго слова) и ни въ одномъ союзѣ (*foedus*, разумѣя подъ этимъ, между прочимъ, и союзъ любви) не злоупотреблялъ божественной волей для того, чтобы обманывать людей; все хорошее, что люди кому-либо могутъ сказать или сдѣлать, все имъ сказано и сдѣлано. А въ стихотвореніи 73-емъ, гдѣ, впрочемъ, представлено разочарованіе въ дружбѣ, прямо предвосхищены негодующія жалобы Дидоны: «Пора отказаться отъ желанія оказывать кому-либо какія-либо услуги и отъ мысли, что кто-либо можетъ обнаружить (въ признательность за нихъ) *pietas* (*fieri pius*): все на свѣтѣ неблагодарно (*ingrata*), и никакой нѣтъ пользы дѣлать добро...»

Вотъ какой смыслъ имѣеть, по нашему мнѣнію, заявленіе Вергилиевой Дидоны объ *impietas* Энея.

Лишь испорченный риторической школой вкусъ позднѣйшихъ римлянъ, начиная съ Овидія, могъ подсказать имъ уродливое толкованіе *impietas* Энея въ смыслѣ оставленія имъ меча у Дидоны.

Толкованіе это цѣликомъ дано извѣстнымъ комментаторомъ Вергилія Сервіемъ Гоноратомъ какъ разъ въ объясненіи къ данному (496) стиху IV пѣсни: *impius*—«безбожный тотъ, кто оставилъ мечъ изступленному». Далѣе онъ прибавляетъ съ большой наивностью, что это будто бы взято изъ Гомера, по словамъ котораго Аяксу былъ подаренъ мечъ Гекторомъ, а Гектору Аяксомъ поясъ, каковыя дары послужили обоимъ на пагубу: одного тащили за этотъ поясъ, а другой покончилъ съ собой подареннымъ мечомъ. Оставимъ послѣднее разсужденіе, опирающееся въ сущности не на Гомера, но скорѣе до извѣстной степени на трагиковъ (именно на «Аякса» Софокла), и обратимъ особое вниманіе на основной тезисъ. Онъ напоминаетъ одну мысль Цицерона, можетъ быть служившую предметомъ упражненій въ риторическихъ школахъ (*De Officiis*, III § 95): «Иногда не слѣдуетъ исполнять обѣщаніе, и не всегда слѣдуетъ возвращать отданное на храненіе. Если кто-либо, будучи въ здоровомъ умѣ, оставить у тебя мечъ и потребуетъ его назадъ, будучи безумнымъ, то возвратить его было бы грѣхомъ, а не возвратить обязанностью».

Вотъ именно это реторико-философское положеніе, что безбоженъ оставляющій мечъ изступленному, и повторено, повидимому, Овидіемъ—почти буквально—въ одномъ его отзывѣ о Дидонѣ (*Arg. Amat.* III, 39): «Хоть и пользуется славой благочестія (*pietatis*), все-таки этотъ гость твой, Элисса, далъ тебѣ и мечъ, и причину твоей смерти!»

IX.

Дидона и Анна въ „Фастахъ“ Овидія. Пенелопа и Лукреція у Овидія. Силій Италикъ, какъ подражатель Вергилія и Овидія.

Обращаемся къ болѣе крупнымъ отрывкамъ изъ Овидіевскихъ подражаній Вергилію и прежде всего къ эпизоду объ италійской богинѣ Аннѣ Переннѣ, которую одна изъ легендъ отождествляла съ сестрой Дидоны Анной (Fast. III, 601). «Уже благочестивый Эней усилился, благодаря полученному имъ царству и дочери Латина; уже успѣлъ онъ смѣшать оба народа. Прогуливаясь на босу ногу неизвѣстной для другихъ дорогой, по берегу унаслѣдованной имъ страны, въ сопровожденіи одного только Ахата, онъ замѣчаетъ блуждающую женщину и не хочетъ вѣрить, что это Анна. «Зачѣмъ ей было приходиться въ латинскую область?» Въ то время какъ Эней такъ думаетъ про себя, — «это Анна», восклицаетъ Ахатъ. Услыхавъ свое имя, она подняла лицо. Куда ей бѣжать? Что дѣлать? Какой бездны искать на землѣ? Передъ ея глазами была участь ея несчастной сестры. Кибирейскій герой, замѣтивъ ея смущеніе, обращается къ ней съ такими словами (впрочемъ, онъ и самъ проливаетъ слезы, растроганный воспоминаніями о тебѣ, Элисса!): «Анна, клянусь тебѣ той землею, которая, какъ ты часто слышала отъ меня, уготована мнѣ судьбою, болѣе мнѣ благоприятной, чѣмъ она была прежде; именемъ боговъ, моихъ спутниковъ, лишь недавно водворенныхъ на этомъ мѣстѣ, клянусь, что именно они часто порицали меня за мое промедленіе! Однако я не боялся относительно смерти Дидоны, такого страха у меня не было. Горе мнѣ! Она оказалась рѣшительнѣе, чѣмъ можно было думать. Не рассказывай! Я видѣлъ самъ раны, не заслуженныя ея грудью, когда я осмѣлился явиться въ жилище Тартара. Но ты, привело ли тебя въ наши края твое собственное рѣшеніе или же воля боговъ, пользуйся всѣми удобствами, какія ты найдешь въ моемъ царствѣ. Многимъ обязаны мы тебѣ и не малымъ Элиссѣ и объ этомъ хранимъ воспоминаніе. Дорогая намъ сама по себѣ, ты будешь дорога и ради сестры твоей». Такимъ словамъ его она повѣрила—другой надежды у нея не остается—и изложила ему свои странствованія».

Отмѣтимъ два момента: 1) замѣчаніе Энея, что раны Дидоны не достойны ея груди, отдаетъ прямой пошловатостью; 2) я склоненъ теперь считать весьма характернымъ для поэзіи Овидія другое замѣчаніе Энея: «Я не боялся самоубійства Дидоны, но она оказалась мужественнѣе и рѣшительнѣе, чѣмъ я думалъ».

Итакъ, Овидій представляетъ себѣ Дидону слабенькой женщиной. Это очень характерно для него и для его направленія. Онъ былъ глубоко проникнутъ стилемъ александрійской поэзіи съ ея культомъ юной, кокетливой, граціозной и изнѣженной *ingénue*. Въ противоположность многимъ своимъ современникамъ (напр., Горацію, Проперцію, Т. Ливію) онъ не поклонникъ сходящаго со сцены старо-римскаго типа величественной, домовитой и добродѣтельной матроны, и онъ очень иронизируетъ надъ сабинскими матронами, которыхъ такъ уважаютъ Горацій и Проперцій. Поэтому почти всѣ до одной героини Овидія—милыя слабенькія существа. Дѣйствительно юная Геро, со страхомъ поджидающая приплытія Леандра, Пенелопа и знаменитая въ римской традиціи Лукреція у Овидія въ сущности ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга.

Его Пенелопа (*Heroid. I*) чувствуетъ себя беззащитной и безпомощной съ хитрыми женихами, она боится утратить любовь мужа, боится, что онъ найдетъ ее неинтересной и состарѣвшейся, боится даже, что онъ увлеченъ другою любовью (характерный для Овидія мотивъ ревности!) и, чего добраго, рассказываетъ ея соперницѣ о томъ, что его жена груба и способна только прясть шерсть. Пенелопа, какъ и всѣ другія героини, герои которыхъ воюютъ, страшно боится войны и проклинаетъ ее въ тонѣ элегіи. Время тянется скучно, и, какъ истая элегическая *ingénue*, она коротаетъ его за прялкой (характерное искаженіе Гомера!). Въ одномъ изъ мотивовъ Овидій имѣетъ предшественника въ Проперціи (*II, 9, 3—8*): послѣдній изобразилъ Пенелопу мужественной женщиной, какъ и у Гомера, но съ резонерствомъ александрійской школы подчеркнул, что ко времени возвращенія Одиссея она сдѣлалась старухой (дѣйствительно, 10 лѣтъ тянулась Троянская война и еще 10 лѣтъ Одиссей скитался: итого 20 лѣтъ разлуки!).

Лукреція (*Fast. II, 685—852*) обратилась у Овидія въ чисто-греческую *ingénue* комедій и элегій, напоминая нѣкоторыми чертами и Эврипидовскую Поликсену. Какъ всѣ героини Овидія, она въ кругу своихъ служанокъ проклинаетъ войну, на которую уѣхалъ ея мужъ Коллатинъ; при мысли о военныхъ опасностяхъ она замираетъ, заливаясь слезами, отчего, между прочимъ, хорошеетъ, склоняетъ голову. Въ такомъ видѣ застаютъ ее мужъ и царевичъ Секстъ Тарквиній, спорившіе о томъ, чья жена лучше. Секстъ влюбляется, тѣмъ болѣе, что Лукреція, какъ вообще всѣ Овидіевскія героини, обладаетъ бѣлоснѣжнымъ цвѣтомъ лица и золотистыми волосами. Но его плѣняютъ именно идиллическая красота и разнообразіе позъ сидящей Лукреціи: «такъ она сидѣла, такъ она была одѣта, такъ пряла, въ такомъ безпорядкѣ рассыпались по шеѣ ея

волосы», мечтаетъ онъ¹⁾). Для Овидія, въ противоположность Ливію, не то важно, что Лукреція прядетъ и обнаруживаетъ свою домовитость, но то, что она при этомъ находится въ симпатичной обстановкѣ. Да и передъ самоубійствомъ Лукреція Овидія совсѣмъ не похожа на Лукрецію Тита Ливія съ ея твердой рѣшимостью умереть. Хоть Овидій и приписываетъ ей мужественный характеръ, однако она такъ же граціозна и женственна, какъ и въ сценѣ за прялкой: она долго молчитъ, отъ стыда закрываетъ лицо платьемъ; трижды она пробуетъ говорить, но стыдится; наконецъ, она рассказала кое-что (ср. *Apoll. Rh.* III, 654), не поднимая глазъ, но конца рассказать не могла, снова заплакала и покраснѣла. Интересно, что эта Лукреція, подобно Эврипидовой Поликсенѣ, даже въ моментъ смерти заботится о томъ, чтобы сохранить красивую и приличную позу, въ противоположность отцу и мужу. (См. подробности въ моихъ «Матеріалахъ для характеристики Овидія», *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1901, № 7).

Переходимъ теперь къ Силію Италику. Этотъ почтенный, очень начитанный, но не очень даровитый поэтъ уже извѣстенъ намъ, какъ подражатель Вергилія. Его общую характеристику рекомендую прочесть у Риббека (*Gesch. d. Röm. Dichtung*, III, 191—207); тамъ же хорошо опредѣлено его отношеніе къ Вергилію. Между прочимъ, Силій подражаетъ одной знаменитой сценѣ въ 1-й гѣснѣ Энеиды: измученный кораблекрушеніемъ Эней съ трудомъ осваивается съ Ливіей, этой новой негостепріимной страной. Его нѣсколько ободряетъ своимъ рассказомъ о предприимчивой и много-терпѣвшей Дидонѣ мать его Венера, появившаяся ему въ образѣ охотницы. Онъ видитъ далѣе, какъ быстро строится новый городъ, и наконецъ трагическія изображенія изъ троянскаго цикла въ храмѣ Юноны, который строить Дидона, потрясаютъ его до глубины души. Измученному скитальцу все слишкомъ напоминаетъ о страданіяхъ его отечества и его близкихъ; съ другой стороны, онъ тронутъ тѣмъ гуманнѣмъ интересомъ, который проявила еще невѣдомая ему царица къ человѣческому горю, и онъ плачетъ слезами мученія и умиленія. Такова композиція у Вергилія.

У Силія (VI, 653 слѣд.) Ганнибалъ въ Кампаніи въ городѣ Литернѣ видитъ на одномъ храмѣ обидныя для его патріотическаго чувства изображенія разныхъ эпизодовъ 1-й Пунической войны. Нѣкоторыя подробности, пожалуй, и кровавы, но въ общемъ

¹⁾ Вообще, это—сентиментальный романъ въ духѣ александрійской поэзіи, и я сопоставилъ бы эти мечтанія Секста съ мечтаніями Медуи у александрійскаго эпика Аполлонія Родосскаго (*Arg.* III, 454: αὐτός θ' οἶος ἔτη οἴοισι τε φάσειν ἔστο, οἶά τ' ἔειπ, ὡς θ' ἔκετ' ἐπὶ θρόνου...).

Силій далъ обычную, довольно сложную картину римскаго триумфа съ описаніемъ разныхъ трофеевъ и церемоній и т. п. Если бы мы представили себѣ все его описаніе на мраморѣ, то это была бы довольно казенная, не очень потрясающая зрителя группа, но, что психологически понятно, группа при всей своей шаблонности безусловно тягостная для непріятеля. И вотъ Ганнибалъ (у Силія) все это разсматривалъ съ злобнымъ выраженіемъ лица, съ злобною усмѣшкой; у него медленно накапливается гнѣвъ, и наконецъ Ганнибалъ раздражается восклицаніями на тему, что онъ превзойдетъ непріятеля своими триумфами и что изукраситъ карагенскіе дома еще болѣе внушительными и болѣе кровавыми изображеніями. Въ заключеніе Ганнибалъ приказываетъ своимъ солдатамъ сжечь поскорѣй этотъ храмъ.

Но, описывая 2-ю Пуническую войну, великій поклонникъ Вергилія, Силій, не могъ пренебречь традиціоннымъ римскимъ мотивомъ, намѣченнымъ и у Вергилія въ самомъ бурномъ монологѣ Дидоны, именно, что великая война между двумя величайшими народами, карагенскимъ и римскимъ, коренится въ очень отдаленномъ прошломъ, въ трагическомъ романѣ Энея и Дидоны. Романическую окраску судьбѣ основательницы Карагена далъ еще греческій историкъ (IV—III вѣка) Тимей (впрочемъ, безъ упоминанія объ Энеѣ), сообщившій о хитрости Дидоны при покупкѣ земли и о ея самоубійствѣ на кострѣ, вслѣдствіе непріятнаго для нея ухаживанія мѣстнаго царя Іарбы (см. Юстина XVIII, гл. 4—6—извлеченіе изъ Помпея Трога). Повидимому, съ тѣмъ же романическимъ освѣщеніемъ трактовался этотъ мифъ однимъ изъ первыхъ римскихъ поэтовъ, современникомъ 1-й Пунической войны *Невиумъ* въ его *Bellum Punicum*. По крайней мѣрѣ въ его фрагментахъ есть упоминаніе о пребываніи Энея въ Карагенѣ у Дидоны, и сама Дидона упоминается тамъ вмѣстѣ съ сестрой своей Анной, которая у Вергилія играетъ роль посредницы.

Такая постановка дѣла, можетъ быть, носить на себѣ греческое вліяніе: вѣдь греки, начиная съ отца исторіи Геродота, любили разсуждать на ту тему, что, напримѣръ, между двумя мірами, Европой и Азіей, возникла тяжелая война изъ-за женщины, именно изъ-за Елены.

Какъ бы то ни было, усвоивши себѣ традиціонную романическую легенду объ отдаленной причинѣ вражды между римлянами и карагенянами, Силій Италикъ не могъ оставить безъ вниманія исторію Карагена при Дидонѣ и непосредственно послѣ ея смерти. Этимъ объясняется то, что онъ, между прочимъ, подвергъ новой переработкѣ эпизодъ объ Аннѣ, обработанный Овидіемъ. Эта пере-

работка основана на мотивахъ и овидіевскихъ и вергилиевскихъ съ присовокупленіемъ собственныхъ измышленийъ поэта. Отъ Овидія Силій Италикъ отступаетъ въ двухъ характерныхъ пунктахъ. 1) Силій очень смягчаетъ мотивъ ревности Лавиніи къ Аннѣ. У Овидія дѣло представлено по его обычному шаблону такъ: Анна, встрѣтившись съ Энеемъ, получаетъ отъ него приглашеніе воспользоваться его гостепріимствомъ. Одѣвшись въ тирійскій костюмъ (т.-е. значить въ роскошное ярко-пурпуровое платье), она вступаетъ во дворецъ Энея (III, 527 — 638), и Эней въ присутствіи своего двора обращается со слѣдующими словами къ своей женѣ Лавиніи: «Нравственный долгъ заставляеть меня, супруга моя Лавинія, поручить эту женщину именно твоему вниманію. Когда я потерпѣлъ кораблекрушеніе, я пользовался ея средствами. Родилась въ Тирѣ, обладала царствомъ въ Ливійскомъ краю та, о которой прошу тебя, чтобы ты любила ее, какъ родную сестру». Все обѣщаетъ Лавинія, скрывая въ глубинѣ души воображаемую рану; хотя и негодуеть, но скрываетъ негодованіе; видя, какъ на ея глазахъ Аннѣ явно приносятъ много даровъ, она думаетъ, что ей и тайно ихъ посылаютъ. Она еще не обдумала, что ей дѣлать. Она безумно ненавидитъ Анну, готовитъ ей засаду и желаетъ умереть, отомстивъ за себя. Была ночь. Предъ постелью сестры, казалось, предстала окровавленная Дидона съ свалывшимися волосами и говорила ей: «Бѣги не колеблясь изъ этого печальнаго для тебя дома». Вслѣдъ за этими словами вѣтеръ привелъ въ движеніе двери, и опѣ жалобно заскрипѣли. Анна соскакиваетъ (съ постели) и быстро бросается на поле изъ низкаго окна; самый страхъ сдѣлалъ ее отважною. И бѣжитъ она, одѣтая въ неподпоясанную тунику, туда, куда влечетъ ее страхъ, какъ бѣжитъ, слышавъ волковъ, устрешенная серна. Есть преданіе, что рогатый Нумицій, страстно влюбленный въ нее, похитилъ ее своими волнами и укрылъ въ тихихъ водахъ». Но мотивъ ревности—блестящій нарядъ Анны—для Овидія довольно шаблоненъ. Совершенно такъ же описываетъ онъ ревность жены Геркулеса Деяниры при видѣ нарядной плѣнницы Юлы (Heroid. IX, 125). Силій Италикъ, повторяемъ, сильно смягчилъ этотъ мотивъ ревности у Лавиніи. По его разсказу, Анна, принятая въ домъ Энея, сразу успокоилась. И вотъ появляется ей во снѣ Дидона и произноситъ цѣлую рѣчь, состоящую главнымъ образомъ изъ вергилиевыхъ стиховъ (VIII, 161 слѣд.). Лишь мимоходомъ упоминая о козняхъ ревливой Лавиніи, Дидона вообще не совѣтуетъ оставаться среди коварныхъ потомковъ Лаомедонта, принесшихъ несчастіе ей и ея странѣ, тѣмъ болѣе что между потомками Энея и тирійцами никогда не будетъ мира. Далѣе въ рѣчи

Дидоны идетъ курьезная обработка Овидіевой темы. Дидона совѣтуетъ сестрѣ бѣжать къ рѣкѣ Нумику: ее тамъ нимфы радостно примутъ въ священныя воды (у Овидія это дѣлаетъ самъ богъ Нумикъ, влюбленный въ Анну), и она сдѣлается божествомъ, вѣчно прославляемымъ въ Италіи.

2) Второе отступленіе отъ Овидія еще болѣе интересно. У Овидія Эней проситъ Анну не рассказывать о смерти Дидоны, и это во всякомъ случаѣ умно, такъ какъ читателямъ Овидія хорошо былъ извѣстенъ рассказъ самого Вергилія. У Силія Эней, наоборотъ, требуетъ этого рассказа, и вотъ мы встрѣчаемъ краснорѣчивое, но необыкновенно уродливое подражаніе Вергилію съ присоединеніемъ нѣсколькихъ искажающихъ Вергилія мотивовъ Овидія и собственныхъ добавленій. Дѣло представлено такъ. Желаніе Энея узнать о смерти Дидоны пугаетъ измученную злоключеніями и кораблекрушеніемъ Анну, и изъ страха передъ Энеемъ она рассказываетъ очень тенденціозно. Хотя слезы и мѣшаютъ говорить ей, тѣмъ не менѣе она не теряетъ самообладанія и въ свой рассказъ вставляетъ «соотвѣтственно обстоятельствамъ льстивыя замѣчанія». Льстивы и слишкомъ изысканы въ реторическомъ отношеніи уже первыя ея слова: «сынъ богини, ты былъ единственнымъ источникомъ царства и жизни для моей сестры—свидѣтельство этому ея *смерть* и ея знаменитый костеръ». Мы помнимъ очень естественное негодованіе Дидоны при видѣ отплывающихъ кораблей Энея, мы помнимъ и ея опять-таки естественное колебаніе, не отправится ли ей съ Энеемъ. У Силія въ рассказѣ Анны дѣло просто: послѣ отъѣзда Энея Дидона любить то сидѣть, то стоять на берегу; слѣдя за вѣтрами, она громко зоветъ Энея и молитъ его взять ее одну на свой корабль въ спутницы. Затѣмъ она бѣжитъ въ свою спальню и страстно обнимаетъ статуэтку Іула или же, устремивши свои взоры на изображеніе самого Энея, не сводитъ съ него глазъ, изливается передъ нимъ въ жалобахъ и надѣется на отвѣтъ. «Любовь никогда не оставляетъ надежды», прибавляетъ поэтъ съ глубокомысліемъ, не соотвѣтствующимъ ситуациі, и вотъ Дидона опять бѣжитъ къ гавани въ надеждѣ, что перемилятся вѣтры и снова возвратятъ ей Энея. Безчестность и лживость массилійцевъ заставила Дидону снизойти даже до магіи, и въ то время какъ массилійскіе жрецы вызывали божества и общались испѣлить ее отъ кручины («я сама,—прибавляетъ Анна,—будучи обманута, видѣла это безбожіе!»), она покончила съ собой.

Этотъ рассказъ возрождаетъ въ Энеѣ сладостную любовь къ Дидонѣ. Эней повторяетъ то, что намъ извѣстно изъ Вергилія, именно что ему тяжело было покинуть Карфагенъ, но что къ этому

онъ былъ вынужденъ грознымъ приказомъ боговъ; рѣчь свою онъ заключаетъ глубокомысленнымъ замѣчаніемъ: «зачѣмъ же—увы! (за-поздалое предостереженіе!)—въ такое время дали вы развиться до изступленія этой любви, оставивъ ее безъ присмотра?»

Анна отвѣчаетъ ему прерывающимся шопотомъ, съ рыданіемъ, съ дрожью губъ, сохраняя опять-таки самообладаніе (и безбожно искажая Вергилія). Она будто бы сама помогала сестрѣ въ жертвоприношеніи подземнымъ богамъ, чтобы этимъ ея несчастная въ бракѣ сестра могла облегчить свое больное сердце; она сама вела за собою жертвенныхъ животныхъ и дѣлала это, чтобы отвратить зловѣщее сновидѣніе, потрясшее ее: ей, Аннѣ (какое искаженіе!), будто бы показался во снѣ Сихей и трижды съ громкимъ крикомъ и съ выраженіемъ радости на лицѣ (радость непонятная!) трижды звалъ къ себѣ свою Дидону. И вотъ Анна молитъ боговъ, чтобы они обратили этотъ тяжелый сонъ въ благопріятный, и для жертвоприношенія омывается въ текучей водѣ. Тѣмъ временемъ Дидона будто бы, поспѣшивъ къ берегу, нѣсколько разъ поцѣловала нѣмой песокъ, на которомъ стоялъ Эней, затѣмъ собравъ повсюду этотъ песокъ тамъ, гдѣ были видны слѣды Энея, она грѣла его на груди, подобно тому какъ осиротѣвшія матери прижимаютъ къ сердцу пепель своихъ преданныхъ сожженію дѣтей. Далѣе Дидона съ распущенными волосами, но зато въ большемъ нарядѣ — въ фригійскомъ пурпурномъ платѣ и въ жемчужномъ ожерельѣ (это былъ, повидимому, даръ Энея, см. Аен. I, 654) бѣжитъ къ костру. Здѣсь она вспомнила тотъ день, въ который она впервые увидала дары Энея (богатѣйшіе троянскіе наряды, напр., уборъ Елены, полученный въ даръ отъ ея матери Леды, см. I, 167 слѣд.), привела себѣ на память торжественные пиры, на которыхъ Эней по порядку до утра рассказывалъ о страданіяхъ Трои; затѣмъ Дидона, обративъ къ гавани полные слезъ глаза, произноситъ послѣднія слова, нелѣпо пародируя Вергилія съ курьезными, частью Овидіевскими добавленіями: она довольна тѣмъ, что она отомстила за мужа, что она была свидѣтельницей постройки твердынь Кареагена; она увѣрена, что сойдетъ въ подземное царство великою тѣнью (это—Вергилій), съ другой стороны, ее тѣшитъ тщеславное соображеніе, что она была супругой самого Энея и, значитъ, невѣсткою Венеры (это—Овидій); наконецъ, она размышляетъ и о томъ, что, можетъ быть, ее ожидаетъ и ея первый мужъ, съ которымъ ее когда-то сблизила сладостная любовь и который теперь, можетъ быть, желаетъ отвѣтить на ея любовь такъ же, какъ отвѣчалъ прежде. Послѣ этого Дидона пронзаетъ себя мечомъ Энея, полученнымъ «въ залогъ любви» (149).

X.

Овидій: посланія Филлиды къ Демофоонту и Дидоны къ Энею.

Теперь мы остановимся на очень своеобразномъ подражаніи Вергилію—на Овидіевомъ письмѣ Дидоны къ Энею передъ самоубійствомъ (Heroid. VII).

Но намъ уже приходилось говорить, что, можетъ быть, еще ближе стоитъ къ Энеидѣ параллельное Овидіево посланіе Филлиды (Her. II), еракійской царевны, слишкомъ довѣрчиво принявшей сына Тезея Демофоонта и въ концѣ-концовъ покинутой имъ. Во всякомъ случаѣ изъ схемы этого послѣдняго посланія легко выдѣляются мотивы, знакомые намъ изъ Вергилія.

Какъ Дидона, Филлида чинить корабли Демофоонта, даетъ ему пристанище послѣ долгихъ скитаній, надѣляетъ его дарами. Далѣе она вспоминаетъ, что ихъ сближеніе сопровождалось неблагопріятными предзнаменованіями—неблагопріятными были они и для Вергилиевой Дидоны.

Какъ и Дидона, Филлида жалуется на нарушеніе Демофоонтомъ клятвъ въ вѣрности; точно такъ же, какъ Дидона, изъ-за связи съ пріѣзжимъ героемъ, она становится ненавистной для мѣстныхъ претендентовъ на ея руку. Она точно такъ же падаетъ въ обморокъ, и ее выносятъ служанки.

Далѣе, подобно Дидонѣ, она проклинаетъ вѣроломнаго любовника и желаетъ, чтобы ея образъ всюду его преслѣдовалъ. Наконецъ, подобно уже Овидіевой Дидонѣ, она сочиняетъ себѣ эпитафію, совпадающую съ эпитафіей Дидоны.

Обращаемся къ посланію Дидоны.

Но предварительно еще разъ припомнимъ Вергилія. Измученная страстью Дидона въ послѣдній моментъ предсмертной апатіи старается поменьше думать о любви и главнымъ образомъ подводить итоги своей предыдущей славной жизни.

У Овидія, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ посланіяхъ его героинь, дѣло обстоитъ приблизительно такъ: Дидона держитъ въ одной рукѣ мечъ, приставивъ его къ своей груди, а въ другой перо, чтобы передъ смертью послать неизвѣстно куда скрывшемуся измѣннику письмо въ 196 длинныхъ стиховъ.

Мотивъ письма (передъ самымъ моментомъ самоубійства), изложенный наполовину Вергилиевымъ языкомъ, таковъ: «Я потеряла мои заслуги, мою славу, мою честь и мое цѣломудріе, а потому терять слова—пустякъ».

Содержаніе письма—это прежде всего конспектъ изъ 1-й по-

ловины Энеиды, при чемъ Дидона Овидія повторяетъ разсужденія не только Вергиліевой Дидоны, но также и Анны, Юпитера, Юноны и даже Энея.

Напримѣръ, Дидона Вергилія не занята прямо практическими матримоніальными соображеніями; у Вергилія это—дѣло Анны. Вергиліева Дидона сначала мучится, но затѣмъ послѣ сцены на охотѣ объявляетъ свой романъ съ Энеемъ бракомъ.

У Овидія Дидона повторяетъ то же, что Вергиліева Дидона съ присовокупленіемъ аргументовъ Анны: «Божественное происхожденіе матери, старикъ-отецъ, какъ ноша на плечахъ любящаго сына— это внушило мнѣ надежду, что нашъ бракъ будетъ законнымъ и прочнымъ».

Юнона у Вергилія въ разговорѣ съ Венерой предлагаетъ основать Энею свое обѣтованное царство не въ Италіи, но въ Карфагенѣ, получивъ отъ Дидоны въ приданое тирійцевъ; то же предлагаетъ самому Энею Овидіева Дидона.

У Вергилія Юпитеръ черезъ Меркурія напоминаетъ Энею, чтобы онъ позаботился по крайней мѣрѣ о своемъ сынѣ Асканіи (Іулѣ). Оправдываясь передъ Дидоной, Эней ссылается на судьбу Асканія. Вергиліева Дидона вообще очень привязана къ мальчику, напоминающему любимаго ею отца, но она не думаетъ о немъ въ самый моментъ смерти, мало того: въ бурномъ монологѣ передъ рѣшеніемъ покончить съ собой она задается даже, наподобіе Медеи или Фіеста, ужасною мыслью—изрубить и зажарить Асканія и поднести его отцу на обѣдѣ.

Овидіева Дидона непосредственно передъ самоубійствомъ черезчуръ занята именно любовью къ Асканію, отчасти повторяя заботы Юпитера и Энея: «о себѣ я не забочусь; нужно только пощадить маленькаго Іула»; Іулу она особенно желаетъ удачи и счастливаго исполненія того, что ему предназначено судьбою; мало того: понимая, какъ всѣ элегическія героини, въ родѣ юной Геро, что мужчины ищутъ себѣ развлеченія или отвлеченія въ войнѣ и охотѣ, она остроумно предлагаетъ Энею остаться съ Іуломъ въ Карфагенѣ: «если Іулу нуженъ триумфъ, если ему нуженъ врагъ для одержанія надъ нимъ побѣды, то мы его доставимъ. Вообще, Карфагенъ удобенъ и для военной и для гражданской законодательной дѣятельности».

Далѣе Эней у Вергилія въ первомъ отвѣтѣ на рѣчь обиженной Дидоны сказалъ, что ему никогда не будетъ *досадно* вспоминать (*pigebit*); примѣрно то же повторяетъ Дидона Овидія: «если бы Эней, помимо всѣхъ прочихъ соблазнительныхъ качествъ, отличался вѣрностью, то ни въ какомъ отношеніи нельзя было бы на него *досадовать* (*pigendus*)».

Отмѣтимъ затѣмъ курьезныя преувеличенія Вергилиевыхъ мотивовъ. Въ одинъ изъ моментовъ Дидона готова на уступки, готова поступиться чувствомъ своего достоинства, особенно сказавшимся передъ самой смертью: «моли врага,—говоритъ она Аннѣ,—чтобы онъ былъ гуманнѣе»; но при началѣ разрыва Дидона въ обращеніи къ Энею называетъ его «гостемъ», такъ какъ только это званіе осталось для нея отъ званія «супруга». Овидіева Дидона уступчивѣе: «если тебѣ стыдно называть меня своей женой, то называй меня принявшей тебя въ гости хозяйкой (*hospita*). Лишь бы Дидона была твоей, она согласится быть чѣмъ угодно!»

Дидона Вергилія проситъ Энея нѣкоторое время остаться, чтобы дать успокоиться ея безнадежной страсти. Дидона Овидія, повторяя эту просьбу, предупредительно добавляетъ: «поручи мнѣ самой наблюдать за погодой и за временемъ твоего отъѣзда; ты отправишься позднѣе, и если ты захочешь отправиться, то я не дамъ тебѣ оставаться».

У Вергилія Эней въ первомъ отвѣтѣ на гнѣвную рѣчь Дидоны неловокъ и немного авантюристъ, у Овидія же онъ окончательно произведенъ въ таковыя, при чемъ Дидона, какъ и подобаешь всѣмъ Овидіевымъ ревнивымъ героинямъ, обнаруживаетъ нѣкоторую ревность къ будущимъ романическимъ успѣхамъ Энея. «Почему погибла его супруга Креуза? (О ней очень трогательно рассказано въ концѣ 2-й пѣсни Энеиды.) Несомнѣнно, потому, что она была покинута своимъ жестокимъ мужемъ». «Зачѣмъ Эней ѣдетъ въ Италію? Конечно, затѣмъ, чтобы обольстить и обмануть еще одну женщину и воспользоваться ея приданымъ». «Не даромъ и боги наказываютъ подобнаго человѣка: вѣдь его ужъ седьмой годъ бури гоняютъ по морямъ и землямъ»

Мы подходимъ теперь къ особенно характернымъ Овидіевымъ мотивамъ этого посланія. У Дидоны сказывается уже (слишкомъ нелѣпо выдвинутое въ послѣдствіи Силіемъ Италикомъ) тщеславное соображеніе, что въ качествѣ жены Энея она—невѣстка Венеры; далѣе она резонно подчеркиваетъ, что Эней такимъ образомъ братъ Амура; отсюда одинъ только шагъ до извѣстнаго въ элегіи эротическаго тезиса, что любовь съ ея разнообразными лишеніями можно уподобить военной службѣ, и что герою романа, какія бы страны ему ни суждено было покорить, лучше бы вести, такъ сказать, *Krieg im Frieden* и служить въ лагерѣ Амура (32, ср. письмо Елены къ Парису: *bella gerant alii, tu, Pari, semper ama*; или Лаодаміи къ Протесилаю: *bella gerant alii, Protesilaus amet!*)

Но разъ зашла рѣчь объ эротикѣ Овидія, то надо отмѣтить еще одну тонкую подробность.

Мы сказали, что Овидій способенъ былъ кое-что понять въ композиціи Вергілія, между прочимъ ту послѣднюю, съ которой Дидона влюбилась въ Энея. Это выражено у него курьезно: «я отдала тебѣ царство, едва разслыхавъ твое имя». Это нѣсколько напоминаетъ псевдоромантическое разсужденіе Париса въ письмѣ его къ Еленѣ (XV, 36 слѣд.): «я почувствовалъ къ тебѣ страсть прежде, чѣмъ ты стала мнѣ знакома; твое лицо я видѣлъ душой своей прежде, чѣмъ глазами. Всему этому предшествовала слава о твоей красотѣ».

Далѣе, у Овидія проскальзываетъ столь свойственный ему юмористическій атеизмъ: «ты безбожникъ,—разсуждаетъ Дидона—тебѣ грѣшно касаться боговъ, и если именно тебѣ суждено было сдѣлаться почитателемъ пенатовъ, спасенныхъ изъ пламени, то жаль, что эти боги спаслись изъ пламени».

Многія героини Овидія любятъ ссылаться на атеизмъ или на систематическое преслѣдованіе судьбы (это, между прочимъ, одна изъ темъ Эврипида). И вотъ Овидіева Дидона на свой ладъ конспектируетъ эпизодъ изъ разсказа Вергілія. Оказывается, судьба преслѣдуетъ ее вплоть до смерти съ упорнымъ постоянствомъ: погибъ ея супругъ, она бѣжитъ въ изгнаніе отъ жестокаго брата, приплываетъ въ невѣдомыя страны, покупаетъ береговую полосу, которую потомъ даритъ вѣроломному Энею. Чужестранка и притомъ женщина, она живетъ въ новой странѣ на военномъ положеніи. Ее осаждаютъ женихи на томъ основаніи, что она предпочла имъ богъ знаетъ кого. Энею остается только предать ее въ руки Іарбы. Да и одинъ ли Іарба ей опасенъ? А безбожный братъ, уже обagrившій свои руки кровью ея мужа и желающій обagrить себя и ея кровью? (Это—нѣкоторый рефлексъ изъ перваго отвѣта Анны у Вергілія).

Дидона Вергілія часто ссылается на нарушеніе вѣрности праху Сихея. То же дѣлаетъ она и у Овидія: она готова идти къ Сихею, но она «полна стыда», а потому и медлитъ. При этомъ она въ тонѣ Овидіевой элегіи и *Artis Amatoriae* своеобразно извиняетъ себя: конечно, ей стыдно, но вѣдь она напала на очень соблазнительнаго и искуснаго кавалера, что и уменьшаетъ ея провинность (ср. разсужденіе Елены въ отвѣтъ на письмо Париса, Нег. XVI, 65).

Есть у Овидія и чисто криминалистическіе мотивы. Такъ, подобно Аріаднѣ, покинутой Тезеемъ (Нег. X, 129), Дидона желаетъ, чтобы въ формулярѣ Энея красовались ея обольщеніе и ея смерть; въ концѣ посланія эти мотивы переплетаются съ курьезнымъ резонерствомъ и дешевыми риторическими фокусами: «О, если бы ты взглянулъ на видъ пишущей тебѣ! Я пишу, а надъ моей грудью—

троянскій мечъ! И со щекъ капають слезы на обнаженный мечъ, который скоро вмѣсто слезъ будетъ обогреть кровью. До какой степени соотвѣтствуетъ твой даръ моей судьбѣ! Моя смерть тебѣ обходится такъ дешево. Впрочемъ, не въ первый разъ поражаетъ мое сердце ударъ: оно уже имѣетъ рану отъ грознаго Амура». (Эпитафія, которую сочиняетъ себѣ Дидона, намъ уже извѣстна.)

Въ этой послѣдней цитатѣ очень ясна женщина съ утонченнымъ риторическимъ образованіемъ, не покидающимъ ея до самаго момента самоубійства. И эта реторика разлита, иногда до игривости, во всемъ письмѣ Дидоны, ср. 8: «итакъ, одни и тѣ же вѣтры унесутъ и паруса твоихъ кораблей и твою вѣрность?» Ст. 9: «ты, значить, рѣшилъ *отвязаться* отъ нашего союза и *отвязать* свои корабли». 13: «ты бѣжишь отъ того, что уже сдѣлано, и стремишься къ тому, что предстоитъ еще сдѣлать». Обыкновенно герои жалуются на измѣнчивость своихъ вѣтреныхъ героевъ. Но эта Дидона игриво желаетъ, чтобы Эней уподобился по своей измѣнчивости вѣтрамъ, дующимъ теперь въ зимнее время. Эти измѣнчивые вѣтры и волны оказываются справедливѣе Энея!

Въ своихъ Амогес, да и въ другихъ своихъ произведеніяхъ, Овидій любитъ острить надъ тѣмъ, какъ боги рѣкъ, боги *холодныхъ водъ*, могутъ чувствовать любовное *пламя* къ земнымъ красавицамъ. Его Дидона не воздержалась отъ противопоставленія воды и огня. Представляя себѣ, что Эней, спасшій изъ Трои пенатовъ, можетъ погибнуть на морѣ, она съ комизмомъ восклицаетъ: «неужели *волна* потопитъ спасенныхъ отъ *огня* боговъ?»

Наконецъ, еще одна, уже чисто литературная подробность: Овидію, этому распущенному юмористу, очень нравилось мрачное, трагическое *odi et amo* (ненавижу и люблю) Катуллы. Въ нѣкоторыхъ своихъ элегіяхъ (Амогес) онъ очень любитъ пародировать это изреченіе, иногда просто съ пошловатостью, иногда въ соединеніи съ юмористическимъ резонерствомъ (напр., Амог. II. 4,5; III. 11, 34: *hac amo, hac odium, sed, puto, vincit amo* (III, 14,39). Нѣчто подобное, только ужъ въ очень запутанной формѣ, мы встрѣчаемъ въ посланіи Дидоны (26—30): «И ночью, и днемъ я вспоминаю объ Энеѣ. Онъ, правда, неблагодаренъ и глухъ на мои дары, онъ таковъ, что я желала бы обходиться безъ него, если бы не была неразумной, и однако у меня нѣтъ ненависти къ Энею при всѣхъ его дурныхъ замыслахъ, но я жалею на его невѣрность, а послѣ этихъ жалобъ люблю его съ еще большей страстностью». (Ср. Катулль 72, ст. 5 слѣд.)

Въ заключеніе этого анализа позволимъ себѣ подробно разъяснить одно коренное различіе между Вергиліемъ и Овидіемъ. При-

помнимъ первую рѣчь Вергиліевою Дидоны къ Энею по поводу его отъѣзда. Начавъ ее въ тонѣ сильнаго негодованія, Дидона оканчиваетъ ее мягкимъ и полнымъ благородства призывомъ къ состраданію. Вѣдь ей, между прочимъ, грозитъ положеніе плѣнницы у грубаго царя Іарбы, котораго она презираетъ. Но если бы у нея остался отъ связи съ Энеемъ сынъ, напоминающій его своею наружностью, и если бы этотъ ребенокъ игралъ у нея на дворѣ, то и съ положеніемъ плѣнницы она готова помириться (Aen. IV, 327).

У Овидія отсюда получился одинъ изъ серьезныхъ пунктовъ обвиненія (ст. 133): «преступный, ты, можешь быть, оставляешь Дидону беременной, и часть тебя, можешь быть, кроется заключенная въ моемъ тѣлѣ. Къ смерти матери прибавится смерть несчастнаго младенца, и ты будешь виновникомъ смерти того, кто еще не родился. Вмѣстѣ съ своей матерью погибнетъ братъ Іула...»

Но это типичная криминалистическая амплификація, и, по моему убѣжденію, въ этомъ измѣненіи Вергиліевскаго сюжета мы имѣемъ явный слѣдъ вліянія на Овидія риторической школы. Эней виновать 1) въ смерти того, кто еще не родился; 2) передъ Дидоной онъ виновать *вдвойнѣ*, такъ какъ къ ея смерти можетъ *прибавиться* (accedet—явная градація для усиленія эффекта) смерть воображаемаго ребенка; 3) Эней виновать и передъ собственнымъ сыномъ Іуломъ, который можетъ лишиться воображаемаго брата.

Приблизительно такую же амплификацію я нахожу въ знаменитой рѣчи Цицерона за Клюэнция, именно въ 11-ой главѣ, гдѣ ораторъ говоритъ о злодѣянιάхъ Опшаника: «такъ какъ Аурія, жена его брата, была беременна, и рассчитывали, что уже приближаются роды, то онъ умертвилъ ядомъ женщину, чтобы вмѣстѣ съ ней было убито и то, что было зачато отъ брата...» «Такимъ образомъ, онъ умертвилъ женщину, чтобы рожденное ею не отстранило его отъ братнина наслѣдства, а *дтей* брата онъ *лишилъ* жизни, *прежде чѣмъ они могли увидѣть этотъ предназначенный имъ природой свѣтъ...*» «Я припоминаю, что когда я былъ въ Азіи, то одна милесійская женщина за то, что она, взявъ съ наслѣдниковъ второй степени деньги, сама себѣ, при помощи лѣкарства, устроила преждевременные роды,—была осуждена на смерть какъ бы за уголовное преступленіе, и это справедливо, такъ какъ она *уничтожила надежду родителей, память имени, опору рода, наслѣдника семьи, будущаго гражданина государства*. Насколько большей кары достоинъ Опшаникъ при нарушеніи такого же права! И дѣйствительно, она мучила сама себя, учинивъ насиліе надъ собственнымъ тѣломъ, а онъ достигъ того же самаго при помощи смерти и мученія чужого тѣла. Прочіе, какъ кажется, не могли

учинить *многихъ* убійствъ надъ *отдѣльными* людьми; напелся Оппіаникъ, который въ *одномъ* тѣлѣ убиваетъ *нѣсколькихъ*».

Схема Цицерона, пожалуй, еще подробнѣе, чѣмъ схема Овидія, но сходство между ними полное: вѣдь и у Цицерона дѣяніе Оппіаника есть преступленіе по меньшей мѣрѣ 1) передъ беременной женщиной, 2) передъ неродившимся еще младенцемъ и 3) передъ родными младенца, въ частности—передъ его отцомъ.

Къ счастью, мы имѣемъ еще образецъ школьной декламации на сходную тему изъ временъ имперіи (Ps. Quint. Decl. 277): «мужъ, застигнувши свою беременную жену in adulterio, убиваетъ ее. Его привлекаютъ къ суду по обвиненію въ убійствѣ». Одинъ законъ прощаетъ мужу убійство жены, пойманной in adulterio, а другой отсрочиваетъ наказаніе беременныхъ до дня родовъ. Мужъ строить свое оправданіе на первомъ законѣ, но готовъ признать, что, съ точки зрѣнія второго закона, онъ дѣйствительно совершилъ челоукоубійство, и «если и число можетъ *увеличить* одіозную сторону его дѣянія, онъ убилъ *двухъ*» и т. д.

Вообще, кажется, довольно ясно, что мы имѣемъ въ данномъ случаѣ у Овидія locus communitis уголовного краснорѣчія ¹⁾.

(Окончаніе слѣдуетъ).

М. М. Покровскій.

1) Послѣ этого намъ будетъ понятно одно неправильно истолкованное комментаторами мѣсто изъ 11-го посланія Овидія.

Тема этого посланія, крайне необычная для современнаго челоука, трактовалась однако греческими трагиками, начиная съ Эврипида, и состоитъ въ слѣдующемъ: дочь царя Эола Канака влюблена въ своего родного брата Макарея и беременна отъ него. Наступаютъ трудные роды. „Смерть была передъ моими глазами, пишетъ Канака, и Луцина (богиня родовъ) отказывала въ помощи; да если бы я и умерла, то самая смерть была бы тяжкимъ преступленіемъ“ (ст. 56: et grave, si morerer, mors quoque crimen erat). Передъ кѣмъ была бы *преступной* эта смерть, спросимъ мы? Надо думать, передъ ребенкомъ,—ср. приведенный выше рассказъ Цицерона о женщинѣ изъ Милета. И вотъ Канаку утѣшаетъ ее братъ и между прочимъ говоритъ (ст. 59): „живи и гибелью тѣла *одною* существа не губи *двухъ*“ (nec unius corpore perde *duos*). По нашему это значить: „не губи себя и нашего ребенка“, и мы не можемъ согласиться съ комментаторомъ Овидіевыхъ посланій Palmer'омъ, который въ этихъ *двухъ* существахъ видитъ не Канаку съ ребенкомъ, а Канаку съ Макареемъ (*duos*: yourself and me).

Хроника науки, искусства и литературы.

Биологическія основы цивилизаціи. Развитие общественныхъ союзовъ всюду совершается на почвѣ опредѣленныхъ біологическихъ и физиологическихъ условій. Уже марксизмъ заключаетъ въ себѣ слабые намеки на необходимость этого положенія. Но „личность“ и „общество“ съ точки зрѣнія социализма являются еще всецѣло абстрактными понятіями, лишенными крови и плоти. Теорія социализма не имѣетъ подъ собою антропологической опоры. Это ея роковой недостатокъ. Она совершенно упускаетъ изъ вида, что личность со всѣми ея врожденными способностями и особенностями органически сращена съ расою и семьею; что семья и племя и происходящіе изъ нихъ классы имѣютъ реальную антропологическую подкладку. Развитие способностей, интересовъ и потребностей неминуемо вызываетъ постоянную дифференцировку общества на отдѣльныя группы, которыя являются воплощеніемъ опредѣленныхъ естественно-историческихъ признаковъ и особенностей. Сущность общественно-политической организаціи народовъ останется невыясненной до тѣхъ поръ, пока *самъ человекъ будетъ играть въ исторіи роль тѣни и отвлеченнаго понятія*. Человека необходимо изучить въ томъ видѣ, въ какомъ мы дѣйствительно встрѣчаемъ его въ природѣ и въ исторіи. Изслѣдовать исключительно или преимущественно развитие политическихъ установленій, какъ это дѣлалось до сихъ поръ, значитъ совершенно игнорировать реальное существованіе самого человека, его расъ, семей и индивидовъ, какъ органическихъ создателей и носителей политической и духовной исторіи. Эта односторонняя точка зрѣнія современнаго историческаго изслѣдованія какъ нельзя яснѣе характеризуется программой послѣдняго историко-научнаго конгресса въ Римѣ, гдѣ единственнымъ предметомъ обсужденій являлась исторія *идей* (языкъ, религія, право, искусство) и не принималась вовсе въ расчетъ исторія самого *человѣка*, какъ реальнаго источника этихъ наукъ, искусствъ и правовыхъ установленій.

I.

Весьма кстати для всѣхъ, кто не имѣетъ возможности слѣдить за спеціальною литературою, извѣстный политико-философъ Людвигъ Вольтманъ недавно опубликовалъ свою „политическую антропологию“ *), гдѣ,

*) Dr. Woltman, Politische Anthropologie. Eine Untersuchung über den Einfluss der Descendenztheorie auf die Lehre von der politischen Entwicklung der Völker. 1903.

насколько намъ извѣстно, впервые дается общепонятное и систематическое изложеніе вопроса о вліяніи біологическаго эволюціонизма на внутреннюю политическую жизнь народовъ. Съ понятіемъ *политической антропологии* связана вся масса тѣхъ біологическихъ условий, которыя оказываютъ вліяніе на общественно-политическую эволюцію человечества. Примѣненіе началъ теоріи эволюціи къ ученію о политическомъ и законодательномъ развитіи народовъ тождественно съ обоснованіемъ политической теоріи на естественно-историческихъ, т.-е. біологическихъ и антропологическихъ познаніяхъ. Естественно-историческое изслѣдованіе человѣка и его жизненныхъ условий, проливая свѣтъ на его врожденныя, приобретенныя и унаслѣдованныя силы и свойства, въ концѣ-концовъ приводитъ къ доказательству, что законы развитія этихъ силъ и свойствъ составляютъ основу всѣхъ тѣхъ политическихъ установленій, дѣйствій и представленій, которыя когда-либо имѣли мѣсто въ исторической эволюціи расъ человѣка.

Другими словами, біологическая исторія человѣческихъ расъ даетъ намъ ключъ къ уясненію исторіи развитія государствъ. Мало того: *всемирная исторія*, по выраженію Эрнста Геккеля, есть *особый отдѣлъ исторіи развитія организмовъ*.

Тѣ группы человечества, которыя составляютъ собою государство, рѣдко принадлежатъ какому-либо *одному* народу. Обыкновенно въ составъ государства входитъ нѣсколько народовъ, различныхъ по особенностямъ языка, обычаямъ, традиціямъ, историческихъ судьбъ. Понятіе *народа* опредѣляется лишь общностью рѣчи и т. назыв. „этнографическихъ“ признаковъ. Народы почти всюду возникаютъ изъ нѣсколькихъ или многихъ расовыхъ элементовъ. Понятіе же *расы* опредѣляется общностью *физическихъ и психическихъ признаковъ и кровнымъ родствомъ ея составныхъ элементовъ*. Отсюда для біо-политической науки вытекаетъ новая проблема, которая сводится къ выясненію зависимости нравственныхъ и духовныхъ силъ и способностей каждаго отдѣльнаго государства отъ фізіологическихъ различій и особенностей составляющихъ его расъ и народовъ.

Мы знаемъ далѣе, что расы человѣка подвержены тѣмъ же общимъ біологическимъ законамъ измѣчивости и наследственности, приспособляемости и отбора, кровнаго смѣшенія, усовершенствованія и вырожденія, какъ и всѣ прочіе организмы животнаго и растительнаго міра. Фізіологическое оборудованіе органами, инстинктами и способностями, въ связи съ закономъ прогрессивной и регрессивной измѣчивости физической и психической сферы,—вотъ тѣ условія, которыя всецѣло рѣшаютъ историческую судьбу расъ, семей и индивидовъ. На этихъ началахъ Вольманъ пытается обосновать предлагаемую имъ естественно-историческую теорію развитія народовъ.

Легко усмотрѣть, что исходною точкою изслѣдованія въ данномъ случаѣ должна была служить прежде всего *эволюція* началъ государственныхъ установленій и учреждений, а также историческая дифференцировка ихъ въ главнѣйшія эпохи развитія. Другой путь—чисто-біологическій—стремится объяснить развитіе государства какъ продукта социально-психической жизни организмовъ и ихъ отношеній между собою и къ окружающей средѣ. Наконецъ, прибѣгая къ даннымъ научной

антропологии, теорія эта пытается показать, какимъ образомъ и въ какой степени историческая судьба государствъ опредѣляется самой природою челоѣка и его расовою и интеллектуальною дифференцировкою.

II.

Теорія эволюціи, какъ ученіе о происхожденіи т. наз. видовъ, будучи примѣняема къ челоѣку, пытается выяснитъ не только филогенетическое происхожденіе челоѣка вообще, но и процессъ развитія его *расъ*.

Откуда *историческое значеніе теоріи эволюціи*.

Биологія *расъ* открываетъ намъ прежде всего природу и сущность тѣхъ естественныхъ условій, отъ которыхъ зависитъ органическое развитіе вообще. Процессы дифференціаціи и приспособленія играютъ, какъ извѣстно, выдающуюся роль въ числѣ этихъ условій. Развитіе *расъ* является результатомъ разнородныхъ, но одновременно дѣйствующихъ причинъ, которыя въ концѣ-концовъ сводятся къ дифференцировкѣ, приспособленію, наслѣдственности и отбору въ борьбѣ за существованіе. Эти факторы вызываютъ не только измѣненія (варіаціи) вообще, но въ благоприятныхъ условіяхъ ведутъ къ усовершенствованію расовыхъ типовъ, въ неблагоприятныхъ—къ ихъ вырожденію и даже къ окончательной гибели.

Благодаря законамъ дифференціаціи, изъ одного первоначально однороднаго состоянія возникаютъ нѣкоторыя различія между собою состоянія или варіаціи. Конечныя причины появленія варіаціи намъ совершенно не извѣстны. Способность органическихъ существъ къ варіированію мы принимаемъ какъ данный фактъ. Мы знаемъ, кромѣ того, что принципъ дифференцировки дѣйствителенъ не только въ области развитія организмовъ, но сохраняетъ свою силу въ экономической, общественной и духовной жизни *расъ* челоѣка. Грубый необтесанный камень, это первичное орудіе челоѣка, путемъ постепенной дифференціаціи и усовершенствованія въ концѣ-концовъ превратился въ рядъ простыхъ и сложныхъ машинъ нашей современной техники.

Но, кромѣ способности дифференцированія, организмы должны обладать свойствомъ *приспособленія* къ условіямъ окружающей среды, дабы вести успѣшную борьбу за существованіе. Приспособленію подлежатъ не только сфера питанія, но и сфера чувствительности и размноженія организмовъ. Особое же значеніе имѣетъ приспособленіе въ области *психической* дѣятельности, а также въ отношеніяхъ организмовъ къ общественной средѣ.

Приспособленіе однако же не безусловно тождественно съ усовершенствованіемъ, точно также какъ дифференцировка не всегда имѣетъ слѣдствіемъ появленіе болѣе совершеннаго на мѣсто менѣе совершеннаго. Усовершенствованіе въ абсолютномъ смыслѣ вытекаетъ только изъ одновременнаго дѣйствія *обоихъ* процессовъ, т.-е. дифференцировки и приспособленія, въ *одномъ и томъ же* организмѣ, и притомъ такъ, чтобы съ помощью возможно ничтожныхъ средствъ былъ достигнутъ возможно полный эффектъ. Въ этомъ смыслѣ позволительно сказать, что высшую ступень органическаго развитія занимаетъ организмъ челоѣка. Но своею высокою организаціею челоѣкъ обязанъ исключительно совершенству своей психической и умственной жизни и преобладающему

въ его организмѣ развитію головного мозга; въ отношеніи нѣкоторыхъ другихъ органовъ и частей, какъ, наприм., ноги и органовъ чувствъ, онъ устроенъ менѣе совершенно, чѣмъ многія животныя. Головной мозгъ, являясь источникомъ высшей *психической* дѣятельности, въ то же время опредѣляетъ собою все *физическое* развитіе человѣка. Въ прямой зависимости отъ увеличенія мозга у человѣка развилась способность прямой походки, столь рѣзко отличающая его отъ высшихъ животныхъ. Рука объ руку съ увеличеніемъ мозга въ эволюціи человѣка произошло постепенное обратное развитіе жевательнаго аппарата, а подъ вліяніемъ функціи членораздѣльной рѣчи на нижней челюсти появляется костный выступъ въ видѣ подбородка — образованія, составляющаго исключительную принадлежность человѣка.

Къ дѣйствию дифференцировки и приспособленія присоединяется естественный отборъ въ борьбѣ за существованіе. Дарвинъ опредѣляетъ естественный отборъ какъ „сохраненіе наиболѣе совершенныхъ“, что по Г. Спенсеру тождественно съ „переживаніемъ наиболѣе приспособленныхъ“. Спенсеръ пытался доказать, что въ борьбѣ за существованіе, физиологическими орудіями которой являются инстинкты самосохраненія и инстинкты чрезмѣрнаго размноженія, сохраняются и передаются по наслѣдству лишь наиболѣе выгодныя въ этой борьбѣ свойства индивидовъ. По его мнѣнію, естественный отборъ — не только источникъ физическихъ силъ организма, но и причина развитія его наиболѣе сложныхъ инстинктовъ и врожденныхъ психическихъ наклонностей, которыя, какъ предполагалъ первоначально Ж. Ламаркъ, передаются неизмѣнно изъ поколѣнія въ поколѣніе до тѣхъ поръ, пока не наступитъ измѣненіе вѣдшихъ жизненныхъ условій. Проліявая, по словамъ Дарвина, свѣтъ на происхожденіе человѣка и на исторію этого происхожденія, теорія эволюціи доказываетъ близкое родство человѣка съ остальнымъ животнымъ міромъ. Какъ въ физическомъ отношеніи, такъ и въ психическомъ между человѣкомъ и млекопитающими не существуетъ фундаментальныхъ различій.

Зато самъ человѣкъ въ его физической и психической организаціи представляетъ рядъ замѣчательныхъ и рѣзкихъ особенностей, принадлежащихъ тѣмъ *расамъ*, на которыя онъ распадается. Чтобы объяснить возникновеніе человѣческихъ расъ изъ одного первоначально однороднаго типа, Дарвинъ вводитъ въ свое ученіе новый, добавочный факторъ, который, обуславливая собою появленіе вторичныхъ признаковъ пола, извѣстенъ подъ названіемъ *полового отбора*. Источникъ многихъ различій, свойственныхъ расамъ человѣка, вѣроятно слѣдуетъ искать именно въ этомъ направленіи; но и другія условія, какъ, наприм., географическое обособленіе, переселеніе, образованіе колоній, наконецъ т. назыв. физиологическій отборъ Ротанеса, имѣютъ извѣстное значеніе какъ вспомогательные факторы того могущественнаго естественнаго отбора, который лежитъ въ основѣ процесса сохраненія и усовершенствованія породъ.

III.

Основное положеніе исторической антропологіи говоритъ намъ, что общественное, политическое и духовное развитіе человѣчества составляетъ результатъ физиологическаго процесса и что дифференцировка,

приспособленіе и отборъ отдѣльныхъ индивидовъ или группъ соотвѣтственно ихъ природнымъ способностямъ суть тѣ начала, которыя преимущественно опредѣляютъ собою происхождение и особенности тѣхъ или иныхъ политическихъ установленій.

Различныя группы человѣчества обнаруживаютъ вообще большое разнообразіе въ характерѣ своей духовной культуры и политическаго положенія. Различія эти до извѣстной степени, несомнѣнно, зависятъ отъ неодинаковости естественныхъ условій существованія и отъ историческаго и соціальнаго положенія расъ. Но главнымъ и рѣшающимъ факторомъ всюду являются коренныя различія *природныхъ способностей* расъ, семей и индивидовъ. Что такія естественныя или внутреннія различія дѣйствительно существуютъ между расами, въ настоящее время признается почти всѣми, не исключая даже тѣхъ, кто пытается свести все физическое и культурное разнообразіе народовъ къ географическимъ и другимъ чисто вѣшнимъ условіямъ. Спрашивается только: *идъ причина этихъ врожденныхъ или физиологическихъ различій?*

Мы знаемъ въ настоящее время, что они обусловлены прежде всего органическими особенностями и степенью работоспособности нервной системы и въ частности головного мозга. На природныхъ силахъ мозга основанъ духъ изобрѣтательности и предпріимчивости, инстинктъ открытій, способность къ воспріятію, усвоенію и разработкѣ чужихъ идей. Существуютъ расы, которыя исподволь и въ короткое время создали самостоятельную богатую культуру, въ то время какъ племена, живущія рядомъ съ ними въ одинаковыхъ вѣшнихъ условіяхъ, въ теченіе длинныхъ періодовъ времени не сумѣли подняться выше извѣстнаго культурнаго уровня. Коренная разниа между тѣми и другими сводится, очевидно, къ особенностямъ ихъ душевной жизни. Въ числѣ врожденныхъ душевныхъ качествъ громадное политическое значеніе имѣютъ особенности т. наз. *расовою темперамента*, такъ какъ именно въ отношеніи темперамента расы человѣка обнаруживаютъ въ высшей степени рѣзкія между собою различія. Сильный темпераментъ, въ связи съ выдающимся интеллектуальнымъ развитіемъ, стремленіе къ свободѣ и изобрѣтательность—вотъ, по мнѣнію Вольмана, тѣ условія, отъ которыхъ преимущественно зависитъ уровень политической культуры человѣческихъ расъ. Флегматичный темпераментъ монгольской расы—причина неподвижности ея соціальныхъ отношеній и упорнаго сохраненія традиціонно-монгольскаго образа жизни. Среди активныхъ расъ, къ которымъ относятся одни лишь аріицы, мы находимъ желаніе и стремленіе къ власти, самостоятельности и свободѣ, къ неутомимой дѣятельности и къ прогрессу; вмѣстѣ съ тѣмъ имъ свойственъ инстинктъ изслѣдованія и провѣрки, упорство и склонность къ сомнѣнію. Пассивныя расы, составляющія громадное большинство народовъ и выступающія въ исторіи значительно раньше активныхъ, довольствуются поверхностнымъ наблюденіемъ; онѣ притомъ мало подвижны и большею частью лишены духа свободнаго художественнаго творчества.

Въ зависимости отъ тѣхъ же природныхъ различій темперамента однѣ расы отличаются грубостью права, воинственностью и властолюбіемъ; другія расы, какъ, наприм., египтяне, выказываютъ, напротивъ, мирный, мягкій, покорный характеръ. То, что историки привыкли на-

зывать слабыми и сильными народами, обусловлено главным образом степенью их активности, составляя, несомненно, результат природного физиологического неравенства человеческих расъ.

IV.

Рука объ руку съ психическими различіями идутъ *особенности физической организаціи*. Первыя съ точки зрѣнія обычнаго наблюдателя составляютъ какъ бы только внѣшнюю оболочку вторыхъ.

Среди болѣе способныхъ въ умственномъ отношеніи людей замѣченъ, наприм., болѣе процентъ высокорослыхъ индивидовъ; а отъ развитія скелета и мышцъ и отъ пропорціональности сложенія тѣла (конечно, при равенствѣ прочихъ условій) зависятъ воинственныя силы, промышленная производительность и, въ связи съ этимъ, также національное богатство каждой расы. Главнѣйшіе же признаки уровня духовныхъ способностей сосредоточены, естественно, на черепѣ. Величина мозгового вмѣстилища, не будучи абсолютнымъ мѣриломъ умственныхъ силъ, ясно растетъ въ направленіи отъ низшихъ расъ (австралійцевъ, негровъ, малайцевъ) къ культурнымъ народамъ Азіи (монголы) и къ европейскимъ расамъ.

Однако черепъ, въ отношеніи его величины и формы, не болѣе чѣмъ оттискъ мозга. Вся судьба человеческого рода, замѣчаетъ одинъ выдающійся писатель, зависитъ отъ тѣхъ 60—70 кубическихъ дюймовъ мозгового вещества, которые черепъ обнимаютъ своими стѣнками. Эта мозговая масса можетъ быть уподоблена обширной книгѣ, въ которой безчисленными іероглифами записана исторія всего человечества.

Физиологія учитъ, что высшія психическія и интеллектуальныя функціи сосредоточены главныхъ образомъ въ переднихъ частяхъ или т. назыв. лобныхъ доляхъ мозга, которыя тѣмъ сильнѣе развиты, чѣмъ выше раса. У людей слабоумныхъ, а также у многихъ преступниковъ часто можно наблюдать недостаточно сформировавшуюся лобную область, въ то время какъ субъекты съ большими умственными способностями обыкновенно отличаются мощнымъ и широкимъ лбомъ. Чѣмъ больше лобъ, чѣмъ дальше онъ выдается впередъ, тѣмъ длиннѣе, по мнѣнію Вольмана, становится черепъ. Вотъ почему, заключаетъ онъ, длинная или т. назыв. долихоцефальная форма черепа должна считаться однимъ изъ признаковъ высокой умственной даровитости. Правда, австралійцы и негры также имѣютъ рѣзко удлинненную черепную чашу, но у нихъ долихоцефализмъ вызванъ исключительно разрастаніемъ заднихъ или затылочныхъ частей черепа и мозга, не имѣющихъ прямого отношенія къ умственнымъ функціямъ въ собственномъ смыслѣ.

V.

Распаденіе общества на *классы и сословія*—результатъ дальнѣйшей дифференцировки его физическихъ и психическихъ признаковъ, силъ и способностей.

Каждое сословіе носитъ совершенно опредѣленный антропологическій характеръ, который вырабатывается, съ одной стороны, на основаніи

врожденныхъ расовыхъ или племенныхъ особенностей, съ другой—въ силу вариаций и накопленія такихъ индивидуальныхъ признаковъ и способностей, которые встрѣчаются среди одной и той же расы. Во Франціи, въ Германіи и въ большинствѣ другихъ европейскихъ государствъ жители городовъ оказываются болѣе длинноголовыми, чѣмъ обитатели деревень. Въ рабочихъ классахъ преобладаетъ широкая или округлая форма головы; въ тѣхъ же слояхъ общества, гдѣ преимущественно развита умственная дѣятельность, чаще всего встрѣчается продолговатый типъ головы. „Квадратная голова“ въ Германіи считается эпитетомъ ограниченнаго человѣка. Въ Японіи высшія сословія отличаются отъ низшихъ болѣе высокимъ ростомъ, узкимъ лицомъ и продолговатымъ черепомъ. На островѣ Таити существуетъ особый т. назыв. *королевскій* типъ, представители котораго стройнѣе, выше ростомъ и менѣе смуглы, чѣмъ остальная масса народа. Въ государствахъ съ цвѣтножимъ и бѣлымъ населеніемъ послѣднее является господствующимъ общественнымъ и политическимъ элементомъ. Всѣ эти различія зависятъ не столько отъ условій питанія, упражненія или климата, сколько отъ врожденныхъ и унаслѣдованныхъ естественныхъ задатковъ. Такъ, наприм., особенности формы головы, несомнѣнно, врождены и неизмѣнчивы, точно также какъ объемъ головы и величина роста зависятъ прежде всего отъ врожденной энергіи развитія организма.

VI.

Если дѣйствительно характеръ государственныхъ установленій находится въ связи съ физиологическими законами эволюціи расъ и если, какъ мы видѣли, сословія, профессіи и классы общества отличаются между собою такими особенностями, которыя основаны главнымъ образомъ на расовыхъ различіяхъ, то спрашивается: *какимъ образомъ антропологическіе задатки расъ являются основою культурно-историческаго развитія человечества?*

Какъ извѣстно, нѣкоторые антропологи вовсе отрицаютъ существованіе какой бы то ни было связи между расою и культурою. Другіе приписываютъ брахицефальнымъ расамъ извѣстныя духовныя преимущества передъ долихоцефальными, основываясь на томъ фактѣ, что древнѣйшіе черепа, найденные въ предѣлахъ Европы, оказались длинными и узкими, въ то время какъ съ прогрессомъ культуры въ раскопкахъ появляется все большее и большее количество брахицефальныхъ череповъ. Гердеръ выступаетъ убѣжденнымъ защитникомъ расово-исторической теории цивилизаціи. Онъ убѣдился, что источникомъ высшей культуры являются тѣ „пропорціонально сложенные, съ изящною наружностью“ расы, которыя мы находимъ на побережьяхъ Средиземнаго моря. Это въ сущности тѣ же расы, которыя Клеммъ, исходя главнымъ образомъ изъ психологическихъ данныхъ, позднѣе назвалъ активными. Представители активныхъ расъ, по его мнѣнію, отличаются стройнымъ тѣлосложеніемъ, рослостью и физическою силою, округлымъ черепомъ и большимъ, выступающимъ впередъ лбомъ, волнистыми волосами и бѣлою нѣжною кожею. По нашимъ современнымъ понятіямъ, активныя народы Клемма воплощаютъ въ себѣ всѣ существенныя при-

знаки т. назыв. „кавказской“ расы или арийской расы въ обширномъ смыслѣ этого слова. Пассивные типы, къ числу которыхъ относятся прежде всего монголы, монголоиды и негры, существенно отличаются въ своихъ антропологическихъ признакахъ отъ арийцевъ. Ни одно изъ многочисленныхъ племенъ негрской расы не возвысилось надъ уровнемъ варварства и дикости. Изъ монголовъ только немногіе народы собственными силами достигли первыхъ ступеней цивилизациі. Высшія произведенія самостоятельнаго культурнаго творчества мы встрѣчаемъ въ одной арийской или индоевропейской расѣ, у народовъ средиземной группы, которые позже всѣхъ другихъ появились на аренѣ исторіи. Арийская раса по своимъ природнымъ способностямъ, несомнѣнно, предопредѣлена къ роли носительницы всемірной цивилизациі. Близость и кровная примѣсь ея всюду повышаютъ физиологическое достоинство тѣхъ расъ, съ которыми она вступаетъ въ біологическій обмѣнъ.

При всемъ томъ расовыя преимущества арийцевъ, по мнѣнію Вольмана, удастся прослѣдить далеко за предѣлы европейскихъ народовъ. Инки, создатели самородной американской культуры, по своимъ морфологическимъ признакамъ близко напоминаютъ кавказскую расу. Мы знаемъ также, что еще 400 лѣтъ до Колумба норманны открыли восточный берегъ Сѣверной Америки. Въ Китай, въ Вавилонію, въ Египеть уже въ древнѣйшія времена большими массами проникали свѣтлокожіе завоеватели, оставляя всюду слѣды своихъ врожденныхъ расовыхъ задатковъ. Китайцы въ своихъ древнѣйшихъ пѣсняхъ называютъ самихъ себя почетнымъ именемъ „черноволосога народа“ въ отличіе, какъ надо думать, отъ какихъ-то свѣтловолосыхъ пришельцевъ. А египтяне на памятникахъ, относящихся въ XIV вѣку дохристіанской эры, даютъ изображенія людей съ бѣлою кожею, голубыми глазами и свѣлорусыми волосами: очевидно, они уже въ то время были близко знакомы съ народами сѣверной (арійской) расы.

Менѣ ясны отношенія сѣверной свѣтлой расы къ культурѣ передней Азіи. Мы знаемъ однако, что эта раса участвовала въ культурной эволюціи евреевъ черезъ посредство малоазійскаго племени аморитовъ, слѣды которыхъ замѣтны еще среди современныхъ евреевъ. Въ средней Азіи и на югѣ Европы возникли тѣ обширные и многочисленные культурные центры, плодомъ которыхъ являются всѣ сокровища современной цивилизациі. Индусы, персы, греки, римляне, развившись изъ той же русой и свѣтлокожей расы, давшей начало арийцамъ, лишь со временемъ, путемъ смѣшенія съ темнокожими аборигенами, потеряли свои первоначальные племенные признаки.

Въ связи съ этимъ фактомъ пріобрѣтаетъ огромный интересъ доказательство *европейскаго происхожденія т. наз. индогерманской расы*, долженствующее вытѣснить прежнюю, по мнѣнію Вольмана, Матиаса Муха и другихъ, мало обоснованную съ фактической стороны гипотезу происхожденія арийцевъ изъ Азіи какъ колыбели человѣческаго рода. Центромъ возникновенія индогерманской расы нѣкоторые считаютъ среднюю Европу, другіе—Скандинавію. Приверженцы этой гипотезы ссылаются на показанія римскихъ и греческихъ писателей, свидѣтельствующихъ, что въ классическую эпоху не только германцы, но и галлы и славяне отличались высокимъ ростомъ, русыми волосами, голубыми глазами и свѣтлою кожею. То же самое имѣло мѣсто въ доклассическую

эру у самых грековъ и римлянъ. Августъ, Неронъ, Гальба, Александръ Великій—типичные представители этой расы. Цезарь своимъ смуглымъ типомъ былъ обязанъ, повидимому, смѣшанному происхожденію.

VII.

При всемъ томъ врядъ ли основательно утверждать, какъ это дѣлаетъ Вольманъ въ своей выше цитированной книгѣ, что вся европейская цивилизація, не исключая культуры славянскихъ и романскихъ народовъ, составляетъ проявленіе духовнаго творчества исключительно одной германской расы. Вольманъ ссылается между прочимъ на то, что франки, лангобарды, готы создали главнѣйшіе зачатки культуры въ Италиі, во Франціи и въ Испаніи. Это—общепринятый историческій фактъ. Допустимъ даже, что „папство, возрожденіе, французская революція и наполеоновскія побѣды“ являются, по выраженію Вольмана, „великими плодами германскаго духа“. Онъ указываетъ на „германскій“ типъ большинства папъ и на „германскія“ же черты лица Наполеона I. Но при этомъ онъ самъ соглашается, что народонаселеніе современной Германіи только въ очень незначительной степени сохранило „первоначальный германскій или арійскій типъ“ продолговатаго черепа, узкаго лица, высокорослости и свѣтлой окраски кожи и волосъ. Весь востокъ и югъ Германіи нынѣ населенъ смуглыми брахицефалами, и даже въ Норвегіи, гдѣ германская кровь сохранилась въ сравнительной чистотѣ, удастся обнаружить присутствіе тѣхъ же круглоголовыхъ элементовъ, какъ и на материкѣ. Кромѣ того, называть германскихъ длинноголовыхъ блондиновъ представителями высшаго типа человѣчества значитъ идти наперекоръ всѣмъ даннымъ физиологіи и непосредственнаго антропологическаго наблюденія. Продолговатый черепъ, при равенствѣ прочихъ условий, всегда содержитъ въ себѣ, какъ показываютъ прямое измѣрение и взвѣшивание, *меньше* мозговой субстанции, чѣмъ черепъ съ округленными очертаніями. Величайшіе мыслители и многіе выдающіеся государственные дѣятели, въ томъ числѣ, наприм., Кантъ, Карлъ Великій, Петръ I, Гельмгольцъ, Бисмаркъ, имѣли рѣзко выраженную брахицефальную форму черепа. Если судить по формѣ черепа, то высшимъ типомъ должны будутъ считаться скорѣе всего брахицефалы, которые въ силу большаго богатства мозговой субстанции получаютъ несомнѣнный физиологическій перевѣсъ надъ представителями длинноголовой разновидности. Ошибочно также думать, чтобы причиною длинноголовости могло служить преобладающее развитіе лобной части черепа и мозга (т.-е. высшихъ психическихъ центровъ). Это объясненіе, котораго до сихъ поръ придерживаются нѣкоторые изслѣдователи, является результатомъ простаго умозрительнаго построенія, лишеннаго всякой реальной основы.

Гипотеза о психическомъ превосходствѣ т. назыв. длинноголовой германской расы составляетъ одну изъ слабыхъ сторонъ исторической антропологіи.

Р. Вейнбергъ.

Комариная теорія распространенія маляріи. Новѣйшіе успѣхи бактериологіи сдѣлали возможной успѣшную борьбу съ заразными болѣзнями не только посредствомъ вакцинъ и сыворотокъ, направленныхъ

противъ болѣзнетворныхъ микробовъ, но они дали ей въ руки орудіе для борьбы и съ самыми условіями ихъ распространенія. Однимъ изъ яркихъ примѣровъ послѣдняго рода борьбы съ заразными болѣзнями является удачное осуществленіе ряда мѣропріятій, направленныхъ противъ болотной лихорадки или маляріи.

Малярія принадлежитъ къ числу тяжелыхъ и широко распространенныхъ болѣзней; изъ-за нея многія мѣстности, особенно съ жаркимъ климатомъ, являются совершенно необитаемыми. Къ числу мѣстъ съ тяжелыми малярійными заболѣваніями принадлежатъ Тосканскія болота, вблизи Рима, устья Ганга и Инда, многія мѣста въ Месопотаміи, Алжиръ, гдѣ малярія производитъ настоящія опустошенія среди французскихъ войскъ и колоній и др. У насъ въ Россіи малярія распространена въ Приволжскихъ губ., въ южной Россіи, особенно въ устьяхъ рѣкъ, впадающихъ въ Каспійское и Черное моря, на Кавказѣ и др.

Теченіе этой болѣзни, какъ извѣстно, характеризуется періодическими, съ большою правильностью повторяющимися подъемами температуры, доходящими до 40° и выше. По окончаніи такихъ приступовъ происходитъ быстрое пониженіе температуры, сопровождающееся обильнымъ потомъ и улучшеніемъ самочувствія. Чередованіе приступовъ съ пониженіемъ температуры продолжается долгое время и въ высшей степени изнуряетъ организмъ. Въ различныхъ формахъ малярія промежутки между лихорадочными приступами бываютъ неодинаковой продолжительности. Въ зависимости отъ этого различаютъ нѣсколько типовъ лихорадки: двухдневная, или *febris tertiana*, если приступъ наступаетъ черезъ каждые 48 часовъ; трехдневная, или *febris quartana*, когда приступъ возобновляется черезъ 72 часа, наконецъ, тропическая лихорадка, въ которой продолжительность промежутковъ между приступами различна: иногда они наступаютъ черезъ день, иногда черезъ два и т. д.

Малярія принадлежитъ къ числу такихъ болѣзней, которыя даютъ только относительный иммунитетъ; извѣстно, что въ малярійныхъ мѣстностяхъ % заболѣвающихъ дѣтей гораздо больше, чѣмъ среди взрослыхъ; но, съ другой стороны, нѣрѣдко случается, что люди, перенесшіе болотную лихорадку хотя бы въ самой острой формѣ, не только не становятся къ ней невосприимчивыми, но, наоборотъ, могутъ имѣть впоследствии безконечное число рецидивовъ.

Строгая правильность, наблюдаемая въ теченіи этой болѣзни, всегда привлекала къ себѣ вниманіе человѣка, и уже давно высказывалась мысль о паразитарныхъ свойствахъ возбудителя маляріи. Заболѣваніе ею приписывалось проникновенію въ человѣчскій организмъ различныхъ микроскопическихъ животныхъ, развивающихся при гніеніи растеній и находящихся въ воздухѣ болотистыхъ мѣстностей. Съ неослабвающимъ интересомъ подвергали изслѣдованію съ цѣлью найти этого паразита какъ самого человѣка, такъ и все, что приходило съ нимъ въ непосредственное соприкосновеніе; но всѣ поиски оставались долгое время совершенно безплодными. Съ другой стороны, предполагали также, что заболѣваніе маляріей происходитъ отъ вредныхъ испареній и разнаго рода миазмовъ, исходящихъ отъ болотныхъ растеній и отравляющихъ атмосферу. Подобнаго рода гипотезы, смѣняя одна другую, продолжали существовать до тѣхъ поръ, пока французскій ученый Laveran не открылъ настоящаго возбудителя маляріи, оказавшагося паразитомъ

животнаго происхожденія изъ класса простѣйшихъ (Protozoa) и получившаго въ бактериологiи названіе „плазмодія маляріа“¹⁾.

Когда открытіе Laveran'a сдѣлалось установленнымъ и вполне признаннымъ фактомъ, то явился, разумѣется, вопросъ о томъ, откуда же попадаетъ этотъ микробъ въ кровь человѣка?

Laveran'омъ и другими учеными тщательно были изслѣдованы почва, вода, воздухъ съ цѣлью выяснить, не находится ли этотъ паразитъ гдѣ-либо во внѣшней природѣ. Но всѣ такія попытки давали всегда отрицательные результаты. Послѣ этого Laveran обратилъ вниманіе на возможность передачи маляріи насѣкомыми и высказалъ предположеніе, что въ качествѣ такихъ передатчиковъ являются комары. Такое предположеніе казалось особенно правдоподобнымъ въ виду общепризнанной связи между маляріей и болотистыми сырыми мѣстностями, изобилующими комарами.

Вслѣдъ затѣмъ идея Laveran'a была блестящимъ образомъ подтверждена англійскимъ ученымъ Ross'омъ, которому удалось прослѣдить судьбу малярійнаго паразита, попавшаго въ организмъ комара, отъ самаго момента укуса больного до момента зараженія этимъ комаромъ здороваго человѣка. Эти наблюденія были подтверждены цѣлымъ рядомъ ученыхъ, особенно итальянскихъ авторовъ, которые къ даннымъ, полученнымъ Ross'омъ, прибавили весьма убѣдительныя экспериментальныя изслѣдованія. Такъ, напр., давая кусать здороваго человѣка комарамъ, насосавшимся крови малярика, они всегда вызывали зараженіе здороваго человѣка болотной лихорадкой.

Особенно интересны опыты англійскаго ученаго Manson'a, который задался цѣлью воспроизвести искусственно малярію въ мѣстности, гдѣ никогда не наблюдалось этой болѣзни. Для этого онъ выписалъ комаровъ, насосавшихся крови маляриковъ, и подвергъ ихъ укусу совершенно здороваго человѣка (своего сына), никогда не страдавшаго маляріей, который и не замедлил заразиться..

Изслѣдованія Ross'a доказали, что комары являются не простыми передатчиками заразы, но что ихъ организмъ служитъ для малярійнаго паразита средой, гдѣ происходитъ развитіе его половой стадіи. Такимъ образомъ удалось прослѣдить полный циклъ развитія этого плазмодія, о чемъ въ общихъ чертахъ мы здѣсь и скажемъ.

Малярійный микробъ принадлежитъ къ тому типу паразитовъ, которые совершаютъ полный циклъ своего развитія не въ одномъ, а въ различныхъ избранныхъ ими организмахъ, въ данномъ случаѣ въ человѣкѣ и комарѣ. Въ организмѣ человѣка этотъ паразитъ проходитъ только бесполой циклъ развитія. Разсматривая подъ микроскопомъ кровь больного, можно наблюдать всѣ послѣдовательныя стадіи этого развитія. Молодые паразиты имѣютъ видъ маленькихъ амебъ, выпускающихъ псевдоподіи и двигающихся съ помощью ихъ; они помѣщаются обыкновенно въ красныхъ кровяныхъ шарикахъ, гдѣ и живутъ, питаясь на ихъ счетъ и увеличиваясь въ объемѣ, при этомъ они перерабатываютъ гемоглобинъ красныхъ кровяныхъ шариковъ въ особый пигментъ, меланинъ, который въ видѣ черныхъ зеренъ всегда можно наблюдать въ

¹⁾ Различныя формы маляріи—*f. tertiana*, *quartana* и *tropica*—обусловливаются, повидному, различными видами паразита.

тѣлѣ паразита. По достиженіи зрѣлаго возраста паразитъ подвергается процессу дѣленія, при чемъ каждая вновь образующаяся часть даетъ новаго молодого паразита. Затѣмъ кровяной шарикъ разрывается, и паразиты появляются свободными въ плазмѣ крови, гдѣ они и плаваютъ, пока не фиксируются въ свою очередь на красныхъ кровяныхъ шариковъ. Это—моментъ, когда наступаетъ лихорадочный приступъ.

Послѣ нѣсколькихъ поколѣній такого безполага размноженія малярийнаго паразита наступаетъ моментъ, когда на ряду съ безполыми элементами образуются и половыя клѣтки, мужскія и женскія (гаметы). Эти гаметы на ряду съ безполыми клѣтками—шизонтами—лежатъ въ красномъ шарикѣ; они имѣютъ, подобно шизонтамъ, округлую форму и вообще очень похожи на безполыя клѣтки; въ одной только тропической лихорадкѣ гаметы характеризуются особой оригинальной формой полулунія ¹⁾ („croissant“ французскихъ авторовъ).

Несмотря на появленіе половыхъ элементовъ, процессъ оплодотворенія никогда не имѣетъ мѣста въ тѣлѣ человѣка. Для наступленія его половымъ клѣткамъ необходимо проникнуть въ тѣло комара, куда онѣ попадаютъ при укусѣ вмѣстѣ съ кровью. Оплодотвореніе наступаетъ въ кишечникѣ комара: мужскія половыя клѣтки выпускаютъ изъ себя бичи, которые отрываются отъ этихъ послѣднихъ и, быстро двигаясь, направляются къ женской гаметѣ (макрогамета) и, проникая въ нее, оплодотворяютъ ее, послѣ чего женская гамета превращается въ длинную подвижную форму, напоминающую червячковъ (14—18 μ длины)—Ookinete, по терминологіи Schaudin'a. Черезъ сутки и болѣе эти червячки проникаютъ въ стѣнку желудка комара, теряютъ свою подвижность и превращаются въ особыя овальныя образованія, называемыя кистой (отъ 60 μ —80 μ). На гистологическихъ препаратахъ изъ комаровъ, напившихся человѣческой крови, можно замѣтить въ толщѣ желудочной стѣнки ихъ по нѣскольку кистъ, иногда даже болѣе сотни. По прошествіи нѣкотораго времени, приблизительно недѣли или нѣсколько болѣе, въ кистѣ наступаетъ процессъ дѣленія, результатомъ чего являются многочисленныя клѣтки, которыя превращаются затѣмъ въ узкія длинныя клѣтки—спорозонты; киста вслѣдъ затѣмъ лопається, спорозонты освобождаются, проникаютъ въ слюнные железы комара и оттуда при укусѣ человѣка попадаютъ въ кровь. Зараженіе человѣка маляріей произошло.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что человѣкъ для того, чтобы заразиться маляріей, долженъ быть непременно укушенъ комаромъ и именно такимъ, который передъ тѣмъ насосался крови малярийнаго больного и въ которомъ паразитъ успѣлъ уже продѣлать весь циклъ своего полового развитія. По изслѣдованіямъ Ross'a, время, необходимое для этого, находится въ зависимости отъ температуры: чѣмъ она выше, тѣмъ срокъ

¹⁾ Для болѣе детальнаго изученія строенія малярийнаго плазмодія въ бактериологіи употребляютъ различные методы окраски (Романовскаго, Руге и др.), дающіе обыкновенно красныя и демонстративныя картины. Паразитъ рельефно выступаетъ на фонѣ занятаго имъ краснаго кровяного тѣльца, обнаруживая ядро, зернистую протоплазму и черныя пигменты. Протоплазма бываетъ окрашена обыкновенно въ голубой цвѣтъ, хроматинъ въ красный, а пигментъ рельефно выступаетъ въ видѣ черныхъ зеренъ.

полового развитія комара короче. Такъ, напр., при 14—15° развитіе паразита *febris tertiana* совсѣмъ приостанавливается; при 20—22° оно протекаетъ медленно и заканчивается въ теченіе 12—14 дней, а при 25—30° для этого требуется 6—7 дней.

Для развитія паразита *feb. tertiae* нужна высокая температура тропическихъ странъ, чѣмъ и объясняется, что эта форма лихорадки обыкновенно не наблюдается въ нашихъ сѣверныхъ широтахъ.

Весьма интересно, что далеко не всѣ виды комаровъ способны передавать человѣку малярію. Этимъ свойствомъ отличается только одинъ видъ, такъ называем. *Anopheles maculipennis*, такъ какъ именно этотъ видъ комаровъ представляетъ всѣ условія, необходимыя для развитія малярийнаго паразита.

На этихъ-то биологическихъ условіяхъ развитія малярийнаго паразита и основаны были въ послѣднее время рациональныя мѣры борьбы противъ этой болѣзни.

При этомъ допускается, что распространеніе маляріи при помощи комаровъ составляетъ если не единственный, то по крайней мѣрѣ главный способъ распространенія этой болѣзни.

На него-то поэтому должно быть направлено все вниманіе. Естественно, что прежде всего является вопросъ о томъ, какимъ образомъ оградить обитателей малярийныхъ мѣстъ отъ опасности укушенія комаровъ? Основанные на этомъ приемы борьбы съ комарами были дѣйствительно предложены и съ большимъ успѣхомъ примѣнены въ различныхъ странахъ и въ особенности въ Италіи; эти приемы состояли въ слѣдующемъ: съ одной стороны, стремились къ тому, чтобы защитить людей различными механическими дѣйствіями отъ укусовъ комаровъ. Для этой цѣли употребляли сѣтки, закрывающія лицо, руки, а кромѣ того, окна и двери жилищъ. Съ другой стороны, старались уничтожать личинки комаровъ, уничтожая болота, различныя стоячія воды, заброшенные колодцы и вообще всякіе водоемы, въ которыхъ всегда могутъ развиваться эти личинки. Предложено было вливать въ такую воду керосинъ¹⁾, чтобы затруднить развитіе комариныхъ личинокъ; принимались также мѣры къ осушенію болотъ при помощи дренажей, культивированія почвы и т. п. средствъ.

Всѣ эти мѣропріятія, несмотря на ихъ безспорное значеніе, не являются единственнымъ возможнымъ средствомъ для борьбы съ маляріей. Кохъ впервые обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что если комаръ является единственнымъ распространителемъ малярийнаго паразита, котораго онъ въ свою очередь можетъ получить исключительно отъ больного человѣка, то, очевидно, представляется возможность препятствовать распространенію маляріи, помимо механическихъ приемовъ, еще и путемъ систематическаго изслѣдованія крови населенія малярийныхъ мѣстностей и лѣченія маляриковъ. Совершенно понятно, что чѣмъ меньше будетъ малярийныхъ больныхъ, тѣмъ меньше шансовъ будетъ для зараженія комаровъ при укусѣ человѣка и слѣдовательно для дальнѣйшаго распространенія этой болѣзни. Такого рода борьба съ малярийнымъ пара-

¹⁾ Обыкновенно достаточно бываетъ небольшого количества керосина, который разливаютъ тонкимъ слоемъ по поверхности воды; такъ, вычислено, что 15 к. с. керосина достаточно для 1 кв. метра воды.

зитомъ основана на приемахъ хинина. Его даютъ не только больнымъ, но и здоровымъ съ цѣлью предупрежденія болѣзни. Въ послѣднемъ случаѣ даютъ обыкновенно или ежедневно передъ ѣдой небольшія дозы, около 5 гранъ, или большія количества, по 16—20 гранъ въ продолженіи 2—3-хъ дней съ перерывами по 8 дней (Кохъ). Въ случаяхъ же, если болѣзнь уже разыгралась, приемы хинина назначаютъ часовъ за 6 до начала приступа. Дѣлаютъ это потому, что хининъ всасывается сравнительно медленно, а между тѣмъ необходимо, чтобы онъ успѣлъ проникнуть въ кровь къ моменту появленія въ ней молодыхъ паразитовъ, чтобы создать такимъ образомъ для нихъ неблагоприятную почву.

Всѣ эти мѣропріятія, направленные противъ маляріи, какъ механическія, такъ и химическія (хининъ), дали прекрасные результаты.

Слѣдующія цифры хорошо иллюстрируютъ результаты борьбы съ маляріей въ Италіи при помощи однѣхъ металлическихъ сѣтокъ.

Изъ числа 4.363 лицъ, защищенныхъ сѣтками, количество лицъ, заболѣвшихъ маляріей было 1,9%. Изъ числа 802 лицъ, не имѣвшихъ защиты отъ укуса комаровъ (т.-е. эти люди были защищены только ночью, въ спальняхъ) число заболѣвшихъ маляріей было 10,9.

Среди лицъ, вовсе не защищенныхъ сѣтками и жившихъ въ тѣхъ же мѣстахъ, что и двѣ вышеупомянутыя категоріи лицъ, число заболѣвшихъ равнялось 40—60% и даже въ одномъ случаѣ процентъ равнялся—96%.

Убѣдительно также результаты, которые недавно были получены въ этомъ отношеніи специально составленной комиссіей изъ нѣкоторыхъ сотрудниковъ парижскаго Пастеровскаго института, докторовъ Ed. и Et. Sergent. Комиссія имѣла цѣлью механическими мѣрами (употребленіе сѣтокъ и уничтоженіе комариныхъ личинокъ) предохранить, насколько возможно, отъ маляріи европейскихъ колонистовъ, жившихъ въ Алжирѣ, въ мѣстности, гдѣ особенно была распространена эта болѣзнь. Мѣстность эта находилась по линіи желѣзной дороги, между городами Альмой и Константиной. По справкамъ, наведеннымъ д-рами Sergent, оказалось, что въ этой мѣстности до примѣненія противомаларійныхъ мѣръ, изъ 81 вновь прибывшихъ сюда европейцевъ въ одно лѣто было 79,3% заболѣвшихъ, изъ которыхъ два случая сопровождались смертью, и вообще статистика маляріиныхъ заболѣваній давала очень крупныя цифры.

Послѣ же примѣненія сѣтокъ и уничтоженія личинокъ процентъ заболѣваній значительно понизился. Такъ, изъ 62 лицъ, жившихъ въ вышеозначенной мѣстности лѣтомъ 1903 года, только 4 лица заболѣли маляріей, что составляетъ 6,45%, тогда какъ предыдущимъ лѣтомъ, когда мѣры противомаларійныя примѣнены не были, заболѣвшіе составляли 35,2%.

Въ Италіи и Австро-Венгріи рациональная борьба съ маляріей ведется даже путемъ законодательныхъ мѣръ¹⁾.

23 декабря 1900 года въ Италіи былъ изданъ законъ, касающійся продажи хинина, при чемъ министру финансовъ предоставлялось право, насколько возможно, удешевить продажу хинина и сдѣлать его вполне

¹⁾ Цитировано по статьѣ д-ра Игнатъева изъ „Трудовъ комиссіи по изученію маляріи въ Россіи“, изд. общ. русскихъ врачей въ память Пирогова.

доступнымъ для бѣднѣйшаго населенія страны. Второй законъ отъ 2 ноября 1903 г. вмѣняетъ въ обязанность всесторонне и широко проведенную борьбу съ маляріею во всѣхъ областяхъ, признанныхъ маляріейными, при чемъ всякое маляріейное заболѣваніе среди рабочаго населенія падаетъ на ответственность администраціи и смерть рабочаго отъ маляріи даетъ право взыскивать соответственное вознагражденіе, подобно тому, какъ оно взыскивается за всякій несчастный случай съ рабочимъ ¹⁾.

На о-вѣ Корсикѣ французскимъ правительствомъ также приняты мѣры къ тому, чтобы во всѣхъ маляріейныхъ мѣстностяхъ продажа хинина была подчинена особому надзору, который обезпечивалъ бы бѣднѣйшему населенію приобрѣтеніе хинина хорошаго качества и по самой дешевой цѣнѣ.

Среди различныхъ учреждений, задавшихся цѣлью провести въ жизнь рациональную борьбу съ маляріей, слѣдуетъ указать на специальную комиссію, образованную при Пироговскомъ об—вѣ. Эта комиссія подъ руководствомъ Г. Н. Габричевскаго образовала минувшимъ лѣтомъ (1903 г.) двѣ противомаларійныя экспедиціи: одна дѣйствовала въ Воронежской губерніи, а другая—на Кавказѣ. Результаты въ обоихъ этихъ мѣстахъ были получены вполне удовлетворительные и тѣмъ болѣе удовлетворительные, если принять во вниманіе то обстоятельство, что невѣжество населенія въ избранныхъ маляріейныхъ районахъ (особенно деревня Отрожка Ворон. губ. и станц. Раздѣльная Юго-Вост. ж. д.) значительно препятствовало успѣшной борьбѣ съ маляріей (многіе крестьяне не давали брать кровь для изслѣдованія и отказывались отъ приема хинина).

Кавказская экспедиція основалась въ Евлахѣ (350 жителей), одной изъ самыхъ маляріейныхъ станцій Закавказской ж. д., и здѣсь были примѣнены къ населенію профилактическія и лѣчебныя мѣры борьбы съ маляріей (механическія и химическія). Изъ отчета комиссіи видно, что за три лѣтнихъ мѣсяца удалось уменьшить заболѣванія вдвое по сравненію съ прошлымъ годомъ: вмѣсто 128,3% число заболѣваній понизилось до 61,7%. Интересно, что на сосѣдней станціи, гдѣ не были примѣнены мѣры борьбы, число заболѣваній за то же время достигало высокой цифры 126,3%.

Въ заключеніе скажемъ еще нѣсколько словъ о тѣхъ возраженіяхъ, которыя были сдѣланы различными авторами противъ комариной теоріи. Одно изъ болѣе существенныхъ возраженій этого рода указываетъ на то обстоятельство, что существуютъ мѣстности, въ которыхъ находится большое количество комаровъ рода *Anopheles*, а тѣмъ не менѣе маляріи не наблюдается. Это возраженіе, которое могло бы считаться довольно вѣскимъ, устраняется однако недавно сдѣланными наблюденіями, согласно которымъ среди *Anopheles* есть нѣсколько видовъ, неодинаково относящихся къ маляріейному паразиту. Оказывается, что только одинъ изъ этихъ видовъ, а именно *An. maculipennis* (s. *claviger*), представляетъ вполне благоприятныя условія для полового развитія паразита, и какъ разъ это тотъ именно видъ, который водится въ маляріейныхъ мѣстностяхъ. Наоборотъ, разновидности *Anopheles*, живущія въ

¹⁾ Д-ръ Игнатьевъ.

мѣстахъ, лишенныхъ маляріи, обладаютъ извѣстнымъ иммунитетомъ къ микробу этой болѣзни и не заражаются ею.

Другое возраженіе заключается въ томъ, что при извѣстныхъ условіяхъ наблюдается заболѣваніе маляріей при полномъ отсутствіи какихъ-либо комаровъ; это наблюдается обыкновенно раннею весной (февраль, мартъ—апрѣль), когда комары еще не беспокоятъ насъ своими укусами. И это возраженіе не можетъ считаться основательнымъ. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ дѣло идетъ о такъ называемыхъ весеннихъ рецидивахъ маляріи, которые являются у людей, уже раньше страдавшихъ этою болѣзью. Исслѣдованіе такихъ больныхъ показываетъ, что при новой вспышкѣ появляется обычно та же самая форма маляріи, которая была у нихъ наблюдаема и при первоначальномъ заболѣваніи. Мы должны поэтому допускать, что у такихъ больныхъ малярійный паразитъ все время въ теченіе цѣлой зимы находился въ скрытомъ состояніи, въ глубоко лежащихъ органахъ, и только съ наступленіемъ весны проявилъ свою активность, и, слѣдовательно, мы имѣемъ дѣло не съ новымъ зараженіемъ, а съ обостреніемъ прежде бывшаго зараженія.

Наконецъ, указываютъ и такіе случаи, когда мѣстность болотистая и изобилующая комарами бываетъ свободна отъ маляріи. Во всѣхъ такихъ случаяхъ при ближайшемъ изученіи оказывалось, что водяшіеся въ данной мѣстности комары принадлежатъ къ безвредному роду *Culex*.

Подводя итоги всему сказанному о комариной теоріи маляріи, мы должны признать, что до сихъ поръ противъ этой теоріи не было представлено ни одного основательнаго возраженія и что, наоборотъ, практическое примѣненіе мѣръ, основанныхъ на ней, вполне оправдало возложенныя на нее ожиданія и въ то же время представило новое доказательство въ пользу ея справедливости.

П. Циблинская.

Философскій конгрессъ. — Второй международный философскій конгрессъ откроется въ воскресенье 4-го сентября (нов. ст.) въ два часа дня въ актовомъ залѣ Женевскаго университета и будетъ продолжаться слѣдующіе дни до вечера четверга, 8-го сентября.

Занятія конгресса будутъ происходить въ общихъ собраніяхъ и въ засѣданіяхъ секцій, руководимыхъ предсѣдателями секцій; въ случаѣ надобности секціи могутъ быть раздѣлены на подсекціи.

Общія собранія будутъ посвящены исключительно обсужденію вопросовъ, заранѣе намѣченныхъ организаціоннымъ комитетомъ и предложенныхъ докладчиками. Во время общихъ собраній не будетъ засѣданій секцій.

Будетъ пять секцій: 1) *Исторіи философіи*, 2) *Общей философіи и психологіи*, 3) *Практической философіи* (мораль, эстетика, социальная философія, философія религіи, философія права). — 4) *Логикѣ и философіи наукъ*, 5) *Исторіи наукъ*.

Сообщенія не могутъ продолжаться болѣе 15 минутъ. (Это правило не относится къ докладамъ.)

Нѣмецкій, англійскій, французскій и итальянскій языки признаны официальными языками конгресса.

Членскій взносъ—20 франковъ.

Литературное обозрѣніе.

I.

Священникъ Василій Өивейскій, жизнь котораго разсказалъ г. Л. Андреевъ ¹⁾, самъ въ душѣ своей, не сознавая того, прошелъ весь путь человѣческой мысли отъ наивной вѣры до самоопредѣленія. Онъ прошелъ его не въ отвлеченіи, какъ философъ, слѣдуя неотразимому развитію своей теоретической мысли, а по низу и невольнo, гонимый впередъ отъ этапа къ этапу бичомъ своей личной судьбы. Его жизнь за то время, что мы ее видимъ, вся сводится къ мучительному рѣшенію вопроса о Богѣ и о таинственныхъ судьбахъ человѣческой жизни; но и поставилъ онъ себѣ этотъ вопросъ не по своей волѣ, и, рѣшая его, все время страстно желаетъ избавиться отъ него и радъ бы успокоиться на любомъ этапѣ.

Этотъ вопросъ ставить себѣ и болѣе или менѣе сознательно его рѣшаетъ каждый мыслящій человѣкъ—одинъ преимущественно теоретически, сразу въ общей формѣ, другой скорѣе практически, ища отвѣта на частныя недоумѣнія, возбуждаемыя въ немъ его личной судьбой, и лишь постепенно, часто противъ воли, поднимаясь до общей постановки вопроса. Тѣхъ и другихъ можно сравнить съ дѣятелями французской и съ дѣятелями англійской революціи. Робеспьеръ или Барнавъ бросались на политическую арену воспламененные чтеніемъ Руссо и Монтескье, вдохновленные идеями свободы и равенства, и созданіе новаго строя начинали декларацией правъ. А Гэмденъ лѣтъ до сорока мирнымъ хозяиномъ прожилъ въ своемъ помѣстьи, среди будничныхъ дѣлъ, въ кругу семьи, можетъ быть нисколько не думая о политикѣ, и такъ прожилъ бы, вѣроятно, до конца своихъ дней, если бы король не нарушилъ его личнаго права—быть облагаемымъ не иначе, какъ съ согласія парламента: онъ отказывается платить ничтожный налогъ, попадаетъ подъ судъ и, защищая свое право, которое есть вмѣстѣ съ тѣмъ и право всего англійскаго народа, вовлекается невольнo въ политическую борьбу; и дальше онъ ведетъ эту борьбу шагъ за шагомъ, не требуя народо-властія, но упорно защищая отъ произвола каждое отдѣльное право народа, и ему навѣрное все время хочется, чтобы сталъ возможенъ миръ между королемъ и народомъ безъ вреда для послѣдняго и чтобы онъ

¹⁾ Сборникъ товарищества „Знаніе“, в. I. С.-Петербургъ, 1904.

самъ могъ вернуться въ свою тихую усадьбу. Какой изъ двухъ способовъ плодотворнѣе, едва ли можно рѣшить. Въ концѣ-концовъ и французская революція была вызвана не книгами Руссо, а подлинной жизнью, да и декларация правъ сослужила не малую службу народамъ. Отвлеченный и практический интересъ, элементы революціонный и консервативный равно присущи нашему духу, и человѣчество искони подвигалось впередъ обоими путями: стараясь упрочить частное старое и стараясь создать цѣлое новое. Одно можно сказать съ достовѣрностью, что родовыя боли конкретной мысли несравненно мучительнѣе, чѣмъ родовыя боли мысли теоретической.

Таковъ по типу своему о. Василій Оивейскій — человѣкъ, мыслящій противъ воли, увлекаемый частнымъ къ общему, консерваторъ, становившійся революціонеромъ. Авторъ рассказываетъ, что въ началѣ описываемаго періода Василій Оивейскій вѣрилъ въ Бога торжественно и просто; вся дальнѣйшая его исторія есть исторія разложенія этой вѣры. Работа его мысли такъ страшно мучительна именно потому, что онъ ощущаетъ ее не какъ созиданіе новаго, всегда опьяняющее человѣчскій умъ счастьемъ творчества, а какъ неудержимое разрушеніе привычнаго стараго, безчисленными нитями глубоко укоренившася въ его нервной системѣ. Но для насъ, глядящихъ со стороны, это разрушеніе есть вмѣстѣ творчество, подобное превращенію куколки въ бабочку. Художникъ далъ намъ рѣдкій случай прослѣдить изнутри процессъ такого превращенія въ области духа; какъ историкъ, изучая причины и ходъ различныхъ революцій, обобщаетъ ихъ существенныя черты въ историческіе законы, такъ переворотъ, совершающійся въ душѣ неизвѣстнаго міру сельскаго священника, является для насъ прообразомъ общечеловѣческой трагедіи духа. Предъ нами типическая картина превращенія простой человѣческой особи въ человѣка.

Когда послѣ смерти сына Василій Оивейскій впервые увидалъ свою жену пьяною и по лицу ея понялъ, что это навсегда, что-то словно хрустнуло въ немъ и дало трещину; и, выйдя въ поле, онъ дважды передъ лицомъ пламеннаго неба, „точно кому-то возражая, кого-то страстно убѣждая и предостерегая“, повторилъ: я вѣрю. Всю жизнь крѣпко жила въ немъ вѣра, и онъ не замѣчалъ ея, какъ мы не замѣчаемъ нашего кровообращенія. Вѣра есть органическое чувство осмысленности и благолѣпія міровой жизни вопреки видимому безсмыслию и уродству ея явленій; разумною и гармоничною ощущалъ ее донныѣ и о. Василій, несмотря на постигавшія его невзгоды. Теперь два страшныхъ удара — гибель сына и пьянство жены — поколебали его душевное равновѣсіе; органическое чувство было нарушено, и онъ впервые созналъ въ себѣ вѣру, взглянулъ на нее и увидѣлъ, что она крѣпка. Эти два удара были такъ дико-нелѣпы и незаслуженны для его человѣческаго разума, что вѣра оказалась безсиленною мгновенно оправдать ихъ, какъ въ прежніе разы, и заглушить мятежный вопросъ разума: почему? И вотъ вопросъ прозвучалъ въ душѣ о. Василія, и звукъ его былъ такъ чуждъ и страшенъ, что человѣкъ не узналъ своего собственнаго голоса и принялъ его за навожденіе. Но отнынѣ ему уже не заглушить въ себѣ этого вопроса, и, значить, вѣра его умерла, потому что онъ призвалъ зло и страданіе на судъ своего, человѣческаго разума, тогда какъ вѣра оправдываетъ міръ инымъ, божественнымъ разумомъ. Разумъ же чело-

вѣческій не отпускаетъ своихъ жертвъ; разъ онъ проснулся, его не усыпить ничѣмъ.

На первую минуту о. Василію показалось, что онъ стряхнулъ внезапное навожденіе; только разъ еще, послѣ безумной ночи зачатія, снова прозвучалъ въ полѣ его молитвенный вопль „я вѣрю“, а когда попадавъ забеременѣла и въ домъ стало хорошо, какъ у людей, на его душу опять сошелъ тихій и радостный покой. Но онъ „не замѣчалъ и не зналъ, что ко лбу его, гдѣ-то между бровями, безмолвно прилегаешь прозрачная тѣнь великой скорби“: среди объявшаго его покоя онъ чутѣемъ страшится новыхъ ударовъ, и не ихъ самихъ, а того временно-затихшаго бунта, который они неизбѣжно должны опять возбудить въ его душѣ.

И оно пришло, это новое испытаніе, страшнѣе всѣхъ прежнихъ. Новорожденный сынъ, который долженъ былъ вернуть въ домъ миръ и радость, унесенные погибшимъ первенцемъ, оказался идиотомъ, и попадавъ снова зашла. Молча и на видъ безучастно слушаетъ о. Василій дикія рѣчи жены, обезумѣвшей отъ боли и водки, неподвижно стоитъ потомъ у кровати, на которой она бьется въ бѣлой горячкѣ, спокойнымъ жестомъ поднимаетъ руки къ головѣ, и когда опускаетъ ихъ, между его пальцами дрожатъ длинныя, исчерна-сѣдыя нити волосъ. И онъ думаетъ, думаетъ, думаетъ, и на всѣхъ его движеніяхъ явственно начертана глубокая дума. Онъ думаетъ „о Богѣ и о людяхъ, и о таинственныхъ судьбахъ человѣческой жизни“. Миръ, цѣльный въ его прежней вѣрѣ, теперь рушится передъ нимъ; онъ долженъ снова, уже однимъ своимъ человѣческимъ разумомъ, возсоздать его во всей стройности, или погибнуть.

И тутъ онъ впервые увидѣлъ то, чего раньше не зналъ. Пришла къ нему на исповѣдь одинокая старуха, похоронившая всѣхъ своихъ дѣтей и жившая подаяніемъ; слушая ее, онъ вдругъ былъ озаренъ мыслью, что ему дано узнавать отъ людей ту, самую тайную ихъ правду, которой они не говорятъ никому; и онъ съ изумленіемъ глядѣлъ на лицо женщины, точно озарившееся ярымъ свѣтомъ: на немъ была начертана какая-то ясная и загадочная правда о Богѣ и жизни. „И тутъ впервые на сороковомъ году своего бытія о. Василій Фивейскій понялъ глазами и слухомъ, и всѣми чувствами своими, что, кромѣ него, есть на землѣ другіе люди, подобныя ему существа, и у нихъ своя жизнь, свое горе, — своя судьба“. Онъ потерялъ одного ребенка, и изнемогъ, а она похоронила всѣхъ дѣтей: что же даетъ ей силу жить? „Какъ же ты живешь?“ съ недоумѣніемъ спрашиваетъ онъ ее, и жадно впивается въ нее глазами.

Теперь, когда вся земля, доселѣ пустынная, населилась для него людьми, подобными ему самому, онъ, въ страстномъ исканіи правды о жизни, принимается безъ устали выпытывать у людей, чѣмъ они живутъ: не узнаетъ ли онъ отъ нихъ этой правды. Онъ читаетъ ее на всѣхъ лицахъ, но не умѣетъ ее назвать; и вотъ онъ по цѣлымъ часамъ настойчиво допрашиваетъ исповѣдниковъ и, не зная, чего ищетъ, безъ жалости и стыда выворачиваетъ наружу все, чѣмъ живетъ человѣческая душа. Но уже скоро онъ понялъ, что и другіе люди не знаютъ правды о жизни; всѣ ее чувствовали, и никто не умѣлъ назвать ее человѣческимъ словомъ, такъ же какъ и онъ самъ.

Онъ уже зналъ, что вокругъ него люди и что они страдаютъ, но видѣлъ въ нихъ пока только средство для себя, которымъ надѣялся проникнуть въ тайну; онъ еще „никого не любитъ“, какъ Настя, и отпускаетъ ту старуху безъ единого слова утѣшенія. Но скорбныя повѣсти исповѣдниковъ на этотъ разъ не даромъ вошли въ его слухъ. За десять лѣтъ священства онъ выслушалъ много исповѣдей, видѣлъ много измученныхъ лицъ и горькихъ слезъ, но душа его оставалась безучастной. Не то чтобы онъ не умѣлъ понимать чужого горя—мало ли онъ настрадался за всю свою жизнь! но вѣра все покрывала, все оправдывала въ чувствѣ еще раньше, чѣмъ сознание успѣвало поставить вопросъ — зачѣмъ? Теперь плотина распалась, и въ измученную душу о. Василія хлынуло все безысходное человѣческое горе. Онъ впервые началъ узнавать гнѣвъ и жалость, другими глазами сталъ смотрѣть вокругъ себя, впервые увидалъ, что у него есть дочь и она несчастна, и когда приходитъ къ нему на исповѣдь Мосягинъ, онъ уже не только выпытываетъ у него правду о жизни („А кто помогаетъ тебѣ?“, „Чего же ты ждешь?“ и пр.), но и задыхается отъ жалости и боли и съ суровой лаской кладетъ руку на плечо мужика. Съ каждымъ часомъ все сильнѣе нарастаетъ въ немъ чувство неразрывной солидарности съ людьми: всѣ страдаютъ, всѣ кѣмъ-то жестоко обмануты, всѣ напряженно и страстно ждутъ чего-то отъ Бога. А онъ для нихъ на землѣ представитель Бога, ему несутъ они свои мольбы и жалобы; но что онъ можетъ сдѣлать для нихъ, „бессильный служитель всемогущаго Бога“? Теперь всѣ лившіяся передъ нимъ слезы какъ отравленные иглы входили въ его сердце; „такъ стыдно ему было, какъ будто онъ совершилъ всѣ преступленія, какія есть въ мірѣ, онъ пролилъ всѣ слезы, онъ истерзалъ и изорвалъ въ клочки человѣческія сердца“.

Что же, развѣ онъ пересталъ вѣрить въ Бога? Конечно, нѣтъ. Но именно въ томъ ужасѣ его положенія, что, попрежнему вѣря во всевѣдущаго и всемогущаго Бога, онъ утратилъ органическое чувство неизблемой, хотя и непонятной человѣку, осмысленности бытія. Его проснувшійся разумъ взглянулъ на міръ и увидѣлъ, что все въ немъ дурно; творецъ міра остался на своемъ небесномъ престолѣ, но уже не какъ благое, хотя и непонятное намъ начало, а какъ жестокій и капризный тиранъ. Отнынѣ онъ не можетъ признать другой осмысленности, кромѣ той, которая представляется таковою человѣческому разуму; теперь уже ничѣмъ не можетъ быть оправдано въ его глазахъ то, что уродливо для его сознанія. Когда онъ кричитъ изступленно, поднимая сжатый кулакъ: „И ты терпишь это!“, онъ тѣмъ самымъ ставитъ свой разумъ единымъ мѣриломъ законности, исключаящимъ всякое другое: онъ, Василій Оивейскій, призналъ вещь злой и нелѣпой, значитъ такую долженъ признавать ее и Богъ — какъ же Онъ терпитъ ее? О присущности Богу иного, высшаго разума, для котораго эта вещь — не зло, а благо, уже нѣтъ рѣчи. И Богъ терпитъ зло, равнодушно глядя на страданія людей; измученному человѣчеству не отъ кого ждать помощи — оно должно само исправить міръ и водворить на землѣ блаженство. Великій бунтъ противъ Бога разгорается въ душѣ Оивейскаго — и вмѣстѣ братская нѣжность къ людямъ: „Подобно жертвеннику пылала его душа, и каждаго, кто подходилъ къ нему, хотѣлось ему заключить въ братскія объятія и сказать: „бѣдный другъ, давай бороться вмѣстѣ и пла-

каты и искать. Ибо ни откуда нѣтъ человѣку помощи“. И когда пришелъ къ нему безногий Трифонъ и разсказалъ ужасную исторію объ убитой дѣвочкѣ, онъ вспыхнулъ яростью не противъ убійцы, а противъ Бога: вѣдь это не червь, а человѣкъ — зачѣмъ же Ты оставилъ его? зачѣмъ допустилъ преступленіе? Не онъ виновенъ предъ Тобою, а Ты передъ нимъ, и Ты долженъ наградить его раемъ.

Тысячелѣтія назадъ такой же бунтъ противъ Бога былъ начертанъ огненными письменами въ еврейской книгѣ. Іовъ былъ непороченъ, справедливъ, богобоязненъ и удался отъ зла: самъ Господь сказалъ это о немъ сатанѣ; но чтобы испытать его, посѣтилъ его всѣмъ ужасомъ человѣческаго страданія. А Іовъ не зналъ, что это сдѣлано для его испытанія; онъ взглянулъ на свои муки, и вмѣстѣ на всю земную жизнь, взоромъ своего человѣческаго разума и увидѣлъ, что нѣтъ въ ней справедливости. И всѣ его рѣчи — раздирающій сердце вопль о справедливости, и именно о справедливости предъ очами человѣческаго разума. Всей силою нестерпимой скорби своей онъ жаждетъ одного — праваго суда между собою и Богомъ: „О, если бы я зналъ, гдѣ найти Его, и могъ подойти къ престолу Его! Я изложилъ бы предъ Нимъ дѣло мое, и уста мои наполнилъ бы оправданіями; узналъ бы слова, какими Онъ отвѣтитъ мнѣ, и понялъ бы, что Онъ скажетъ мнѣ. Тогда праведникъ могъ бы состязаться съ Нимъ, и я навсегда получилъ бы свободу отъ суди моего. Но Онъ не человѣкъ, какъ я, чтобы я могъ отвѣчать Ему и идти вмѣстѣ съ Нимъ на судъ! Нѣтъ между нами посредника, который положилъ бы руку свою на обоихъ насъ“.

Трагедія Іова заключается въ томъ, что, будучи непоколебимо увѣренъ въ премудрости Вседержителя, онъ въ то же время не можетъ отречься отъ собственнаго сознанія, проснувагося теперь: для этого сознанія ходъ земной жизни несправедливъ и уродливъ, а вѣдь онъ направляется всевидящей мудростью Бога, т.-е. несомнѣнно полонъ какого-то высшаго смысла и красоты. Примириться невозможно, а протестъ нелѣпъ. И что всего ужаснѣе: на сторонѣ непонятной намъ Божественной правды — всемогущая сила, нашъ же для насъ непреложный разумъ безсиленъ сдвинуть соломинку. Іовъ знаетъ, что онъ невиненъ, тѣмъ болѣе невиненъ, что ни одно его движеніе не совершается внѣ воли Божьей; за что же Богъ покаралъ его? „Объяви мнѣ, за что Ты со мною борешься? Хорошо ли для Тебя, что Ты угнетаешь дѣло рукъ Твоихъ, а на совѣтъ нечестивыхъ посылаешь свѣтъ? Зачѣмъ Ты ищешь порока во мнѣ, хотя знаешь, что я не беззаконникъ и что некому изъбавить меня отъ руки Твоей? Твои руки трудились надо мною, Ты, какъ глину, обдѣлалъ меня, — зачѣмъ же Ты обращаешь меня въ прахъ? Зачѣмъ Ты скрывалъ въ сердцѣ Твоемъ, что, если я согрѣшу, Ты накажешь меня?“ Нѣтъ справедливости между Богомъ и человѣкомъ. Если я виновенъ — горе мнѣ! если и правъ, Ты захочешь, и объявишь меня виновнымъ. Вотъ — говоритъ Іовъ — нога моя твердо держалась стези Твоей, я хранилъ Твои пути и не уклонялся, и я былъ спокоенъ; но Ты потрясъ меня, взялъ меня за шею и избилъ. И такъ всюду: праведные погибаютъ, а беззаконный живетъ, достигаетъ старости и силами крѣпокъ; гдѣ же правосудіе? „Вотъ я кричу: обидя! и никто не слушаетъ; вопію, и нѣтъ суда! ибо Онъ твердъ, и кто отклонитъ Его? Онъ дѣлаетъ, чего хочетъ душа Его. О, если бы человѣкъ могъ

имѣть состязаніе съ Богомъ, какъ сынъ человѣческой съ ближнимъ своимъ!"

И Богъ отвѣтилъ Іову. Онъ не пошелъ на судъ съ нимъ, не открылъ ему своихъ путей и законовъ своей справедливости, но развернулъ предъ нимъ дивную вереницу своихъ созданій во всей законѣрности ихъ бытія: все создано Мною, Моей нечеловѣческой мудростью и нечеловѣческимъ могуществомъ, и каждое живетъ по своему закону. Таковъ ли Я, какъ ты? а если нѣтъ, зачѣмъ ты ищешь во Мнѣ *твоей* справедливости? Моя справедливость — иная; кто предварилъ Меня, чтобы мнѣ давать ему отчетъ? „И отвѣчалъ Іовъ Господу и сказалъ: Такъ, я говорилъ о томъ, чего не разумѣлъ, о дѣлахъ чудныхъ для меня, которыхъ я не зналъ. Я слышалъ о Тебѣ слухомъ уха; теперь же мои глаза видятъ Тебя; поэтому я отрекаюсь и раскаиваюсь въ прахѣ и пеплѣ“.

Іовъ смирился, т.-е. отрекся отъ своего разума, а смиреніе заслуживаетъ награды; и дѣйствительно, Богъ благословилъ его послѣдніе дни болѣе, нежели прежніе: у него было четырнадцать тысячъ мелкаго скота, шесть тысячъ верблюдовъ, тысяча паръ воловъ и тысяча ослицъ, и не было на всей землѣ такихъ прекрасныхъ женщинъ, какъ его дочери. Но какъ могъ онъ прожить спокойно на землѣ еще цѣлыхъ 140 лѣтъ, какъ достигъ того, что его разумъ, разъ прозрѣвъ, согласился снова не видѣть и не жаждать *своей* справедливости, объ этомъ Библия не говоритъ ничего.

Смирился въ прахѣ и пеплѣ и о. Василій Оивейскій, когда позналъ ужасную и неизяснимую близость Бога. Страшной смертью умерла попадья — послѣ столькихъ страданій, такого глубокаго униженія. *Это* уже не могло быть капризомъ какой-нибудь высшей воли: здѣсь явно былъ грозный и величественный замысль, иначе пришлось бы допустить такую дикую и бессмысленную свирѣпость, какой не въ силахъ постигнуть человѣческой умъ. И о. Василій громко и испуганно говорить: нѣтъ, нѣтъ! Ты правъ, я вѣрю, — и простирается ницъ предъ этимъ непонятнымъ, но явнымъ замысломъ. „Ужасы сомнѣній и пытующей мысли, страстный гнѣвъ и смѣлые крики возмущенной гордости человѣка“ — все умолкаетъ, уступая мѣсто ощущенію силы и необыкновеннаго спокойствія. Теперь ему ясно, что тамъ, гдѣ онъ видѣлъ хаосъ и злую бессмыслицу, тамъ могучей рукой былъ начертанъ вѣрный и прямой путь. Съ тѣхъ поръ какъ онъ утратилъ органическое чувство міровой гармоніи и впервые свободно взглянулъ на жизнь, Богъ былъ для него лишь формальной силой: только теперь, увидѣвъ Бога глазами, какъ Іовъ, онъ ощутилъ его реальность всѣмъ своимъ существомъ.

Но на этомъ и кончается его сходство съ Іовомъ. Онъ покорился, но дорогой цѣной: онъ отрекается отъ своей воли, но только затѣмъ, чтобы сдѣлать самого Бога исполнителемъ своей правды. Вотъ почему его душа наполняется такимъ нестерпимымъ восторгомъ: его дѣло — въ могучей рукѣ; нѣтъ больше безсилія, нѣтъ больше бездны между разумомъ и силой; Богъ слился съ человѣкомъ, человѣческая справедливость ополчена всемогуществомъ Бога. Не бессмысленны были его страданія, а цѣлесообразны, и такъ какъ они были необыкновенны, то очевидно, что и цѣль ихъ была очень высока: онъ, Василій Оивейскій, явно избранъ Богомъ на невѣдомый подвигъ и невѣдомую жертву. Каковъ этотъ подвигъ — путь къ намѣченной цѣли — этого онъ, человѣкъ,

не долженъ знать; но цѣль эта — ничто иное, какъ осуществленіе требованій его собственнаго человѣческаго разума: спасеніе людей отъ золь и страданія, водвореніе на землѣ той осмысленности, того благолѣпія, какія провидитъ человѣческое сознаніе. Объ иной цѣли, чѣмъ эта, — о возможности какой-нибудь немислимой для человѣка Божественной цѣли—нѣтъ и рѣчи. Человѣкъ согласился проходить свой путь съ завязанными глазами, ведомый Богомъ, но тѣмъ властнѣе хочетъ онъ, чтобы этотъ путь велъ туда, куда *ему* надо. Нѣтъ въ мірѣ хаоса, а есть одно *богочеловѣческое* дѣло, и исполнителемъ его избранъ онъ, Василій Өивейскій. Его страданія донинѣ были приготовленіемъ къ этому подвигу; теперь Богъ обратилъ всю его жизнь въ пустыню, снялъ съ него всѣ суетныя заботы — теперь онъ готовъ: „Милые братья! Пожалѣлъ насъ Господь, насталь для насъ часъ милости Божіей!“

Но богочеловѣческая цѣль можетъ быть достигнута только богочеловѣческимъ средствомъ: такое средство—чудо, ибо только въ чудѣ сверхъестественная сила измѣняетъ сущность или законы міровыхъ частицъ. Итакъ, Богъ долженъ чудомъ чрезъ раба своего Василія осуществить цѣль, указанную Ему разумомъ этого Его раба: создать „міръ любви, міръ божественной справедливости, міръ свѣтлыхъ и безбоязненныхъ лицъ, не опозоренныхъ морщинами страданій, голода, болѣзней“. И, предписавъ въ неслыханной гордынѣ Богу *свою* цѣль, Өивейскій покорно склоняетъ голову и говоритъ: Да будетъ Твоя святая воля.

Отнынѣ его жизнь вся устремлена къ этому невѣдомому подвигу—къ чуду; онъ ждетъ терпѣливо, но съ полной увѣренностью, и старается только сохранить себя чистымъ до урочнаго часа. Всѣ часы его посвящены колѣнопреклоненной молитвѣ, — и кто еще молился какъ онъ, да и кто могъ молиться такъ, какъ этотъ человѣкъ, безраздѣльно и радостно слившійся съ Богомъ, вручившій Ему свой разумъ и принявшій въ себя Его власть? Онъ ждетъ спокойно. Какимъ восторгомъ наполняется его душа, когда онъ читаетъ о томъ, какъ Христось далъ зрѣніе слѣпорожденному! Есть чудо, есть! „Вѣрую, Господи! Вѣрую!“

Ему бы и ждать до конца терпѣливо, пока настанетъ урочный часъ, избраніе котораго предлежитъ не человѣку, а Богу; вѣдь знаетъ же онъ, что пути — въ рукѣ Божіей. Но вотъ на его глазахъ случилось опять нѣчто нелѣпое, дикое, бессмысленно-жестокое: убить обваломъ такъ много страдавшій Мосягинъ, и вотъ лежитъ въ гробу его зловонный, разлагающійся трупъ и возлѣ стоятъ обездоленные вдова и трое сиротъ. Смирись же, Василій Өивейскій: пути невѣдомы человѣку; останься спокоенъ въ радостномъ ожиданіи конечнаго чуда и не спрашивай объ отдѣльномъ явленіи — зачѣмъ? Но тамъ, гдѣ разумъ давно смирился, сердце не захотѣло молчать. Развѣ *такое* можетъ быть средствомъ, какова бы ни была цѣль? Нѣтъ, этого не можетъ быть!—до такой степени не можетъ быть, что этого вовсе и нѣтъ. Эти люди думаютъ, что Семень умеръ? Какіе смѣшныя! Богъ только придалъ ему такой видъ, чтобы на немъ явить чудо. Стоитъ ему, Өивейскому, сказать трупу: встань! и Семень встанетъ; вѣдь онъ объ этомъ договорился съ Богомъ, на этомъ условіи покорился Ему. „Тебѣ говорю, встань!“

— Ты обмануть меня хочешь?

— Такъ зачѣмъ же я вѣрилъ?

— Такъ зачѣмъ же Ты далъ мнѣ любовь къ людямъ и жалость— чтобы посмѣяться надо мною?

— Такъ зачѣмъ же всю жизнь мою Ты держалъ меня въ плѣну, въ рабствѣ, въ оковахъ? Ни мысли свободной! Ни чувства! Ни вздоха! Все однимъ Тобою, все для Тебя. Одинъ Ты! Ну, явись же—я жду.
Но Богъ не явился.

Въ этой поразительной мистеріи символически-реально воспроизведена извѣстная трагедія человѣческаго духа, его могучихъ порывовъ и жалкаго безсилія, — воспроизведена во всей ужасающей правдѣ своей безнадежности. Суровой скорбью и затаеннымъ гнѣвомъ дышатъ эти страницы, точно плачь Іереміи или мятежныя жалобы Іова; здѣсь скорбь о великомъ страданіи человѣчества, и еще большая скорбь о безмліи человѣческаго разума и человѣческой любви. Таковъ нашъ роковой удѣлъ, и отъ него нѣтъ спасенія.

Но это не все. Въ предѣлахъ этой трагической участи намъ показана вся красота, все величіе человѣческаго духа; намъ показано, какъ только въ этой борьбѣ вырастаетъ человѣкъ до наивысшаго уровня. Такъ было съ Іаковомъ, когда онъ одинъ въ ночи боролся съ Богомъ: не одолѣвъ ни тотъ, ни другой, и Богъ, увидѣвъ, что не одолѣваетъ, повредилъ суставъ бедра у Іакова и не сказалъ ему имени своего; но Іаковъ заставилъ Его благословить себя. Никто не борется безнаказанно съ Богомъ, никому Онъ не назоветъ себя, но борющагося съ нимъ Онъ благословляетъ. Не открылъ Онъ своего имени и Василію Фивейскому и тяжко ранилъ его, но зато и благословилъ лучшимъ своимъ благословеніемъ: пониманіемъ и любовью. Въ борьбѣ его разумъ раскрылся и созналъ свое царственное величіе, его сердце расширилось и восприняло въ себя всю боль человѣчества, и умираетъ Василій Фивейскій уже не священникомъ с. Знаменскаго, а смѣлымъ ратоборцемъ за всемірную правду, осиленнымъ, но властнымъ, положивъ животъ за братьевъ своихъ. Метафизическій вопросъ неразрѣшимъ, но какъ могучъ и прекрасенъ духъ человѣческій въ своемъ расцвѣтѣ, чрезъ страданія познавшій Бога и въ немъ обнявшій весь міръ! „Умъ и сердце расплавились на огнѣ непознаваемой правды, и новая жизнь вошла въ старое тѣло“.

Такъ—чрезъ неимоверныя страданія—вошла новая жизнь и въ старое тѣло Лира. Кто узнаетъ капризнаго деспота первыхъ сценъ въ величественно-кровоюмъ старцѣ съ мертвой Корделіей на рукахъ? Въ ту страшную ночь, когда и люди, и стихіи — все ополчилось на его дряхлую голову, пелена спадаетъ съ его глазъ. Чѣмъ можетъ небо оправдать его страданія? Оно молчитъ и втайнѣ готовитъ ему еще послѣдній, самый безжалостный ударъ — смерть вновь обрѣтенной Корделіи. Лиръ лежитъ во прахѣ, растоптанный жизнью какъ червь, но въ самомъ Лирѣ царственно выросъ человѣкъ, торжествующій надъ рокомъ, наблюдающій сущность дѣла, какъ посланникъ отъ боговъ, способный „прожить весь вѣкъ въ стѣнахъ темницы, не вѣдая тревоги и тоски“, обнимающій сердцемъ все, что страдаетъ на землѣ.

Вы, бѣдные, нагіе несчастливцы,
Гдѣ бы эту бурю ни встрѣчали вы,
Какъ вы перенесете ночь такую
Съ пустымъ желудкомъ, въ рубищѣ дырявомъ,
Безъ крова надъ бездомной головой?

Кто приютитъ васъ, бѣдные? Какъ мало
 Объ этомъ думалъ я! Учись, богачъ,
 Учись на дѣлѣ нуждамъ меньшихъ братьевъ,
 Горюй ихъ горемъ и избытокъ свой
 Имъ отдавай, *чтобъ оправдать тѣмъ небо.*

Пусть молчатъ жестокое небо,—онъ, человѣкъ, въ мѣру силъ своихъ
 прикроетъ земное горе пониманіемъ и любовью: „Нѣтъ въ мірѣ вино-
 ватыхъ! нѣтъ! я знаю! Я заступлюсь за всѣхъ!..“

II.

Всякое истинное произведеніе искусства символично, какъ симво-
 лично любое явленіе жизни; отличіе повѣсти Л. Н. Андреева—въ созна-
 тельности и сгущенности ея символизма. Человѣческая жизнь разсма-
 тривается здѣсь *sub specie aeternitatis*; поэтъ не ограничивается изо-
 браженіемъ ея внѣшней оболочки, подъ которою мы сами, сквозь призму
 переходящихъ особенностей, могли бы угадывать вѣчныя и основныя те-
 ченія ея: нѣтъ, онъ раскрылъ предъ нами ея нѣдра, гдѣ временное и
 индивидуальное теряетъ свою силу, и показалъ намъ ее въ ея неиз-
 мѣнныхъ чертахъ. Эти черты лапидарны и стихійны, какъ коллизіи
 греческихъ драмъ,—что-то грандіозное, соединяющее въ себѣ безмѣр-
 ную скорбь съ зловѣщей таинственностью. Здѣсь во мракѣ и безмолвіи
 царитъ страшный рокъ, манящій взглядомъ и пожирающій человѣка,
 здѣсь плоть во тьмѣ находитъ свой путь и злобно покоряетъ себѣ
 духъ человѣческой, здѣсь изъ безумія рождается молитва, изъ молит-
 вы—преступленіе и кара за него. Символизмъ этой картины неисчер-
 паемъ. Эта мать, безмѣрно тоскующая о сынѣ и требующая отъ мужа
 ласкъ, чтобы въ новомъ ребенкѣ воскресить себѣ умершаго, — что
 это: святость чистѣйшей скорби или кощунственный вызовъ Богу? И
 что такое этотъ отецъ, отвѣчающій на бѣшеную страсть жены такою
 же бѣшеною страстью, „въ которой было все: и свѣтлая надежда, и
 молитва, и безмѣрное отчаяніе великаго преступника“? Да, преступле-
 ніе: зачѣмъ ты въ скорби своей о женѣ и сынѣ мыслишь исправить
 сдѣланное Богомъ? И за преступленіе, рожденное любовью,—кара: ро-
 ждается идіотъ, и чрезъ эту-то кару поднимается человѣкъ до престола
 Бога, чтобы потребовать отчета за все земное горе. Самъ этотъ идіотъ,
 подобно Калибану въ „Бурѣ“,—великій символъ косной, плотской силы
 въ природѣ и въ самомъ человѣкѣ, нарисованный съ такою безстраш-
 ною правдивостью, съ такимъ глубокимъ прозрѣніемъ, что, пристально
 глядяваясь въ него, чувствуешь, какъ волосъ поднимается дыбомъ.
 Въ тѣхъ строкахъ, гдѣ онъ изображенъ спящимъ, воплощена, кажется,
 цѣлая стихія—стихія слѣпой животности, жестокой и скорбной, тоскую-
 щей по свѣту, по духу: „И утомленнымъ было оно (лицо идіота), какъ
 лицо актера, измученнаго трудною игрою, и вокругъ огромнаго сомне-
 таго рта лежала тѣнь суровой печали. Какъ будто двѣ души было въ
 немъ, и когда одна спала, просыпалась другая, всезнающая и скорбная“.
 Онъ—кара родившему его, но и часть его: они нераздѣльны. Вотъ они
 въ глухую зимнюю ночь, одни бокъ о бокъ, какъ двое каторжниковъ,
 прикованныхъ къ одной тачкѣ,—отецъ, почти безплотный, весь охва-
 ченный мечтою о чудѣ, и его звѣроподобный сынъ; и въ ту минуту,
 когда отецъ въ безуміи неудержимаго восторга вопіетъ: „Вѣрую, Гос-
 поди! Вѣрую!“ за его спиной раздается безмысленный, зловѣщій хо-

хоть идиота. Но крайнихъ предѣловъ глубины и вмѣстѣ потрясающаго ужаса достигаетъ символика въ послѣдней сценѣ, въ сценѣ воскресенія, когда на крикъ попа, обращенный къ черному гробу: „Да говори же ты, проклятое мясо!“ отвѣчаетъ его проклятое мясо—идиотъ, высывающийся изъ гроба и вдругъ разражающийся громовымъ хохотомъ, отъ котораго валятся стѣны, рушится куполь,— „въ самыхъ основахъ своихъ разрушается и падаетъ міръ“.

И такъ все въ этой удивительной повѣсти полно глубокаго символическаго смысла. Съ безошибочной увѣренностью, точно въ ясновидѣніи, чертитъ поэтъ таинственныя линіи человѣческихъ судебъ, обобщаетъ въ твердые образы зыбкія очертанія роковыхъ опредѣленій, слѣдитъ глубоко сокрытыя теченія жизни и духа. Навѣки типичными чертами изображенъ Василій Өивейскій, надъ жизнью котораго тяготѣетъ суровый и загадочный рокъ: онъ одинокъ среди людей, какъ планета среди планетъ, и особенный воздухъ, губительный и тлетворный, окружаетъ его, какъ облако. Символична и его жизнь, въ которой царитъ какая-то таинственная закономерность: гибель сына „на седьмой годъ благополучія“, въ яркій лѣтній день, „когда слишкомъ свѣтло горитъ солнце и нестерпимо блеститъ зажженная имъ обманчивая рѣка“, „когда кругомъ радовались люди, животные и поля“, и начинающийся отсюда непрерывный рядъ ударовъ, столь частый, какъ не бываетъ въ дѣйствительности,—эта зловѣщая преднамѣренность рока, вѣрная не фактически, а психологически, ибо именно такую—по пятамъ гонимому рокомъ—начинаетъ представляться человѣку и окружающимъ его жизнь, когда одно за другимъ постигнуть его два-три неожиданныхъ несчастія. Таковъ же и Иванъ Порфирычъ, балуемый счастьемъ, веселый и уважаемый людьми, таковъ и крестьянинъ Мосягинъ и т. д. Минутами обобщеніе поднимается до такой силы, какой достигали лишь величайшіе изъ художниковъ, Байронъ въ Манфредѣ или Тютчевъ въ иныхъ стихотвореніяхъ; таково приведенное выше описаніе спящаго идиота и особенно нѣкоторыя изъ описаній наружности Василя Өивейскаго: „Пуцовой отъ гѣба, Иванъ Порфирычъ сверху взглянулъ на попа и застылъ съ раскрытымъ ртомъ. На него смотрѣли бездонно глубокіе глаза, черные и страшные, какъ вода болота, и чья-то могучая жизнь билась за ними, и чья-то грозная воля выходила оттуда, какъ заостренный мечъ. Одни глаза. Ни лица, ни тѣла не видѣлъ Иванъ Порфирычъ. Одни глаза, огромные, какъ стѣна, какъ алтарь, зіяющіе, таинственные, поведительные, глядѣли на него, и, точно обоженный, онъ безсознательно отмахнулся рукою и вышелъ, толкнувшись о притолку толстымъ плечомъ“.

И воплощена эта сгущенная символика въ удивительно простыхъ и осязательныхъ образахъ, начертанныхъ твердою рукою. Необъятная міровая драма разыгрывается въ тѣсныхъ предѣлахъ незамѣтной, обыденной жизни; въ этой глубоко-символической картинѣ каждый штрихъ—сама правда, нѣтъ натяжекъ и нѣтъ трагическихъ жестовъ. Фактически все такъ же просто, какъ внѣшняя жизнь, но психологически все страшно сосредоточено, точно поэтъ не просто смотритъ, а впивается взоромъ въ вещи и людей и читаетъ въ нихъ тѣ могущественныя, загадочныя движенія, которыя сродни стихіямъ. Поразительно его умѣніе видѣть зарожденіе и ростъ въ человѣческой душѣ тѣхъ наполовину фи-

зіологическихъ, наполовину духовныхъ чувствъ, которыя рѣдко достигаютъ сознанія, но являются главными двигателями человѣческой жизни. Когда, поглощенный своей неподвижною думою о жизни, попъ не поклонился старостѣ, и староста, презиравшій его за его несчастія, хотѣлъ строго посмотрѣть на него сверху внизъ, онъ „тутъ впервые замѣтилъ, что попъ выше его ростомъ, хотя самъ онъ считался самымъ высокимъ человѣкомъ въ округѣ. И что-то пріятное мелькнуло въ этомъ открытіи, и неожиданно для себя староста пригласилъ: „Заходите какъ-нибудь“. Еще тоньше инья сцены между попомъ и его женою, безошибочнымъ чутьемъ постигающей его душевное состояніе; минутами точно молнія вдругъ прорѣзываетъ ея сознаніе, и она съ ужасающей ясностью видитъ, что онъ потерялъ вѣру или что онъ одинокъ, не принадлежитъ ни ей, ни кому. Твердою рукою изображаетъ авторъ тѣ неуловимые токи, которые исходятъ отъ человѣка и какимъ-то гипнозомъ охватываютъ близстоящихъ къ нему. Какъ удивительно изображено безпричинно-нервное настроеніе толпы, наполняющей церковь въ день погребенія Мосягина! или непреодолима тревога, которую вселяетъ въ людей взоръ попа, готовящагося къ подвигу: „И неизвѣстно откуда—съ загадочныхъ ли словъ старосты или другого источника—по селу, а потомъ и дальше пошли смутные и тревожные слухи о знаменскомъ попѣ. Какъ дымная гарь отъ далекаго лѣсного пожара, они двигались медленно и глухо, и никто не замѣчалъ ихъ прихода, и только взглянувъ другъ на друга и на потускнѣвшее солнце, люди понимали, что пришло что-то новое, необычное и тревожное“. Въ повѣсти нѣтъ и слѣда обычной литературной психологіи, такъ мало похожей на дѣйствительную: здѣсь все соткано изъ этихъ неуловимыхъ стихійныхъ движеній души, изъ этихъ взаимныхъ чувственныхъ токовъ, гдѣ нѣтъ послѣдовательной работы сознанія и въ немъ лишь внезапно вскрывается то, что назрѣло гдѣ-то въ тайникахъ духа, такъ, какъ оно всегда бываетъ въ жизни. Такими чертами изображена и вся душевная драма Фивейскаго—истинный перлъ художественной техники. Авторъ не водитъ насъ по лабиринту его души, самодовольно объясняя ее, какъ гидъ—иностранный музей; самъ попъ, сумрачный и неразговорчивый, произноситъ мало словъ; но въ его глазахъ, въ его поступи, въ его несложныхъ дѣйствіяхъ намъ открываются бездны и горы, чрезъ которыя восходитъ его путь до небснаго престола.

Не менѣе удивителенъ и языкъ, которымъ написана повѣсть. Ея символика, ея реализмъ и ея слогъ нераздѣлимы—они одушевлены однимъ и тѣмъ же могучимъ дыханіемъ. Въ тонѣ и построеніи этой ровной рѣчи такая страшная сила, точно сами говорятъ, воплотившись въ человѣкѣ, гнѣвъ и скорбь человѣческой души. У Готфрида Келлера есть разсказъ о девяти музахъ. Онѣ были осуждены жить въ подземномъ царствѣ, и только когда на Олимпѣ устраивалось празднество, ихъ призывали туда, чтобы онѣ своимъ пѣніемъ услаждали слухъ небожителей. И вотъ однажды онѣ рѣшили сложить такую пѣснь, которая заставила бы боговъ сжалиться надъ ихъ участью и взять ихъ на Олимпъ; и въ слѣдующій разъ, когда ихъ призвали туда, онѣ запѣли потрясающую пѣснь о непріятности и тѣмъ подземнаго міра, гдѣ имъ суждено томиться вѣчно, и о своей тоскѣ по лучезарнымъ вершинамъ Олимпа. И, слушая ихъ, плакали боги. Такова „Жизнь Василія Фивейскаго“.

М. Гершензонъ.

Библиографія.

В. Д. Кузьминъ-Караваевъ. Земство и деревня 1898—1903. Безъ года.

По вполне вѣрнымъ наблюденіямъ г. Кузьмина-Караваева (I—IV), за послѣднія семь лѣтъ жизнь земства идетъ ускореннымъ темпомъ. Борьба прогрессистовъ съ реакціонерами по условіямъ русской жизни идетъ у насъ главнымъ образомъ вокругъ идеи земскаго самоуправленія. Изъ области литературы эта борьба переходитъ въ земскія собранія и отражается на мѣропріятіяхъ, намѣчаемыхъ къ проведенію въ законъ и жизнь. Въ законѣ (и еще болѣе въ административной практикѣ, добавимъ мы) идея земскаго самоуправленія въ общемъ у насъ понесла уронъ, но въ общественное сознаніе она проникаетъ все болѣе и болѣе глубоко и все болѣе и болѣе крѣпнетъ въ немъ. Еще сильнѣе торжествуетъ эта идея въ практикѣ земской жизни, хотя болѣею частью земскіе дѣятели и не рѣшаются еще теоретически формулировать ее. Но земство неразрывно связано съ деревней, и эту связь не нарушили ни земскіе начальники, ни реорганизация земскаго представительства на сословномъ началѣ. И если деревня у насъ попрежнему темна, безправна и эконоимически безсильна (325—361), то уже хорошо то, что такое положеніе ея изъ спорнаго въ общественномъ сознаніи превратилось теперь въ непреложный, всѣми признанный фактъ.

Статьи въ печати (гл. обр. въ „Правѣ“), рефераты въ административномъ отдѣленіи с.-п.—аго юридическаго общества и доклады и рѣчи тверскому губернскому и бѣжецкому уѣздному земскимъ собраніямъ по крестьянскому и земскому вопросу г. Кузьмина-Караваева за 1898—1903 гг. и составили лежащую предъ нами глубоко поучительную книгу, при чемъ особенно интересны земскія рѣчи г. Кузьмина-Караваева по ихъ общему значенію и какъ едва ли не первый опытъ публикати у насъ стенограммъ такихъ рѣчей, хотя самъ авторъ скромно указываетъ и на недостатокъ литературной обработки ихъ и на мѣстный ихъ колоритъ.

Но взгляды г. Кузьмина-Караваева на крестьянскій вопросъ и мѣстные комитеты по этому вопросу, несмотря на всю ихъ поучительность, не даютъ ничего новаго сравнительно съ книгами гг. Толмачева и Страховскаго и особенно съ такой капитальной и исчерпывающей вопросъ до дна книгой, какъ „Нужды деревни по работамъ уѣздныхъ комитетовъ“ гг. Львова и Стаховича, о которой къ тому же мы поговоримъ подробнѣе съ читателями въ одной изъ ближайшихъ книжекъ „Научнаго Слова“.

Поэтому остановимся здѣсь лишь на взглядахъ на земство г. Кузьмина-Караваева, тѣмъ болѣе что, если не ошибаемся, кромѣ книгъ гг. Кузьмина-Караваева и Гессена, у насъ нѣтъ *общихъ* работъ по земскому вопросу, если не считать устарѣлой книги кн. Васильчикова и неудовлетворительной работы г. Свѣшникова. Отправныя точки у гг. Гессена и Кузьмина-Караваева однѣ и тѣ же: необходимость передачи мѣстнаго управленія во всей полнотѣ его функцій безсословному самоуправляющемуся обществу съ предоставленіемъ въ этой области администраціи лишь функцій высшаго внѣвѣдомственнаго надзора (243—259). Но во-первыхъ, исчерпывающаго разбора земскаго вопроса ни та, ни другая книга не даетъ. Одна подчеркиваетъ однѣ его стороны, другая—другія.

Такъ, напр., только у г. Кузьмина-Караваева разработанъ такой кардинальный вопросъ земскаго самоуправленія, какъ фиксація (хотя бы и условная, но все же фиксація, 84—85) земскаго обложенія (75—97 и 425—429), законъ 12-го іюня 1900 г. о которой явился „результатомъ того, что имѣло мѣсто въ Тверской губерніи въ 1898 и 1899 гг.“ (425), и, отличаясь путаницей понятій (86) и

непоследовательностью и неясностью определений, сделав опасным положение земских учреждений извне и внутри (90, 92 и 429; см. также стр. 68 „Вопросов мѣстнаго управления“ г. Гессена). Не надо только оправдывать этотъ законъ частичными улучшениями, вносимыми имъ въ земское дѣло (96) и временнымъ характеромъ этого закона (Гессенъ, 87—88), тѣмъ болѣе что скорое окончаніе отдѣльных работъ едва ли возможно (81 и 94), а до него и законъ 12 июня врядъ ли будетъ отмѣненъ.

У одного г. Кузьмина-Караваева находимъ и разработку вопроса о земскомъ хозяйствѣ въ западныхъ губерніяхъ (179—221 и 370—412), глубоко печальное состояніе котораго (180) думали поправить (законъ 2 апрѣля 1903 года) созданиемъ системы бюрократическихъ учреждений (Гессенъ, 22), дѣйствующихъ на началахъ учреждений общественныхъ (188), но неудачно, какъ это успѣла уже объяснить практика вопреки утвержденію г. Кузьмина-Караваева, что съ новыми учрежденіями въ Западномъ краѣ „дѣло пойдетъ лучше“ (407; ср. впрочемъ 217). И эта неудача, а не переувѣчивыя вѣянія бюрократическихъ сферъ (371), служить лучшей гарантіей того, что эти идеи не будутъ распространены на всю Россію. Подчеркиваетъ эта неудача еще разъ и такую общепризнанную истину, что даже для окраинъ и необходимо, и по мѣстнымъ условіямъ вполне допустимо настоящее земство (411), но, конечно, сообразованное съ мѣстными условіями (317).

Но, напр., такихъ важныхъ вопросовъ самоуправленія, какъ пропорціональное представительство (книга г. Коржунова), земскія ходатайства (книга г. Карышева), отношенія уѣздныхъ земствъ къ губернскому (брошюра г. Шипова и т. д., ни г. Гессенъ, ни г. Кузьминъ-Караваевъ почти совсѣмъ не касаются. Нуждается въ детальной разработкѣ и вопросъ о цензѣ (254).

Во-вторыхъ, г. Гессенъ теоретикъ, а г. Кузьминъ-Караваевъ и теоретикъ, и практикъ по земскому вопросу, и это позволяетъ ему иногда вѣрнѣе смотрѣть на дѣло, чѣмъ г. Гессену.

Такъ, напр. на стр. 40 „Вопросовъ мѣстнаго управления“ г. Гессенъ утверждаетъ, что у насъ губернаторъ историческимъ движеніемъ нашего законодательства постепенно превращается въ органъ надзора, а г. Кузьминъ-Караваевъ на стр. 381 говоритъ, что „общая тенденція нашего законодательства за послѣднія 20 лѣтъ явно клонится къ сосредоточенію въ рукахъ губернатора наибольшей власти управленія“, и послѣднее болѣе соответствуетъ дѣйствительности, чѣмъ слова г. Гессена ¹⁾.

Сказался вѣрный взглядъ теоретика-практика и во взглядахъ г. Кузьмина-Караваева на мелкую земскую единицу (124 — 150), вопросъ о которой у насъ такъ муссируютъ (147) за невозможностью разрабатывать болѣе общіе и болѣе важные вопросы, забывая за вполне справедливымъ протестомъ противъ административной опеки надъ деревней (348 — 349) и за красотой юридической конструкции (130) о невозможности иначе рѣшить вопросъ о мелкой земской единицѣ (въ принципѣ очень желательной и полезной), какъ на почвѣ общихъ реформъ, на почвѣ суммированія земства и признанія и защиты правъ личности и союзовъ нашимъ законодательствомъ. Правда, г. Кузьминъ-Караваевъ, возставая противъ преувеличеній защитниковъ мелкой земской единицы, самъ увлекается и въ свою очередь преувеличиваетъ невозможность введенія ея у насъ (интересы колокольни, некультурность населенія, 130 и 136) и даже вредъ ея (135) и пагубность (143—144) для земской идеи, хотя примѣръ такихъ прогрессивныхъ крестьянскихъ земствъ, какъ вятское, о которомъ см. подробности въ книжкѣ г. Голубева, говоритъ тутъ противъ г. Кузьмина-Караваева, а воспитательное значеніе мелкой земской единицы признаетъ и онъ самъ (141). Не можетъ также вопреки г. Кузьмину-Караваеву замѣнить ее земская агентура (134). Но онъ вполне правъ, говоря, что прежде всего нужно измѣненіе нашихъ главнымъ образомъ правовыхъ (358), а отчасти и экономическихъ (146) условій и тогда уже сама собой, безъ излишнихъ потугъ и безъ шума явится „всесловная“ (т.-е. бессловная?) организація на мѣстахъ (149) ²⁾.

¹⁾ См. также апрѣльскую административную хроніку „Вѣстника Права“ за 1904 г.

²⁾ Нельзя не отмѣтить по ихъ интересу и дѣйности въ книгѣ г. Кузьмина-Караваева и статей о земскихъ экономическихъ предпріятіяхъ (1—30), земской адвокатурѣ (30 — 52) и участковыхъ судьяхъ и земскихъ начальникахъ (97 — 124). Въ высшей степени интересно и сравнить статьи о продовольственномъ дѣлѣ гг. Кузьмина-Караваева (259—269) и Гессена (67—100). Интересна и статья объ упраздненіи земскихъ школъ въ Тверскомъ уѣздѣ (412—424).

Въ общемъ книга о русскомъ земствѣ, отвѣчающая современнымъ теоретическимъ и практическимъ требованіямъ по этому вопросу и исчерпывающая его до дна во всемъ его объемѣ, еще не написана (въ зависимости между прочимъ отъ внѣшнихъ условий, о которыхъ говорить книга г. Арсеньева „Законодательство о печати“?). Но такія прекрасныя, содержательныя и будящія мысль работы, какъ книги гг. Гессена и Кузьмина-Караваева, значительно приближаютъ насъ къ моменту появленія такой книги.

Удивляетъ насъ только оптимизмъ г. Кузьмина-Караваева. Припоминая антиземскія тенденціи бюрократіи (Гессенъ, 68) и стремленіе администраціи еще болѣе на практикѣ расширить и безъ того широкія по закону полномочія ея относительно земства (Гессенъ 211—235; Кузьминъ-Караваевъ, 56—75; Дюнео, 254) а также слова самого г. Кузьмина-Караваева на стр. 375, что у насъ „20 лѣтъ уже земское самоуправленіе стоитъ между жизнью и смертью“, а на стр. 1 объ уропѣ, понесенномъ земской идеей въ законѣ, нельзя на стр. II безъ грустной улыбки читать о какомъ-то „счастіи боевомъ“, начинающемъ служить русскому земству. На невеселыя думы наводятъ и ускоренный темпъ земства за послѣднее время: неизвѣстно еще, признакъ ли это здоровья или предсмертной горячки.

Можно усомниться и въ оптимистическихъ взглядахъ г. Кузьмина-Караваева на работы губернскихъ совѣщаній по пересмотру законодательства о крестьянахъ, хотя бы уже по отсутствію гласности въ этихъ комитетахъ, а также по декоративному составу ихъ (Гессенъ, 209—210).

Недостаточно также г. Кузьминъ-Караваевъ отмѣчаетъ тотъ фактъ, что земская идея не составляетъ чего-то новаго для Руси (II), а является исконнымъ чаломъ, только на время заглушеннымъ петербургскими морозами и вновь пышно расцвѣтшимъ, какъ только повѣяло весеннимъ тепломъ незабвенныхъ 60-хъ годовъ.

Сергій Шумковъ.

Проф. Д. Я. Самоквасовъ. Происхожденіе помѣстного права и общиннаго крестьянскаго землевладѣнія московскаго государства по новѣйшей теоріи и по источникамъ. М. 1904. in 8—во. Стр. 68.

Передъ нашимъ взоромъ — удивительно цѣнная брошюра, которую грѣшно было бы замолчать нашей критикѣ; въ заголовкѣ, въ содержаніи, въ условіяхъ своего появленія она отражаетъ столь многое въ нашей своеобразной ученой дѣятельности, что самъ почтенный авторъ, по всей вѣроятности, не понимаетъ и не цѣнитъ ея крупнаго научнаго и общественнаго значенія: вѣдь это такъ свойственно многимъ историческимъ дѣятелямъ заблуждаться насчетъ своего дѣйствительнаго положенія и истиннаго призванія... Брошюра типична для момента своего появленія, выражая въ наилучшемъ видѣ весь характеръ оригинальнаго учено-литературнаго дарованія заслуженнаго ординарнаго профессора Самоквасова. Уже нѣкто „Утисъ“ въ мартовской книжкѣ журнала „Русская Мысль“ за текущій годъ обезсмертилъ почтеннаго профессора наименованіемъ „историкъ-юмористъ“, предложивъ ему печатать свои произведенія на страницахъ „Стрекозы“ или „Будильника“. Едва ли, впрочемъ, возможно вполнѣ присоединиться къ этому остроумному аттестату, выданному блестящей статьей Утиса г. Самоквасову. Этотъ аттестатъ страдаетъ излишней добротой и снизводительностью къ почтенному профессору и не учитываетъ того общественнаго зла, которое вносится въ жизнь учеными нудями, вскинутыми на поверхность волнами бюрократизаціи русской высшей школы. Понятія о столоначальникѣ и профессорѣ мы уже привыкли различать и давно требуемъ отъ столоначальниковъ профессиональной опрятности. Не пора ли затребовать такую опрятность и отъ г. профессора? Но... пусть примѣры дадутъ намъ нѣкоторое развлеченіе. На стр. 26 (срв. стр. 14) читаемъ слова, отъ которыхъ краска стыда за г. Самоквасова покрываетъ лицо любого читателя: „Кормленіе по должности намѣстника или посадника не исключало собою владѣнія помѣстной государевою землею; но можно было владѣть помѣстной землею, не занимая должности намѣстника и посадника, какъ въ XVII столѣтіи воеводы владѣли и помѣстьями, но не всѣ помѣщики были воеводами. На этомъ различіи службы посадника и помѣщика было основано раздѣленіе служилыхъ бояръ Новгорода на два разряда: посадниковъ и *житыхъ людей*, по свидѣтельству

лѣтописи, владѣвшихъ помѣстьями до времени ихъ перевода въ Москву". На стр. 29 читатель найдетъ отождествленіе юридическаго значенія нѣкоторыхъ терминовъ новгородскихъ и московскихъ: напр., житыи люди = жильцы, волость = помѣстье, обжа = четь (срв. стр. 30). Сославшись затѣмъ на Юлія Цезаря, какъ на „древнѣйшій источникъ знанія быта древнихъ германцевъ“, почтенный авторъ утверждаетъ существованіе русской крестьянской общины еще во времена Рюрика: доказательствомъ служить отождествленіе терминовъ *oppidum*, *вервь*, *вара*, *перевара*, *городъ* (*sic!*). Эта древняя вервь или городъ, по словамъ г. Самоквасова, ничто иное какъ „опора русской землѣ со времени княгини Ольги до XIX вѣка“. А нынѣ, восклицаетъ профессоръ, что за беспорядокъ: „дробные участки распределяются между крестьянами по жребію, при чемъ нѣрѣдко это распределеніе сопровождается драками, взаимною ломкой рукъ и ногъ“ (стр. 66). Въ старину этого не было: „ничего подобнаго не было въ древней русской общинѣ, когда, по указамъ государя, государевы писцы надѣляли ея членовъ равными обжами“. Да, хорошее это было время, когда приторость населенія „влекъ за собою не дробленіе участковъ общинной дачи установленной мѣры, а образованіе новыхъ общинъ на свободной государственной землѣ“. Нашъ профессоръ, очевидно, очень добрый человекъ: онъ не мудрствуетъ, онъ не изслѣдуетъ и не доказываетъ, не знакомится ни съ литературой, ни съ источниками, кромѣ Юлія Цезаря и китайскихъ лѣтописей, а попросту жалѣетъ, что исчезло слово *перевара* и крестьянамъ стало жить плохо, руки-ноги ломаютъ, все не даютъ имъ новой общины на свободной государственной землѣ. „Пришли, читаемъ у того же добраго профессора на стр. 60—61, монголы на русскую землю въ XIII вѣкѣ и „разрушили тысячи городовъ русской земли“. „Тысячи *городскихъ земледѣльческихъ* поселеній древней Руси были обращены въ поселенія сельскія, неукрѣпленныя, платившія дань уже не русскимъ князьямъ, а монгольскому хану“ — какое цѣнное извѣстіе! Впервые изъ лѣтописнаго сказанія московскаго профессора мы узнаемъ, что Русь первой половины XIII-го вѣка была покрыта „тысячами городовъ“ или, что тоже, „городскихъ земледѣльческихъ поселеній“. Позвольте привести еще одну послѣднюю цитату изъ брошюры г. Самоквасова,—цитату, которой простымъ неученымъ смертнымъ, правда, не понять. „Превращеніе наиѣстничества въ помѣстья повлекло за собою превращеніе черныхъ людей въ помѣстныхъ крестьянъ, а *переварь* — въ помѣстья дворянъ московскаго государства; вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаютъ въ русскомъ языкѣ древнія наименованія: *верви*, *вари*, *перевары*, *черные люди*, *чернокушцы*, *переваряне*. Но, потерявъ свои старыя названія, русская вервь-перевара продолжала жить въ бытѣ русскаго крестьянства подъ новыми именами крестьянъ оброчныхъ и тяглыхъ, помѣстныхъ и удѣльныхъ“.

Ни звука не нашли мы у г. Самоквасова о происхожденіи помѣстья и крестьянской общины, и прежде всего по той причинѣ, что самыя эти термины для него — *terra incognita*, а вся брошюра — плодъ послѣдней отчаянной попытки столоначальника нарядиться въ неподходящій костюмъ ученаго историка. Слова — ученыя, а предложенія — канцелярскія; жесты очень рѣзкіе, а рѣчи — жалкія; претензій много, но въ приемахъ нѣсколько маловато должной опрятности. Цитаты и выписки сплошь загромаждаютъ все произведеніе, изрѣдка пересыпанное изреченіями въ родѣ вышеприведенныхъ. Цитаты и выписки ни текста не подкрѣпляютъ, ни даже порою какого-либо отношенія къ поставленной темѣ не имѣютъ; это попросту — ученая обтѣпалка, за которою прикрывается „теорія конфискаціи“ московскаго профессора (стр. 9). Эта „теорія конфискаціи“ не отличается замысловатостью и состоитъ въ томъ, что нашъ авторъ неожиданно находитъ въ архивѣ то, что или уже давно было найдено другими, или на что указаніе свободно можно встрѣтить въ печатныхъ источникахъ (напр., писцовыя книги или матеріалъ дѣлопроизводства вотчинной конторы).

Брошюра г. Самоквасова открывается такими словами: „Въ московскомъ государствѣ на системѣ помѣстнаго права были основаны государственная служба, сословныя отношенія и институты поземельнаго владѣнія, а потому незнающій помѣстнаго права не можетъ знать государственнаго и гражданскаго права московскаго государства“. Эта не красно выраженная фраза обнаруживаетъ въ нашемъ почтенномъ профессорѣ, помимо вскрытой выше душевной доброты, слѣды средневѣковой аскетической морали; очевидно, онъ готовъ при случаѣ подвергнуть свою особу самобичеванію, ибо кто возьмется въ данномъ случаѣ его утѣшать и доказывать, что онъ знаетъ хоть что-нибудь въ области исторіи русскаго права. Хвала ему и за доброту, и за признаніе! Но вотъ за что мы похвалить его не

можемъ. Разбираемая брошюра, какъ оказывается, представляетъ собою рѣчь, читанную въ торжественномъ собраніи московскаго университета 12 января 1904 года, въ день 149-ой его годовщины... и законченную предложениемъ „серьезно подумать“ объ архивныхъ профессорахъ, „какъ о единственномъ рациональномъ средствѣ выхода нашего историко-юридическаго самосознанія изъ области гипотезъ въ сферу положительнаго знанія“... Да, надо подумать объ архивныхъ профессорахъ, надо указать имъ надлежащее ихъ мѣсто и спасти высшую школу отъ грозы схоластики, буквѣдства и подъяческаго духа.

В. Сторомель.

**Иностранная критика о Горькомъ. Сборникъ статей. Сост. Л. Г. М. 1904 г.
Цѣна 1 руб. 50 коп.**

Въ составъ этого сборника вошли критическія статьи о Горькомъ, извлеченныя изъ англійскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ, шведскихъ, датскихъ, итальянскихъ и испанскихъ изданій (съ тѣхъ поръ какъ вышла эта книга, появилось еще нѣсколько отзывовъ о Горькомъ,—напр., англійскихъ). Всего обширнѣе и разнообразнѣе нѣмецкій отдѣлъ, заключающій въ себѣ пятнадцать различныхъ отзывовъ. Наоборотъ, есть отдѣлы, представленные всего однимъ какимъ-нибудь отзывомъ, хотя бы очень интереснымъ, и, вслѣдствіе этого, естественно блѣдныя и односторонніе. Во многихъ случаяхъ составитель сборника дѣлалъ извѣстную выборку изъ многочисленныхъ критическихъ оцѣнокъ дѣятельности русскаго писателя, отдавая предпочтеніе тѣмъ изъ нихъ, которыя ему казались болѣе характерными, яркими и содержательными. Всего переводить и печатать, конечно, не нужно было, тѣмъ болѣе, что это сдѣлало бы книгу непомерно объемистою и ввело бы въ нее значительную долю балласта, не интереснаго для русскихъ читателей; но жаль все же, что содержаніе и основная мысль ненапечатанныхъ отзывовъ не отмѣчены у г. Л. Г., хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, какъ это сдѣлано имъ, напр., въ испанскомъ отдѣлѣ, гдѣ приведены выдержки изъ статьи о Горькомъ и Мережковскомъ извѣстной беллетристки, г-жи Пардо-Басанъ, и, съ другой стороны, отдѣльныя части этой статьи пересказаны своими словами. Въ общемъ, сборникъ „Иностранная критика о Горькомъ“ даетъ все же понятіе о томъ, какъ оцѣниваютъ на Западѣ „бытописателя русскаго пролетаріата“, „великаго босняка“, „поэта бывшихъ людей“, „пѣвца босняковъ и воровъ“ (беремъ наудачу эти эпитеты изъ различныхъ иностранныхъ отзывовъ объ авторѣ „Челкаша“).

Конечно, многія изъ этихъ заграничныхъ оцѣнокъ представляютъ прежде всего интересъ курьеза или могутъ въ лучшемъ случаѣ служить матеріаломъ для характеристики обратнаго воздѣйствія русской литературы на иностранныя, сказывающагося въ новѣйшее время. Цѣнныхъ, капитальныхъ статей о Горькомъ, которыя могли бы быть прочитаны съ пользой и русскою публикою, сравнительно, очень мало; одною изъ лучшихъ слѣдуетъ все же признать обширный этюдъ Мельхиора де Вогюв, когда-то познакомившаго французскихъ читателей съ русскими романистами старшаго поколѣнія и теперь снова пожелавшаго, по его выраженію, „вступить въ темный, безконечный русскій лѣсъ“, послѣ „долгаго пути, который ему пришлось совершить съ тѣхъ поръ, какъ онъ покинулъ его“.

Въ нѣкоторыхъ статьяхъ мы находимъ попытки сравнить или сблизить Горькаго съ западно-европейскими писателями или мыслителями сходнаго оттѣнка. Иногда эти попытки довольно удачны, въ другихъ случаяхъ онѣ производятъ впечатлѣніе чего-то неожиданнаго и натянутого... Такъ, д-ръ Полицій заявляетъ въ своей статьѣ: „Первыя слова Фомы Гордѣева до такой степени напоминаютъ сцену въ „Мистеріяхъ“ Гамсуна, когда Нагель выступаетъ на защиту всѣми отверженнаго человѣка, что съ большою вѣроятностью можно предположить, что Горькій хорошо знакомъ съ нимъ“. Въ Горькомъ мы видимъ возрожденіе духа Байрона и Клейста“, читаемъ мы въ очеркѣ д-ра Алкалая („Norddeutsche Allgemeine Zeitung“). Въ двухъ отзывахъ Горькій сравнивается съ Мопассаномъ; иногда его стараются сблизить съ Гауптманомъ. Карлъ Штекеръ полагаетъ, что Гауптманъ и *Матерлинки* не чужды Горькому, мало того, — что онъ изучалъ Штирнера и Ницше, что социальный вопросъ затронуть имъ глубже, чѣмъ Золя въ „Жерминаль“ или Гауптманомъ — въ „Гкачахъ“. „Очень немногіе пессимисты, будь они философы, какъ Шопенгауеръ, Гартманъ, или

поэты мировой скорби, как Леопарди, Шелли, Байронъ, пришли къ такимъ безнадежнымъ выводамъ, какъ бродяги Горькаго“, говорить одинъ итальянскій критикъ. Есть, наконецъ, уже совершенно непонятныя сравненія Горькаго съ Ж.-Ж. Руссо, Викторомъ Гюго, — даже съ Шекспиромъ!.. Наряду съ этимъ, попадаются отдѣльные довольно рѣзкіе, отрицательные, подчасъ — несправедливые отзывы. Вполнѣ объективная, безпристрастная оцѣнка, очевидно, еще впереди.

Ю. Веселовскій.

Графъ Ф. де Ла-Бартъ. Бесѣды по исторіи всеобщей литературы и искусства. Часть I. Средніе вѣка и Возрожденіе. Изданіе Кіевской женской А. Т. Дучинской гимназіи. Кіевъ 1908 г. Цѣна 1 руб.

Графъ де Ла-Бартъ извѣстенъ былъ до сихъ поръ всѣмъ лицамъ, занимающимся у насъ исторіей всеобщей литературы, главнымъ образомъ, — какъ хорошій переводчикъ „Пѣсни о Роландѣ“, переводъ котораго, слѣбанный разгромъ подлинника, въ свое время былъ удостоенъ Пушкинской преміи. Теперь онъ выпустилъ первую часть сборника бесѣдъ, посвященныхъ прошлому западно-европейской словесности и отчасти — искусства. „Бесѣды“ распадаются на два большихъ отдѣла („Средніе вѣка“ и „Возрожденіе и классицизмъ“) и на 12 главъ: „Средневѣковъй эпосъ“, „Культъ женщины въ пѣсняхъ провансальскихъ трубадуровъ и въ лирикахъ испанскихъ мавровъ“, „Францискъ Ассизскій и итальянская живопись“, „Данте“, „Раннее Возрожденіе“, „Петрарка и Боккаччо“, „Гуманисты XV и XVI столѣтій и Просвѣтители XVIII вѣка“, „Итальянское искусство въ XV столѣтій“, „Микель Анджело, Леонардо-да-Винчи, Рафаэль“, „Художественный реализмъ и классицизмъ во Франціи въ XVI и XVII столѣтійхъ“, „Европейскій театръ до Шекспира“, „Шекспиръ“. Одною изъ самыхъ лучшихъ, наиболѣе интересныхъ и содержательныхъ главъ является та, въ которой говорится о средневѣковомъ эпосѣ и въ особенности — о „Chanson de Roland“, такъ тщательно изученной авторомъ. Смѣло можно рекомендовать также всѣмъ интересующимся средневѣковою словесностью главу, посвященную провансальской поэзіи и заключающую въ себѣ довольно полный и весьма яркій обзоръ различныхъ отбѣнокъ лирики, развившихся подъ голубымъ небомъ Прованса.

Изъ дальнѣйшихъ главъ не всѣ могутъ въ одинаковой степени удовлетворить насъ. Иногда автора можно упрекнуть въ чрезмѣрной краткости и сжатости отдѣльныхъ характеристикъ; такъ, напримѣръ, слишкомъ ужъ бѣгло обрисованъ и разобранъ Декамеронъ, творчество Рабля, Д'Обинье, предшественниковъ Шекспира; біографія самого Шекспира занимаетъ всего 16 строкъ; краткая и нѣсколько неожиданная въ этой книгѣ характеристика энциклопедія въ гл. VII (сравненіе съ гуманизмомъ) едва ли можетъ дать неподготовленному читателю настоящее понятіе о дѣятельности и міросозерцаніи энциклопедистовъ и, вѣроятно, будетъ подробнѣе разработана во второй части. Къ числу недостатковъ книги г. де Ла-Барта принадлежитъ также отсутствіе тѣсной органической связи между отдѣльными главами, которыя иногда различаются и по характеру изложенія, и по объему. Въ иныхъ случаяхъ мы находимъ даже подстрочныя примѣчанія, указывающія на то, какъ создавались извѣстныя главы: „предлагаемый мною разборъ пѣсни о Роландѣ и ея стилия представляетъ собою, въ сокращенномъ видѣ, докладъ, читанный мною въ нео-филологическомъ обществѣ при С.-Петербургскомъ университетѣ“; „эта глава составлена по докладу, читанному мною въ нео-филологическомъ обществѣ и въ обществѣ для студенческихъ рефератовъ при С.-Петербургскомъ университетѣ“; „эта глава составлена по статьѣ, помѣщенной мною въ журналѣ *Труды*“. Этотъ сборный и отчасти случайный характеръ „Бесѣдъ“ нѣсколько мѣшаетъ имъ стать настоящимъ пособіемъ или руководствомъ для лицъ, желающихъ основательно изучить иностранныя литературы...

Нельзя не указать, съ другой стороны, что лучшей мѣста въ книгѣ г. де Ла-Барта написаны очень увлекательно, картинно и интересно (кое-гдѣ хотѣлось бы только видѣть поменьше непривычныхъ для средняго читателя словъ, въ родѣ „ассонантъ“, „декасиллабическій“, „куртуазный“, „суггестивный“ и т. п.). Попытки автора сблизить старую литературу съ новою цитатами, въ иныхъ случаяхъ, изъ такихъ поэтовъ, какъ Мюссе, Гейне, Алексѣй Толстой, Мей и др., заслуживаютъ полного сочувствія, такъ какъ, несомнѣнно, оживляютъ изложеніе. Въ концѣ книги помѣщенъ списокъ тѣхъ трудовъ, которыми пользовался г. де Ла-Бартъ для отдѣльныхъ ея главъ.

Ю. Веселовскій.

Вольфганг Гете. „Фауст“, трагедія. Переводъ въ прозѣ Петра Вейнберга, съ примѣчаніями переводчика. Спб. 1904 г. Цѣна 2 руб. Изданіе товарищества „Знаніе“.

Прозаическій переводъ драмы или поэмы, написанной, въ подлинникѣ, стихами, несомнѣнно, имѣеть въ общемъ то преимущество передъ стихотворнымъ, что переводчику удается гораздо ближе и точнѣе передать мысль иностраннаго автора, со всѣми ея оттѣнками, не стѣсняясь никакими посторонними соображеніями, не прибѣгая ни къ какимъ описаніямъ или произвольнымъ, но почти неизбѣжнымъ отступленіямъ. Между тѣмъ, стихотворный переводъ, конечно, во многомъ зависитъ отъ необходимости для переводчика считаться съ требованіями размѣра, рѣмы, иногда измѣняя порядокъ словъ или останавливаясь на такихъ выраженіяхъ, которыя только приблизительно воспроизводятъ мысль автора, но зато оказываются болѣе благозвучными или укладываются безъ труда въ рамки того или другого размѣра... Съ другой стороны, въ точномъ прозаическомъ переводѣ легко могутъ пропасть нѣкоторыя красоты слога, такъ какъ даже самая изящная, музыкальная, благозвучная проза не можетъ въ этомъ отношеніи сравниться со стихотворною рѣчью.

Подобныя мысли невольно приходятъ намъ въ голову, когда мы знакомимся съ прозаическимъ переводомъ обѣихъ частей гетевскаго „Фауста“, вышедшимъ изъ-подъ пера П. И. Вейнберга и недавно изданнымъ въ Петербургѣ фирмою „Знаніе“. Въ предисловіи къ своему переводу маститый поэтъ говоритъ между прочимъ слѣдующее: „Только великая творческая сила Гете могла уложить все это (рѣчь идетъ объ идейномъ содержаніи трагедіи) въ стихъ, да еще болѣею частью рифмованный, дать тому, что представляеть собою чисто отвѣ-ченнѣйшій философскій трактатъ, такую стихотворную форму, которая именно каждымъ словомъ своимъ, эпитетомъ, оборотомъ выражаетъ мысль ясно, точно и опредѣленно и придаетъ ей надлежащее значеніе. Передать всѣ эти тонкости въ стихотворномъ переводѣ могъ бы только такой мыслитель-поэтъ, какъ Гете, а не передавать ихъ всѣ безъ исключенія или выражать сказанное авторомъ, хотя бы отчасти, „своими словами“, значить—давать объ этомъ великомъ созданіи совершенно неточное понятіе и, доставляя даже хорошимъ поэтическимъ переводомъ эстетическое наслажденіе, знакомить однако съ подлинникомъ только наполовину. Въ этомъ убѣдили меня и всѣ русскіе переводы „Фауста“,—а ихъ немало,—изъ которыхъ съ моей, выше объясненной, точки зрѣнія нельзя признать вполнѣ удовлетворительнымъ ни одного,—даже тѣхъ, которые (какъ, напр., Холодковскаго, Струговщикова, кн. Цертелева) обладаютъ поэтическими достоинствами, болѣею частью передаютъ вѣрно мысль, настроеніе, но очень часто, даже слишкомъ часто,—прибѣгая къ „своимъ словамъ“, выпуская самыя существенныя и характеристическія подробности, скорѣе сочиняя, чѣмъ переводя“.

П. И. Вейнбергъ называетъ прозаическій переводъ „Фауста“—„тоже очень трудную, иногда въ тушикъ ставящую работу“. И дѣйствительно, во многихъ случаяхъ мы ясно видимъ, сколько труда потрачено было переводчикомъ для вполнѣ точной и все же художественной передачи оригинала. Переводъ слѣдуетъ признать въ общемъ весьма удачнымъ; нѣкоторыя мѣста мы, правда, настолько привыкли видѣть въ стихотворной формѣ, что намъ словно чего то недостаетъ,—но, съ другой стороны, намъ встрѣтится немало такихъ отрывковъ, въ которыхъ проза отличается рѣдкою музыкальностью, имѣеть даже что-то въ родѣ ритма и во всякомъ случаѣ совсѣмъ не походитъ на обыкновенную прозу. Укажемъ для примѣра на монологъ Фауста („Высокій Духъ, ты дажь мнѣ, дажь мнѣ все...“), молитву Гретхенъ или „мистическій хоръ“ („Все преходящее есть только символъ...“), заканчивающій собою трагедію. Лицамъ, которыя не владѣютъ нѣмецкимъ языкомъ, ни одинъ русскій переводъ „Фауста“ не можетъ дать такого яснаго и точнаго представленія объ идейномъ содержаніи трагедіи Гете, какъ переводъ г. Вейнберга, появленія котораго нельзя поэтому не привѣтствовать. Къ книгѣ приложены иллюстраціи,—которыя могли бы быть нѣсколько лучше исполнены, — и болѣе 150 примѣчаній, составленныхъ П. И. Вейнбергомъ и весьма важныхъ для правильнаго пониманія трагедіи, особенно второй ея части.

Ю. Веселовскій.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію „Научнаго Слова“.

П. Первовъ. Международная школьная переписка. М. 1904. Оттискъ изъ журнала „Вѣстникъ Воспитанія“. **Дмитрій Яяковъ.** Ѳеодоръ Антоновичъ Ту-манскій. Историко-литературный очеркъ. М. 1903. Ц. 20 к. **Его же.** Князь Влади-миръ Ѳеодоровичъ Одоевскій. М. 1903. Ц. 20 к. **Его же.** Князь Петръ Андрее-вичъ Вяземскій. М. 1904. Ц. 20 к. **Его же.** Ѳеодоръ Ивановичъ Тютчевъ. М. 1904. Ц. 20 к. **Эдуардъ Мейеръ,** профес. исторiи въ Берлинѣ. Теоретическіе и мето-дологическіе вопросы исторiи. Перев. съ нѣмецк. А. А. Малининъ. М. 1904. **С. Мокрыжцкій.** О нѣкоторыхъ новыхъ вредителяхъ сельскохозяйственныхъ ра-стеній на югѣ Россіи. Оттискъ изъ журн. „Хозяинъ“. **Герригъ Ибсенъ.** Полное собраніе сочиненій. Перев. съ датскаго А. и П. Ганзенъ. Томъ VII. Изданіе С. Скирмунта. М. 1904. **М. Да-Коста.** Национализмъ въ германской средней школѣ. Перев. съ франц. С. Кондратьева. М. 1904. Ц. 20 к. Приложенія къ цир-кулярамъ по моск. учебн. округу. **Сельскохозяйственные общества въ деревнѣ.** Тула. 1904. Ц. 3 к. **С. А. Мокрыжцкій.** Къ вопросу о вѣткорневомъ питаніи боль-ныхъ деревьевъ. С.-Пб. 1904. **И. Тэнъ.** Исторія англійской литературы. Т. V. Современника. Перев. съ франц. П. Когана. М. 1904. Ц. 1 р. 50 к. **К. Флеровскій.** Критика основныхъ идей естествознанія. Стр. IV+518. С.-Пб. 1904. Ц. 2 р. 50 к. **Миръ.** Жизнь. Н.-Новгородъ. 1904. Изд. Л. А. Мукосьева. **Танъ.** Очерки и раз-сказы. Т. III. С.-Петербургъ. 2-е изданіе Н. Глаголева. Ц. 1 р. **И. Любому-дровъ.** Введеніе въ философію Герберта Спенсера. Въ краткомъ изложеніи. Вто-рое исправленное изданіе. Ковровъ. 1904. Ц. 40 к. **Гётте.** Зоологія. Съ 65 ри-сунками. Перев. подъ ред. прив.-доц. московск. университет. П. П. Сущкина. М. 1904. „Научно-образовательная бібліотека“. Серія начальныхъ курсовъ. Ц. 40 к. **Я. Недымовъ.** Химическая природа мірового эира. Отд. оттискъ журнала „Наука и Жизнь“. С.-Пб. 1904. Ц. 25 к. **И. Н. Стрижовъ.** Изученіе третичныхъ слоевъ Кавказа. Тифлисъ. 1904. Отд. оттискъ изъ XXIV-й книжки „Записокъ“ кавказ-скаго отдѣла императорскаго русскаго географическаго общества. **Программа чтенія для самообразованія.** Изд. отдѣла для содѣйствія самообразованію въ комитетѣ педаг. музея военно-учебн. заведеній. Четвертое вновь переработан. и зна-чительно дополнен. изд. 1904. Ц. 40 к. **Августъ Стриндбергъ.** Отецъ. Драма въ трехъ дѣйств. Перев. А. и П. Ганзенъ. Изданіе С. Скирмунта. М. 1904. **Отчетъ о дѣятельности консултантiи помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ при мо-сковск. мировомъ съѣздѣ за 1903 г.** Приложенія къ годичному отчету. М. 1904. **Мих. Лемке.** Николай Михайловичъ Ядринцевъ. Съ 8 иллюстраціями и съ введе-ніемъ И. И. Попова. Изданіе редакціи газеты „Восточное Обозрѣніе“. С.-Пб. 1904. **Ив. Наживинъ.** У дверей жизни. Очерки и рассказы. М. 1904. **Георгій Чулковъ.** Кремнистый путь. 1904. **Проф. И. И. Любимичъ.** Хозяйство и финансы нѣмецкихъ городовъ въ XIV и XV вѣкахъ. Варшава. 1904. **К. Тимирязевъ.** Ка-кимъ требованіямъ должны удовлетворять диссертанціи на степень доктора. М. 1904. Стр. 12. **Мих. Лемке.** Эпоха цензурныхъ эпохъ 1859—1865 годовъ. Съ 4 портретами. С.-Пб. 1904. Цѣна 3 р. **Книгоиздательство М. В. Пирожкова.** Исто-рической отдѣл. **А. Елистратовъ,** прив.-доц. казанскаго университета. О при-крѣпленіи женщины къ проституціи (врачебно-политической надзоръ). Казань. 1903. Ц. 2 р. **А. И. Фаресовъ.** Противъ теченій. Н. С. Лѣсковъ. Его жизнь, сочиненія, полемика и воспоминанія о немъ. Съ рѣдкимъ портретомъ. С.-Пб. 1904. Цѣна 1 р. 50 к. **Труды пермской губернской ученой архивной комиссіи.** VII. Пермь. 1904. **А. Де-Морсье.** Права женщины. Вопросы соціального воспитанія. Перев. съ франц. Эльтъ. С.-Пб. 1904. Ц. 50 к. **Эмиль Вандервальде.** Бѣгство въ города и обратная тяга въ деревню. Перев. съ франц. Л. П. Никифоровъ. Изд. С. Скирмунта. М. Ц. 1 р. **Е. Смирновъ.** Очеркъ теоріи дѣяности. С.-Пб. 1904. **Па-мяти проф. В. В. Докучаева.** Кружокъ любителей естествознанія, сельскаго хо-зяйства и лѣсоводства при ново-александрійскомъ институтѣ. С.-Пб. 1904.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
 Периодика.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

1904 годъ. популярно-научный иллюстрированный журнал II-й годъ.

Научное Слово

издающийся при содѣйствіи нѣкоторыхъ профессоровъ Московскаго университета. Ближайшее участіе въ редакціи журнала принимаютъ: проф. Н. А. Умовъ, проф. В. О. Ключевскій, прив.-доц. М. М. Богословскій, проф. П. И. Новгородцевъ, проф. Л. М. Лосагинъ, проф. ин. С. Н. Трубецкой.

Въ ближайшихъ книгахъ предполагается напечатать между прочимъ слѣдующія статьи: I. ОТДѢЛЪ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ: проф. Д. А. Гольдгаммеръ, „Наука и истина“; прив.-доц. Н. П. Кастринъ, „Жидкій воздухъ“; проф. Э. Е. Лейстъ, „Полярныя сіянія и магнитныя возмущенія“; проф. Б. К. Молодзѣевскій, „О безконечно-малыхъ“; проф. А. П. Павловъ, „Катастрофа 1902 г. на о. Мартиникъ“; Д. Н. Соболевъ, „Причины вулканическихъ изверженій“; проф. Н. А. Умовъ, „Недоразумѣнія въ пониманіи нѣкоторыхъ выводовъ естественныхъ наукъ“; П. В. Циклинская, „Тепло и холодъ въ жизни бактерій“. II. ОТДѢЛЪ ИСТОРИЧЕСКІЙ: А. В. Баулеръ, „О символизмѣ“; проф. П. Г. Виноградовъ, „Аграрный кризисъ въ римской имперіи“; проф. М. В. Довнаръ-Запольскій, „Политическіе идеалы М. М. Сперанскаго“; проф. В. О. Ключевскій „Памяти С. М. Соловьева“, „Очеркъ изъ исторіи Московскаго государства“; проф. Д. М. Петрушевскій, „Очерки изъ исторіи средневѣковаго общества и государства“; проф. кн. Е. Н. Трубецкой, „Новое введеніе въ исторію революціи 1789 года“; проф. кн. С. Н. Трубецкой, „Этюды по исторіи греческой религіи“. III. ОТДѢЛЪ ОБЩЕСТВЕННО-ЮРИДИЧЕСКІЙ: прив.-доц. Н. В. Давыдовъ, „Новое уголовное уложеніе“; проф. В. М. Хвостовъ, „Проектъ новаго гражданскаго уложенія“. IV. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ: проф. П. И. Новгородцевъ, „О принципахъ морали“.

Всѣ новые подписчики на 1904 г. получаютъ бесплатно начало статей проф. И. И. Мечникова „Этюды о природѣ человѣка“.

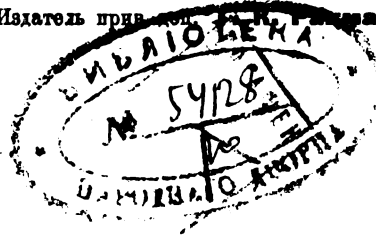
Въ текстѣ журнала помѣщаются чертежи, карты, рисунки, портреты и снимки съ различныхъ произведеній искусства. Журналъ выходитъ ежемѣсячно, за исключеніемъ іюня и іюля, книгами въ размѣрѣ отъ 8 до 10 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна за десять книгъ: безъ доставки въ Москвѣ на годъ 5 р. 50 к., на полгода 2 р. 75 к., съ доставкой и пересылкой во все города Россіи на годъ 6 р., на полгода 3 р.; за границу 8 р. Для учащихъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ годовая цѣна уменьшается на 1 руб.

Комплекты 1903 г. разошлись. Отдельные №№ (1, 3—10) продаются по 60 к. каждый. Подписка принимается въ Москвѣ, въ конторѣ редакціи (Воздвиженка, Ваганьковскій пер., д. Куманина) и въ конторѣ Н. Печковской (Петровскія линіи). Гг. иногородники просятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи.

Издатель прив.-доц. М. М. Богословскій.

Редакторъ проф. Н. А. Умовъ.

**This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.**

**A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.**

Please return promptly.

